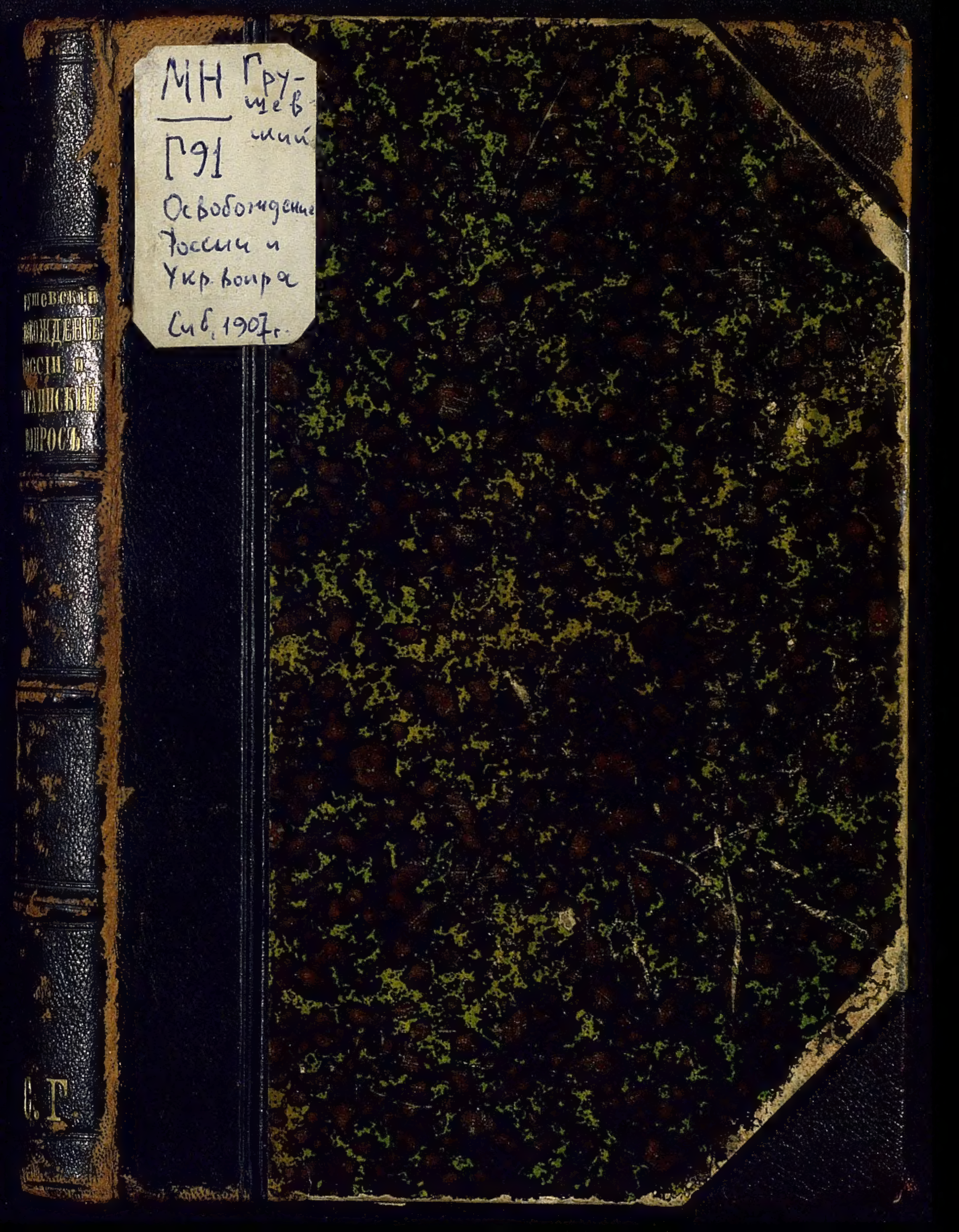
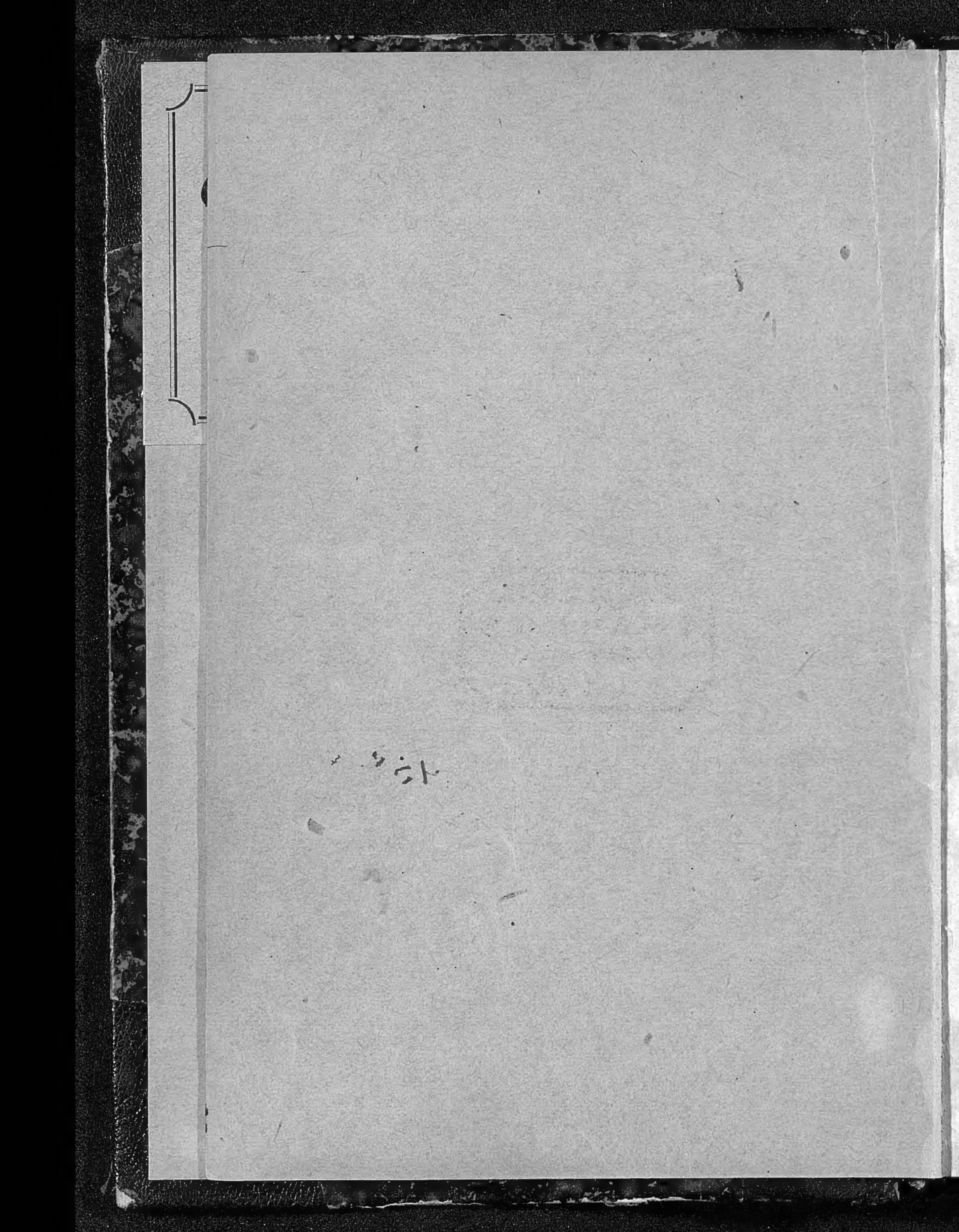

ушевскій
вобожденіе
ссіи и
раинскій
опросъ
С. Г.
МН
Гру-
шев
ский
Г91
Освобождение
России и
Укр. вопр.
Спб. 1907 г.

адресу:

Сергѣй Николаевичъ
ГРАЧЕВЪ
Москва,
190 г.

Проф. Мих. Грушевскій.

ОСВОБОЖДЕНІЕ РОССІИ

и

УКРАИНСКІЙ ВОПРОСЪ.

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза" Б. Подъяческая, 39.
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Проблема настоящаго историческаго момента—освобожденіе Россіи изъ путъ стараго режима и претвореніе ея въ свободное и благоустроенное государство—не исчерпывается созданіемъ условій свободнаго гражданскаго существованія, ни даже переустройствомъ, точнѣе сказать—улучшеніемъ ея соціально-экономическаго строя. Рядомъ съ этими задачами стоятъ другія, безъ удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ ея освобожденіе будетъ весьма неполнымъ. Россія—„имперія народовъ“, среди которыхъ государственная народность составляетъ только меньшинство—не можетъ развиваться свободно и успѣшно, пока въ этомъ переустройствѣ не будетъ обезпечено свободное и нестѣсненное существованіе и развитіе ея составныхъ частей—ея народовъ, пока въ ея развитіи, движеніи, прогрессѣ эти народы не будутъ видѣть залога своего развитія и прогресса. Безъ превращенія Россіи въ свободный союзъ народовъ немыслимо полное обновленіе ея, полное освобожденіе отъ мрачныхъ пережитковъ прошлаго.

Такова была руководящая идея, которую я старался проводить въ своихъ статьяхъ по вопросамъ дня. И

если теперь, въ виду отчаяннаго сопротивленія, оказываемаго всѣми темными силами прошлаго, все вниманіе и энергія общества сосредоточены на одномъ пунктѣ — обезпеченіи свободнаго гражданскаго существованія,—то это вовсе не уполномочиваетъ насъ суживать общую перспективу освободительныхъ задачъ. И это нужно помнить и неустанно объ этомъ напоминать обществу.

Такой характеръ напоминанія имѣетъ настоящій сборникъ. Въ предлагаемой книжкѣ собраны статьи за два года, съ весны 1905 г., посвященныя текущимъ вопросамъ жизни Россіи, задачамъ момента, съ точки зрѣнія запросовъ и нуждъ украинскаго населенія ея, и самимъ этимъ запросамъ и нуждамъ. Писанныя не въ какой либо системѣ, а въ видѣ откликовъ на жгучіе вопросы дня, онѣ мѣстами покрываются взаимно, мѣстами оставляютъ пробѣлы, но въ цѣломъ, думаю, даютъ не только довольно полный образъ чаяній и упованій украинскаго общества Россіи, потребностей и нуждъ украинскаго народа, но и болѣе— образъ запросовъ и чаяній не-государственныхъ народностей Россіи вообще, намѣчая пути къ желательному разрѣшенію задачъ ея переустройства въ согласіи съ интересами и запросами ея не-государственнаго большинства. Ибо запросы и нужды украинскаго народа я разсматривалъ не съ точки зрѣнія какихъ либо спеціальныхъ историческихъ правъ и привиллегій его, а исходя изъ общей идеи согласованія интересовъ государственнаго союза съ интересами свободнаго и нестѣсняемаго развитія народностей, входящихъ въ его составъ.

Выпуская въ одномъ сборникѣ эти разбросанныя по разнымъ повременнымъ изданіямъ статьи, я имѣлъ въ виду читателей нѣсколькихъ категорій. Во-первыхъ, мнѣ хотѣлось, чтобы эта книжка попалась въ руки земляка-Украинца, увлеченнаго бурнымъ потокомъ современной жизни Россіи и оторваннаго имъ отъ мѣстныхъ интересовъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы она напомнила ему, что

на ряду съ разрѣшеніемъ общихъ вопросовъ политическаго и соціальнаго освобожденія Россіи, украинскій народъ ждетъ отъ своей интеллигенціи, чтобы она добилась и создала для него условія культурнаго и политическаго существованія, при которыхъ онъ пересталъ бы быть пассивнымъ и безучастнымъ зрителемъ совершающагося,—условія нестѣсненнаго культурнаго и общественнаго національнаго развитія. Напоминанію о необходимости съ болѣе общими задачами настоящаго момента сочетать свои обязанности предъ своимъ народомъ посвящены двѣ вступительныя статьи этого сборника, предназначенныя для этихъ читателей-земляковъ.

Двѣ слѣдующія статьи имѣютъ въ виду читателя, интересующагося украинскимъ вопросомъ и ищущаго свѣдѣній для перваго ознакомленія съ этимъ вопросомъ: одна познакомитъ его въ общихъ чертахъ съ положеніемъ украинской народности въ Россіи и тѣмъ, что̀ называется украинскимъ вопросомъ, другая—съ движеніемъ политической мысли, національными и политическими запросами украинскаго общества на протяженіи XIX в.

Болѣе подробный образъ культурнаго и общественнаго движенія украинства даетъ мой Очеркъ исторіи украинскаго народа (2 изд. 1906 г.), послѣднія главы котораго заключаютъ въ себѣ довольно подробный обзоръ современнаго состоянія украинства въ Россіи и Австріи (глава, заключающая обзоръ современнаго положенія украинскаго народа въ Россіи издана также отдѣльно, подъ заглавіемъ: Украинство въ Россіи, его запросы и нужды).

Дальнѣйшія статьи, V—VIII имѣютъ наиболѣе общій характеръ (Единство или распаденіе? Автономія и національный вопросъ. О зрѣлости и незрѣлости. Наши требованія; сюда же въ значительной степени относится и статья XV: на конституціонныя темы). Онѣ посвящены національному вопросу вообще—его разрѣшенію на почвѣ общаго переустройства государства на основаніи національно-территоріальной автономіи и

широкой децентрализаціи, проведенной по отношенію ко всѣмъ областямъ, ко всѣмъ народностямъ Россіи. Статья VIII заключаетъ въ себѣ украинскую программу-minimum, выработанную совмѣстно съ украинскимъ клубомъ первой Думы. Она является вмѣстѣ съ тѣмъ программою-minimum вообще переустройства Россіи на принципахъ національно-территоріальной автономіи, какъ я его себѣ представляю, такъ какъ украинскій вопросъ я разсматриваю вездѣ какъ интегральную часть національнаго вопроса вообще, а реформу устройства украинскихъ земель какъ часть общей проблемы переустройства Россіи на началахъ національно-территоріональной автономіи.

Рядъ небольшихъ статей, IX—XIV, обозначаютъ движеніе украинскаго вопроса въ 1905—6 г., до снятія запрещенія съ украинскаго слова включительно. Онѣ главнымъ образомъ и были посвящены вопросу освобожденія украинскаго слова, и съ снятіемъ запрещеній съ него имѣютъ болѣе, такъ сказать, историческій интересъ. Но мы все еще живемъ въ атмосферѣ, созданной этими запрещеніями, и многое сказанное здѣсь, къ сожалѣнію, будетъ, вѣроятно, еще долго имѣть вполнѣ реальное значеніе.

Статьи XV—XIX даютъ освѣщеніе различнымъ вопросамъ дня съ украинской точки зрѣнія—деталямъ конституціоннаго строя, вопросу аграрному, еврейскому, университетскому.

Наконецъ, три послѣднія статьи посвящены выясненію жгучаго вопроса польско-украинскихъ отношеній на почвѣ Россіи, и еще болѣе—на почвѣ Австріи, гдѣ эти отношенія выяснились особенно ярко.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе этого сборника.

Русское общество въ послѣдніе годы жило быстро. Перспективы и настроенія смѣнялись не по мѣсяцамъ, а по днямъ. Но реальныя условія русской жизни измѣнялись гораздо медленнѣе и подъ новыми конституціонными ярлыками продолжаетъ жить старый режимъ, ничему не научившійся, ничего не забывшій за эти годы

Sturm und Drang'а, только обнаглѣвшій, ставшій еще болѣе циничнымъ и беззастѣнчивымъ.

Подъ напоромъ общественнаго движенія онъ дѣлалъ видъ, что готовъ идти вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ. Но въ дѣйствительности онъ только „обозначалъ движеніе на мѣстѣ", говоря языкомъ стратегіи, и, сдѣлавъ шагъ впередъ, обыкновенно боковымъ движеніемъ старался вернуться на старую позицію. Публицистамъ пришлось очень скоро оставить обсужденіе вопросовъ по существу и заняться всецѣло изобличеніемъ этихъ обманчивыхъ передвиженій, возвращаясь безконечное число разъ къ обоснованію тѣхъ положеній, которыя должны были служить исходными пунктами прогрессивнаго движенія.

Вмѣсто такихъ повтореній я предлагаю сборникъ статей, писанныхъ по одному изъ тѣхъ основныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должно лечь въ основаніе обновленія Россіи,—вопроса національнаго. Для осуществленія требованій, служившихъ руководящимъ мотивомъ этихъ статей, не сдѣлано за это время почти ничего. Мнѣ пришлось мѣстами нѣсколько подновить второстепенныя подробности, присоединить примѣчанія, указывающія на послѣдующія стадіи затронутыхъ вопросовъ, но чаще всего измѣнять было нечего. И вмѣсто того, чтобы снова и снова выяснять все тѣже основныя положенія этого вопроса, я прошу читателя, интересующагося этою національною проблемою—сочетанія интересовъ народностей Россіи съ интересами ея развитія и движенія, условій успѣшнаго развитія государственнаго союза съ условіями нестѣсненнаго развитія народностей и областей его,—прочесть предлагаемыя статьи. Если онъ очень дорожитъ временемъ, пусть пропуститъ статьи IX—XIV; если его не интересуетъ украинство спеціально — пусть пропуститъ статьи I—II, XXI. Въ остальныхъ, наряду съ относящимся спеціально къ украинскому вопросу, онъ найдетъ гораздо больше общаго, относящагося къ національному вопросу Россіи и ея обновленію вообще, такъ какъ украинскій вопросъ я нигдѣ не ставлю

въ исключительное положеніе и не выдѣляю изъ общаго вопроса преустройства Россіи на началахъ національнаго равноправія и свободнаго развитія ея народностей и національныхъ областей.

Львовъ, 15 марта 1907.

Противъ теченія.

Нѣтъ надобности скрывать, что среди такъ называемаго русскаго общества, то-есть, точнѣе выражаясь— среди великорусской интеллигенціи и тяготѣющихъ къ ней, болѣе или менѣе обезличенныхъ національно, представителей другихъ народностей Россіи, національный вопросъ, или національные вопросы, въ настоящее время не обрѣтаются въ авантажѣ, не пользуются вниманіемъ и расположеніемъ. Даже польскій вопросъ, столь популярный годъ тому назадъ въ русскихъ либеральныхъ кругахъ, выдвигавшійся на первую очередь текущей политики и оживленно дебатировавшійся и пропагандировавшійся, исчезъ изъ обращенія,—не говоря уже о другихъ вопросахъ, менѣе популярныхъ и вовсе не популярныхъ, упоминавшихся изрѣдка, для полноты исчисленія всѣхъ возможныхъ вопросовъ.

Правда, если не исчезли изъ обихода, то отодвинулись на второй планъ и перестали обсуждаться и общіе вопросы, не только національные. Стало вообще „не о чемъ писать" въ послѣднее время, такъ какъ всѣ помыслы, всѣ стремленія, всѣ пожеланія сосредоточились на одномъ „вопросѣ", безмѣрная жгучесть котораго заставила отложить всѣ другія мысли, но о которомъ тоже „нечего писать", такъ какъ всѣ аргументы, соображенія, опасенія были уже своевременно высказаны, развиты, разжеваны, и совершенно ясно чув-

---

1906, августъ. Статья написана была для № 15 „Украинскаго Вѣстника", но онъ не вышелъ.

ствуется, что повторенiе ихъ сызнова совершенно не подвинетъ этого вопроса, что для этого нужны „аргументы“ иного сорта, а въ данный моментъ общество, очевидно, безсильно создать ихъ.

Но такiе вопросы общаго характера, какъ аграрный, рабочiй и т. под. только временно отодвинулись на второй планъ, не тратя расположенiя русской интеллигенцiи. Между тѣмъ къ нацiональнымъ вопросамъ, особенно изъ категорiи „постылыхъ“, весьма ясно сказывается отношенiе недоброжелательности, какъ къ чему-то неумѣстно путающемуся, отвлекающему вниманiе и силы и мѣшающему осуществленiю того, что дѣйствительно важно.

Украинскiй вопросъ относится, конечно, къ категорiи „постылыхъ“, этого тоже нѣтъ надобности скрывать или замалчивать. Представители Россiи прогрессивной, въ сущности, не далеко отходили отъ представителей Россiи офицiальной въ своемъ отношенiи къ украинству: тѣ и другiе смотрѣли на него какъ на нѣчто такое, что не имѣетъ и не должно имѣть права на самостоятельное существованiе, не должно выходить изъ служебной роли по отношенiю къ „общерусской“ или просто „русской“, то-есть великорусской, культурѣ и общественности, должно послужить матерiаломъ для ея созиданiя. Исключенiя были, но въ общемъ настроенiи роли не играли. То самоотверженiе, съ которымъ посвящала служенiю великорусской культурѣ, общественной и политической жизни свои силы, свои таланты, свою кровь и жизнь украинская интеллигенцiя, представители украинской народности,—только скрѣпляло это настроенiе. На это служенiе великорусская интеллигенцiя привыкла смотрѣть какъ на нѣчто должное, обязательное, что является настоящимъ удѣломъ и задачею украинской народности, а всякое отвлеченiе ея отъ этой прямой обязанности въ сторону своихъ собственныхъ нацiональныхъ задачъ, развитiя собственной нацiональной культуры, удовлетворенiя потребностей своего народа, не удовлетворяемыхъ

культурою или общественностью „общерусскою“, она склонна была разсматривать какъ недомыслiе, вредный для интересовъ „общерусской“ жизни провинцiализмъ, партикуляризмъ, шовинизмъ и т. д.

Ахъ, это украинское самоотверженiе, классическое самоотверженiе, какъ говорятъ—удостоившееся милостиваго одобренiя еще имп. Екатерины II *)! Эти земляки-Украинцы, блистающiе своимъ отрѣшенiемъ отъ узкихъ мѣстныхъ и нацiональныхъ интересовъ въ пользу „общерусскихъ“ и общегосударственныхъ и повторяющiе при этомъ несчастныя фразы о томъ, что нужно отрѣшаться отъ нацiональныхъ раздѣленiй въ интересахъ общности и братства народовъ, — такъ какъ если бы отреченiе отъ своей нацiональности давало переходъ къ состоянiю внѣнацiональному,—или утѣшающiе свою совѣсть такими соображенiями, что разрѣшенiе общегосударственныхъ проблемъ само собою принесетъ развязку нацiональнаго вопроса и доставитъ и украинскому народу условiя развитiя и самоопредѣленiя! Конечно, они не представляли и не представляютъ себѣ, что это отреченiе отъ нацiональныхъ интересовъ является въ дѣйствительности вовсе не подвигомъ, не свидѣтельствомъ гражданской доблести съ ихъ стороны, а малодушнымъ дезертирствомъ, уходомъ съ позицiй, требовавшихъ большей выдержки, такта, гражданскаго мужества, чѣмъ пассивное плаванье по теченiю всероссiйскихъ настроенiй; что это отреченiе, принося невознаградимый ущербъ культурному и общественному развитiю украинскаго народа, со-

---

*) Имѣю въ виду извѣстную исторiю объ Ал. Разумовскомъ, который самъ сжегъ свои документы о бракѣ съ имп. Елисаветой, предупреждая или вѣрнѣе,—угадывая желанiе имп. Екатерины, чтобы бумаги эти были уничтожены: эта предупредительность якобы вызвала у Екатерины замѣчанiе, что она этого и ожидала „отъ свойственнаго малороссiянамъ самоотверженiя“. Этому „историческому“ украинскому свойству, въ связи съ этимъ эпизодомъ, посвятилъ я одну изъ своихъ статей въ журналѣ Лiтературно-науковий Вiстник за 1906 годъ (кн. III).

ставляетъ весьма двусмысленную услугу и „общему дѣлу“, вовсе не требующему для своего успѣха такого дезертирства, а, наоборотъ,—заинтересованному въ возможно полномъ и широкомъ, сознательномъ привлеченіи къ общимъ задачамъ народныхъ массъ ихъ прогрессивною интеллигенціею. Они не замѣчали и не замѣчаютъ, что ихъ легкое, прямо легкомысленное отношеніе къ своимъ національнымъ обязаностямъ, къ потребностямъ и нуждамъ своего народа вовсе не снискиваетъ ни уваженіе къ нимъ, ни симпатій къ украинству со стороны русскаго общества. Стойкость и упорство въ отстаиваніи своихъ національныхъ нуждъ и интересовъ, напр., со стороны Поляковъ доставляло уваженіе имъ со стороны русской интеллигенціи, прощавшей имъ даже дѣйствительно шовинистическія, малокультурныя крайности, какъ естественную реакцію репрессіямъ, и никогда не требовавшей отъ нихъ отреченія отъ своихъ національныхъ интересовъ въ виду интересовъ общегосударственныхъ. „Самоотверженіе“ же Украинцевъ только увеличивало претензіи по отношенію къ украинской народности. Оно усугубляло холодное или недоброжелательное отношеніе къ проявленіямъ національнаго украинскаго самосознанія и создавало чрезвычайныя затрудненія для людей, желавшихъ соединить служеніе интересамъ общаго прогресса или освобожденія съ служеніемъ ближайшимъ нуждамъ и запросамъ своего покинутаго и заброшеннаго народа. Требованіямъ, которыя ставились этими послѣдними въ интересахъ національныхъ украинскихъ запросовъ, элементарныхъ и жгучихъ нуждъ, противоставлялись ссылки на примѣръ Украинцевъ, „отвергщихся себя“ и работающихъ на „общерусской“ нивѣ безъ всякихъ національныхъ запросовъ. Въ сопоставленіи съ этимъ самоотверженіемъ, національные постулаты, хотя бы они ставились въ полномъ согласіи съ общими задачами освобожденія и прогрессивнаго обновленія Россіи, разсматривались какъ вредные капризы людей отсталыхъ и шовинистически настроенныхъ.

Право, это длящееся преступленіе украинскихъ земляковъ продолжается такъ долго, что пора бы ему уже и прекратиться. Оно становится все преступнѣе съ каждымъ днемъ, когда народныя массы, выйдя изъ своего, искусственно созданнаго и поддерживавшагося оцѣпенѣнія, такъ страстно рвутся къ свободѣ и свѣту, къ самоопредѣленію и развитію. Украинская нива требуетъ работниковъ и зоветъ къ себѣ украинскую интеллигенцію. Довольно плыть на буксирѣ по теченію—пора соединить служеніе общимъ задачамъ съ служеніемъ своимъ обязанностямъ, мѣстнымъ и національнымъ, съ долгомъ предъ своимъ народомъ и своею народностью, хотя бы пришлось пойти временами и противъ теченія, пробивая ледъ недовѣрія и предвзятыхъ взглядовъ. Конечныя цѣли Украинцевъ не могутъ расходиться съ задачами общаго освобожденія и устроенія жизни на свободныхъ и прогрессивныхъ началахъ, это должно быть совершенно ясно. Съ распространеніемъ этого сознанія должны разсѣяться и предубѣжденія и нерасположеніе къ украинству у всѣхъ людей искренно преданныхъ этимъ задачамъ. Лишь больше уваженія къ своему народу, больше уваженія къ себѣ!

„На другой день“.

Роспускъ думы бросилъ Россію снова въ политику приключеній, которой предѣловъ и всѣхъ печальныхъ возможностей мы въ настоящее время даже не можемъ предвидѣть. Какъ ни плохи были условія, въ которыхъ создалась первая Дума, какъ ни случаенъ былъ ея составъ, но она отражала въ себѣ довольно полно требованія и стремленія общества, и—что еще важнѣе—она, въ преобладающемъ своемъ составѣ, совершенно искренно стремилась служить органомъ этихъ стремленій и требованій, а не какихъ-либо классовыхъ или партійныхъ вожделѣній. Это обстоятельство давало обществу нѣкоторую надежду при ея помощи выйти изъ нынѣшняго смутнаго времени, преодолѣвъ силою общественнаго мнѣнія сопротивленіе цѣплявшихся за остатки стараго режима черныхъ сотенъ, и разрѣшить мирнымъ, законодательнымъ путемъ проблему обновленія Россіи. Надежда была утлая, и ее на каждомъ шагу колебали до основанія выходки правящей бюрократіи, но былъ все же нѣкоторый просвѣтъ, нѣкоторая руководящая нить, съ которою координировались чаянія и запросы общественныхъ и національныхъ элементовъ Россіи, и подъ лучомъ этого просвѣта шло обсужденіе формулъ сочетанія этихъ интересовъ и запросовъ, открывалась перспектива работы въ смыслѣ осуществленія такого сочетанія. Но просвѣтъ исчезъ, и мы снова очутились во мракѣ самой худшей изъ возможныхъ—реакціонной анархіи. Кличъ борьбы съ общимъ врагомъ—возрождающейся реакціей, предъ

„Украинскій Вѣстникъ“, № 11, 2 августа 1906 г.

которою должны отступить на второй планъ всѣ частные раздоры и счеты, съ новою силою раздается и, несомнѣнно, найдетъ отзывъ во всѣхъ истинныхъ друзьяхъ освобожденія Россіи.

Не намъ, конечно, ослаблять всю силу и напряженность этого призыва. Но откликаясь на него и сообразуя съ нимъ ближайшія задачи своей національной работы, мы не должны, — мы не вправѣ откладывать, даже вносить какое либо ослабленіе въ эту послѣднюю. Разными дорогами пойдутъ въ бой съ темною силою общественныя и національныя группы Россіи, и въ интересахъ общей цѣли необходимо, чтобы онѣ, каждая со своей позиціи, приблизили насъ къ побѣдѣ надъ нею, а не то, чтобы онѣ бросали свои ближайшія дороги и сбивались въ безпорядочную массу. Дѣлая все возможное въ организаціи своихъ народныхъ силъ для борьбы съ бюрократическимъ абсолютизмомъ и централизмомъ, прогрессивная украинская интеллигенція окажетъ дѣлу освобожденія Россіи гораздо большія услуги, чѣмъ въ роли волонтеровъ, бросившихъ свои части и забѣжавшихъ въ чужія.

Отреченіе отъ работы на своей національной почвѣ или отсрочка ея „до болѣе спокойныхъ, нормальныхъ условій“ была бы съ ея стороны весьма неудачною услугою общему дѣлу, не говоря о томъ невознаградимомъ ущербѣ, который бы потерпѣли нетерпящіе отлагательства интересы украинскаго народа, своихъ обязанностей предъ которымъ украинская интеллигенція не имѣетъ кому предать и исполненіе которыхъ она не вправѣ отлагать до побѣды надъ общимъ врагомъ.

Въ своемъ увлеченіи задачами политическаго освобожденія Россіи наиболѣе активные элементы украинскаго общества не разъ забывали объ этомъ, съ невознаградимымъ вредомъ для интересовъ своего народа и съ весьма малымъ выигрышемъ для общаго дѣла, для борьбы съ „общимъ врагомъ“, въ которой до сихъ поръ могли принять участіе только отдѣльныя, болѣе

сознательныя единицы, а не коснѣющія въ кромѣшной тьмѣ, лишенныя всякаго культурнаго и общественнаго руководительства (невозможнаго, конечно, внѣ національной почвы, внѣ національной работы) украинскія народныя массы. Я позволю себѣ напомнить старыя, но, увы, далеко не пережитыя замѣчанія Драгоманова о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія имѣло пренебреженіе національными моментами со стороны участниковъ освободительнаго движенія—Украинцевъ предшествующаго поколѣнія. Замѣчанія эти тѣмъ болѣе вѣски, что они вышли изъ устъ дѣятеля такъ далекаго отъ національныхъ преувеличеній: украинскіе національные запросы Драгоманова весьма мало выходили за предѣлы ихъ minimum'а, и тѣмъ не менѣе, оцѣнивая участіе украинскихъ элементовъ въ освободительномъ движеніи, начиная съ декабристовъ, онъ писалъ:

„Судьба Соединенныхъ Славянъ въ извѣстной степени повторилась, но еще болѣе трагично, съ тѣми „южанами", которые пристали къ „русскимъ соціальнымъ революціонерамъ" 70-хъ годовъ. Общій прогрессъ демократическихъ идей въ теченіе XIX ст. и науки объ украинскомъ народѣ пробудили и въ этихъ „южанахъ" чувство національной связи съ окружающимъ ихъ народомъ и даже сознаніе значенія порывовъ этого народа къ свободѣ. Но по разнымъ причинамъ, которыя мы обсуждали при другихъ случаяхъ, многіе „южане" не сочли для себя нужнымъ образовать изъ себя самостоятельныя группы, имѣющія цѣлью прежде всего непосредственно работать для этого украинскаго народа, а отложили не только образованіе изъ себя подобныхъ группъ, но и открытое заявленіе своихъ украинскихъ симпатій и даже вообще федеральныхъ идей „на другой день послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ". Въ этотъ „другой день" они надѣялись обуздать и тѣ національно-централистическія поползновенія, которыя сами „южане" замѣчали у многихъ изъ ихъ „русскихъ" союзниковъ подъ космополитическими фразами. Но какъ и слѣдо-

вало ожидать, всѣ эти и подобные расчеты „южанъ“ оказались ошибочными. Не будемъ говорить лишній разъ о томъ, что невниманіе къ мѣстнымъ украинскимъ условіямъ отняло у „южанъ“ почву (и при томъ благодарную!) для лучшей стороны ихъ дѣятельности. Но согласившись поставить свои стремленія къ *политической свободѣ*, къ которымъ они съ такимъ трудомъ выбились,—не безъ вліянія традицій своей родины,—изъ мистицизма „русскаго народничества“, согласившись поставить эти стремленія подъ устарѣлый централистическій девизъ *народной воли*, приличный болѣе абсолютизму религіозно политическихъ сектъ XVI—XVIII вв., чѣмъ современнымъ понятіямъ о свободѣ, — федералисты южане затемнили предъ обществомъ самую сущность своихъ политическихъ идеаловъ. Умолчаніе же „южанъ“ о своихъ украинскихъ симпатіяхъ имѣло еще худшія послѣдствія. Этимъ умолчаніемъ „южане“,—которые принадлежали къ числу самыхъ энергическихъ и самоотверженныхъ членовъ извѣстной партіи, и потому погибли первыми,—дали, послѣ своей гибели, тѣмъ самымъ національно-централистическимъ элементамъ,— которые они расчитывали обуздать послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ, но которые пережили ихъ,—возможность эксплоатировать ихъ собственные имена и ихъ гибель въ пользу соображеній, прямо противоположныхъ тѣмъ, за которые погибли вышеупомянутые южане: въ пользу подновленныхъ теорій бюрократизма и обрусенія, своего рода „катковщины въ бланкистскомъ и марксистскомъ плащѣ“ *).

Эти предостереженія такого искренняго и пламеннаго поборника политическаго освобожденія Россіи, какимъ былъ покойный Драгомановъ, заслуживаютъ большого вниманія, въ особенности это замѣчаніе,

---

*) Письмо Н. И. Костомарова къ издателю „Колокола“ съ предисловіемъ М. Драгоманова, 1885, стр. VII—VIII (Я цитирую его съ пропускомъ нѣкоторыхъ словъ, мало понятныхъ внѣ связи съ предшествующимъ, и съ исправленіемъ нѣкоторыхъ типографскихъ ошибокъ).

брошенное тутъ лишь вскользь, о томъ ущербѣ, какой наносили „южане" самому дѣлу освобожденія своей оторванностью отъ національной почвы, отъ національныхъ украинскихъ освободительныхъ традицій. Нѣтъ сомнѣнія, что Украинцы—участники освободительнаго движенія принесли бы ему гораздо большую услугу, если бы сочетали служеніе общеполитическимъ задачамъ съ энергическою національною дѣятельностью и въ своихъ политическихъ стремленіяхъ сохранили единеніе съ народомъ на національной почвѣ,—развивая національныя связи, соединяющія ихъ съ народными массами, и работая надъ культурнымъ и общественно національнымъ воспитаніемъ своего народа, чтобы ввести его въ пониманіе своихъ политическихъ требованій. Съ другой стороны, отъ координированія общественныхъ и политическихъ задачъ освободительнаго движенія съ національными, это движеніе только выиграло бы въ силѣ притяженія, въ напряженности и прочности. Это нужно твердо помнить теперь и Украинцамъ и всѣмъ друзьямъ освободительнаго движенія, чтобы не повторить еще разъ, хотя бы въ иныхъ условіяхъ, роковой ошибки, на которую указывалъ Драгомановъ.

Украинское движеніе, въ силу своихъ освободительныхъ традицій и въ силу тѣхъ условій, въ которыя поставилъ его старый режимъ Россіи, сложилось въ такую рѣзкую оппозицію ему, что всякое дальнѣйшее движеніе украинства не можетъ быть инымъ, какъ только оппозиціоннымъ,—уже въ силу того одного, что старый режимъ не оставлялъ ему никакого мѣста для компромиссовъ, для оппортунизма. Всякая работа въ украинскомъ національномъ смыслѣ можетъ быть поэтому только плюсомъ для освободительнаго движенія. Исполняя свой долгъ предъ своимъ народомъ національною работою, отъ которой они не имѣютъ права отказаться, такъ какъ украинскія народныя массы, поставленныя старымъ режимомъ въ худшія культурныя и общественныя условія, чѣмъ какая-либо дру-

гая народность Россіи, болѣе чѣмъ кто-либо требуютъ теперь такой работы отъ своей интеллигенціи,—Украинцы уже тѣмъ самымъ являются дѣятельными союзниками освободительнаго движенія. Они должны только постараться координировать свою національную работу съ его текущими задачами, а не откладывать, тѣмъ менѣе—не отрекаться отъ своихъ національныхъ запросовъ и нуждъ.

Старый режимъ столѣтіями безпощадныхъ, не оставлявшихъ мѣста для уступокъ, запрещеній и гоненій неустанно ковалъ и закаливалъ украинство въ борьбѣ съ нимъ. Пусть же звенитъ и сверкаетъ этотъ благородный клинокъ въ общей борьбѣ за освобожденіе,—его нѣтъ надобности откладывать „до слѣдующаго дня послѣ побѣды“. Преступленіемъ было бы отдать его въ ломъ, чтобы отлить орудіе „для общаго дѣла“. Онъ можетъ сослужить этому дѣлу лучшую службу, оставаясь тѣмъ, чѣмъ онъ есть.

———

Украинскій вопросъ.

Среди народностей Россіи второе мѣсто по своей численности, непосредственно за Великороссами, занимаютъ Украинцы или, какъ ихъ обыкновенно до послѣдняго времени называли,—Малороссы. Этимъ последнемъ именемъ стали называть ихъ съ тѣхъ поръ, какъ исконное историческое имя этой народности—„Русь“, „Русинъ“ усвоено было великорусской народностью и московскимъ государствомъ, въ эпоху политическаго упадка украинскихъ земель смотрѣвшимъ на себя, какъ на единственнаго наслѣдника стараго кіевскаго „Русскаго“ государства, созданнаго украинскими племенами. Будучи оффиціальнаго, книжнаго происхожденія, имя это: „Малороссы“, „Малороссія“ не было принято народомъ, и теперь во все болѣе широкое употребленіе входитъ имя „Украина“, „Украинцы“, начавшее пріобрѣтать характеръ національнаго имени уже съ XVII в., когда украинское Поднѣпровье, носившее это имя спеціально въ значеніи пограничья, окраины, становится очагомъ національныхъ движеній и національной жизни Украины. Украинское возрожденіе XIX в., развиваясь въ тѣхъ же краяхъ, приняло это имя какъ общее національное, и закрѣпило за нимъ это значеніе.

Это переводъ, съ значительными измѣненіями, украинской статьи, писанной лѣтомъ 1905 г. и послужившей основаніемъ для статьи моей, напечатанной въ сборникѣ Russen über Russland, ein Sammelwerk, herausgegebenvon Iosef Melnik, Франкфуртъ, 1906 г. (статья моя: die Kleinrussen занимаетъ с. 616—639).

Общее число украинскаго населенія Россіи можно опредѣлить только приблизительно, такъ какъ послѣдняя перепись 1897 г. далеко не отличается точностью, особенно въ рубрикахъ національныхъ. Въ настоящее время, по всей вѣроятности, это число нужно считать немногимъ меньше 30-ти милліоновъ.

Такимъ образомъ украинская народность занимаетъ первое мѣсто среди не государственныхъ народностей Россіи, а украинскому вопросу принадлежитъ первое мѣсто среди національныхъ вопросовъ Россіи, если располагать ихъ въ порядкѣ численности заинтересованныхъ ими народностей. Съ другой стороны изъ общаго числа Украинцевъ (около 34 милліоновъ) въ предѣлахъ Россіи живетъ приблизительно около 85%, и благодаря этому разрѣшеніе украинскаго вопроса въ Россіи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для украинской народности вообще.

Украинская народность, одна изъ трехъ великихъ отраслей восточнаго славянства (двѣ другія—Великороссы и Бѣлоруссы) занимаетъ широкую полосу земли вдоль сѣвернаго побережья Чернаго Моря, которую украинская группа племенъ заняла въ общихъ чертахъ еще въ эпоху славянскаго разселенія (IV—VII вв. по Р. Хр.). На западѣ эта территорія захватываетъ область правыхъ притоковъ Вислы, на востокѣ значительную часть сѣвернаго Кавказа, на сѣверѣ пограничьемъ является приблизительно линія рѣки Припети, за которую украинское населеніе однако значительно переходитъ по обоимъ краямъ, на западѣ и востокѣ. Въ политическомъ отношеніи эта територія входитъ теперь въ составъ трехъ государственныхъ тѣлъ: Австріи (восточная Галиція и сѣверная Буковина), Венгріи (сѣверо-восточные комитаты ея) и Россіи, гдѣ она занимаетъ губерніи: Кіевскую, Подольскую, Волынскую, Херсонскую, Екатеринославскую, значительныя части губерній Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, Бессарабской и Таврической, за Днѣпромъ губерніи Полтавскую, Харьковскую, почти всю

Черниговскую, части Курской, Воронежской, области Донской и Кубанской, губерній Черноморской и Ставропольской. На этой территоріи въ Австріи живетъ около 4 милліоновъ, въ Венгріи около $^{1}/_{2}$ милліона и въ Россіи около 27 милліоновъ; остальное населеніе разсѣяно внѣ границъ этой территоріи, въ видѣ большихъ и меньшихъ колоній, въ Европейской Россіи, Сибири и Америкѣ.

Большая часть украинской территоріи входящей теперь въ составъ Россіи, какъ извѣстно, присоединилась къ ней на основаніи добровольнаго соглашенія 1654 г. во время великой національной борьбы украины съ Польшей. Когда послѣ паденія самостоятельной политической жизни въ украинскихъ земляхъ онѣ были присоединены въ продолженіи XIV в. отчасти къ Польшѣ, отчасти къ в. кн. Литовскому, а послѣ соединенія в. кн. Литовскаго съ Польшею въ 1385 г. почти въ полномъ составѣ подпали вліяніямъ польскаго строя и права,—украинская народность подверглась національному и экономическому гнету и эксплоатаціи со стороны народности польской, и это вызвало съ концемъ XVI в. рядъ извѣстныхъ возстаній, разгорѣвшихся въ великую національную войну 1648 г. Стоявшій во главѣ возстанія гетманъ Богданъ Хмельницкій въ борьбѣ съ Польшею искалъ помощи сосѣднихъ государствъ: Крыма, Турціи, Молдавіи, Трансильваніи, Швеціи и Москвы. Всѣми мѣрами старался онъ втянуть эту послѣднюю въ свою войну съ Польшею, и когда Московское правительство обнаружило рѣшимость не вмѣшиваться въ эту войну иначе какъ только за цѣну присоединенія Украины къ Московскому государству,—Хмельницкій заявилъ готовность признать надъ собою верховенство московскаго царя. Это верховенство Москвы было торжественно провозглашено 8 января 1654 г, а отношенія къ московскому правительству были установлены въ мартѣ того же года въ формѣ царскихъ резолюцій на петиціи украинскаго гетманскаго правительства, и эти т. наз. Статьи Бог-

дана Хмельницкаго стали затѣмъ основаніемъ украинской конституціи.

Отношенія, устанавливавшіяся этими переговорами и резолюціями, имѣли характеръ личной уніи Украины съ Москвою, какъ они и квалифицируются современными историками *), хотя этотъ принципъ не былъ проведенъ послѣдовательно и полно, и украинское правительство позже старалось формулировать эти отношенія въ указанномъ смыслѣ точнѣе и опредѣленнѣе. Украинѣ обезпечивалось полное самоуправленіе съ свободно избираемымъ гетманомъ во главѣ. Ему предоставлено было право сношеній съ другими государствами. Спеціально гарантировалось самоуправленіе сословій, автономія церкви, неприкосновенность суда. Украина имѣла свое отдѣльное войско въ числѣ 60.000 въ завѣдываніи гетмана.

Переговоры велись подъ давленіемъ обстоятельствъ, на скорую руку, оставляя много недоговореннаго и противорѣчиваго, и самъ Б. Хмельницкій, насколько можно судить, не придавалъ особеннаго значенія „статьямъ", считая свое подданство Москвѣ за преходящую комбинацію, необходимую ему для пріобрѣтенія новыхъ средствъ для борьбы съ Польшею. Но отношенія становились длящимися, все болѣе прочными, Москва не обнаруживала никакого желанія разстаться съ Украиной, и если приходилось думать о сохраненіи связи съ нею, нужно было подумать о выработкѣ отношеній опредѣленныхъ и точныхъ.

Украинское общество, въ особенности наиболѣе развитые политически его верхи—казацкая старшина, стремились развить полнѣе и послѣдовательнѣе принципы автономіи, заложенные въ этихъ переговорахъ и статьяхъ Богдана Хмельницкаго.

Наоборотъ, московское правительство крѣпко держалось своей централистической политики, которую въ продолженіи столѣтій примѣняло и проводило съ неу-

*) Таковъ взглядъ напр. Сергѣевича, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, изд. 1903 г., с. 106—7.

молимой послѣдовательностью по отношенію къ составнымъ частямъ своего государства. Автономныя формы украинскаго строя оно разсматривало, какъ явленіе преходящее и стремилось къ постепенному суженію и ослабленію украинской автономіи. Оно послѣдовательно старалось ввести свою администрацію на Украинѣ, передать ея финансы въ вѣдѣніе своихъ чиновниковъ, ограничить власть гетмана, уничтожить автономію церкви и т. д.

Противорѣчіе конституціонныхъ и автономныхъ стремленій украинской старшины съ централистическими тенденціями Москвы выяснилось очень скоро и создало натянутыя отношенія уже вслѣдъ за присоединеніемъ Украины. Хмельницкій носился съ мыслью о разрывѣ съ Москвою и установленіи тѣснаго союза съ Швеціею и Трансильваніею. Вскорѣ послѣдовавшая смерть разрушила эти планы, но преемники Хмельницкаго на гетманствѣ пошли въ томъ же направленіи. Автономныя стремленія старшины этого времени наиболѣе полно обрисовываются въ требованіяхъ, предложенныхъ ею московскому правительству при выборѣ Юрія Хмельницкаго на гетманство въ 1659 г. Это былъ minimum гарантій украинской автономіи, при наличности котораго старшина считала возможнымъ сохраненіе своихъ отношеній къ Москвѣ. Но такъ какъ московское правительство не хотѣло ничего слышать о расширеніи украинской автономіи, старшина искала опоры для осуществленія своихъ стремленій въ союзахъ съ другими государствами: Польшею, Турціею, Швеціею. Гадяцкій трактатъ 1658 г., которымъ украинская старшина, съ гетманомъ Выговскимъ во главѣ, давала согласіе на возвращеніе подъ верховенство Польши, подъ условіемъ полной автономіи для образованнаго изъ украинскихъ земель „великаго княжества русскаго“; договоръ Дорошенка съ Турціею 1669 г., обезпечивавшій автономію Украины подъ верховенствомъ Турціи; наконецъ, договоры Мазепы и Орлика съ Карломъ XII въ 1709 и 1710 гг.—это наиболѣе характе-

ристическіе моменты въ стремленіяхъ Украины къ обезпеченію своей автономной жизни.

Эти стремленія разбивались о непоколебимую послѣдовательность московской политики, благодаря раздвоенію существовавшему среди самого украинскаго общества и всякимъ другимъ неблагопріятнымъ для него условіямъ. Но и Москвѣ ея неуступчивость стоила дорого: она повлекла за собою большія территоріальныя потери. Борьба ея съ казацкой старшиной дала возможность Польшѣ выступить съ притязаніями на утраченную украинскую территорію, и договоромъ 1667 г. Москва принуждена была подѣлиться съ нею украинскими землями. Вся теперешняя Волынская губернія, значительная часть Подольской и Кіевской возвратились подъ власть Польши, и только при второмъ раздѣлѣ Польши, въ 1793 г., русское правительство вернуло ихъ себѣ обратно.

За то по отношенію къ тѣмъ частямъ Украины, какія остались подъ верховенствомъ Москвы, московское правительство съ неумолимою послѣдовательностью проводило свою централистическую политику. Каждое проявленіе нелояльности со стороны казацкой старшины оно тщательно использовало для ограниченія украинской автономіи и конституціонныхъ формъ украинскаго строя въ интересахъ расширенія своего непосредственнаго участія въ управленіи и введенія своей бюрократической администраціи. Только страхъ передъ стихійной реакціей украинскаго демоса еще сдерживалъ вожделѣнія московской бюрократіи. Украинскія массы хотя не поддерживали старшины въ ея политикѣ, разочарованныя неудачею великаго движенія 1648 г. и вообще подозрительно настроенныя по отношенію къ ней, — также враждебно относились къ бюрократическимъ и централистическимъ нововведеніямъ Москвы и сдерживали ее въ этихъ стремленіяхъ. Первая, болѣе смѣлая попытка введенія московской администраціи и системы казенныхъ сборовъ на Украинѣ въ 1665—1666 гг. вызвала народное движеніе, съ полною ясностью обна-

ружившее ненависть народныхъ массъ къ московскимъ гарнизонамъ, которые московское правительство хотѣло постепенно ввести во всѣ болѣе значительные города Украины, къ московскимъ воеводамъ и всякаго рода агентамъ, къ московскимъ порядкамъ, которые они насаждали на Украинѣ. Народъ поголовно избивалъ московскихъ людей и переходилъ на сторону враждебнаго Москвѣ гетмана Дорошенка, сулившаго освобожденіе отъ московскихъ посягательствъ на украинскіе порядки.

Это движеніе и эта ненависть, воспитанная злоупотребленіями московскихъ людей, заставила московскую бюрократію быть осторожнѣе въ проведеніи своей централистической политики, отказаться отъ которой она, однако, никакъ не хотѣла. Съ этихъ поръ она расширяетъ сферу своего вмѣшательства въ управленіе Украины въ формахъ менѣе рѣзкихъ, не спѣшитъ ломкой внѣшнихъ формъ украинскаго строя, предпочитая ихъ ослаблять и атрофировать. Убѣдившись въ томъ, что сопротивленіе ея нивеляціонной политикѣ лежитъ не только въ старшинскихъ сферахъ, а можетъ явиться и со стороны украинскаго демоса, она не упускаетъ изъ виду ничего, что можетъ обезсилить этотъ послѣдній, лишить его свободы движеній, уничтожить всякую силу реакціи въ народныхъ массахъ. Старшину она терроризируетъ въ ея автономныхъ стремленіяхъ, заигрывая на демагогическихъ струнахъ, грозя пересмотромъ ея имущественныхъ правъ, гибелью ея классоваго благополучія. За всякую же уступку своимъ централистическимъ планамъ она вознаграждаетъ представителей старшинскаго класса въ сферѣ ихъ сословныхъ интересовъ за счетъ народныхъ массъ, расширяя и укрѣпляя помѣщичьи права старшины надъ свободнымъ крестьянствомъ, опутывая и связывая послѣднее сѣтью всяческихъ ограниченій. Такъ постепенно приводитъ она старшину къ сознанію необходимости полнаго отреченія отъ своихъ политическихъ, автономныхъ стремленій за цѣну классовыхъ имущественныхъ инте-

ресовъ — порабощенія ей украинскихъ массъ, которое предлагало старшинѣ русское правительство взамѣнъ этого отреченія.

Поведенный въ этомъ направленіи медленный процессъ московской политики былъ ускоренъ Петромъ Великимъ послѣ неудачнаго союза Мазепы съ Карломъ XII. Ограничивъ сначала еще болѣе власть гетмана и автономію Украины, Петръ Вел. затѣмъ фактически упраздняетъ ее вовсе, оставляя незамѣщеннымъ постъ гетмана, вводитъ великорусское управленіе, а всѣ попытки реакціи подавляетъ безпощадно. Его преемники, въ виду всеобщаго неудовольствія на Украинѣ, не рѣшились, однако, продолжать его рѣзкую политику. Кое въ чемъ возстановлены были прежнія формы украинскаго автономнаго строя и отъ времени до времени давалось разрѣшеніе на избраніе гетмана. Но Екатерина II возвращается къ политикѣ Петра В. и рѣшительно уничтожаетъ послѣдніе остатки украинской автономіи. Гетманская власть окончательно отмѣнена, введена общеимперская администрація, уничтожены особенности украинскаго строя (1780—3). Одновременно было санкціонировано для Украйны крѣпостное право по образцу имперіи и разоренъ послѣдній очагъ украинской свободы, Запорожская Сѣчь (1775).

Правительство рѣшилось совершенно не считаться со взглядами и стремленіями украинскаго общества и населенія. Послѣднее въ своихъ наказахъ въ комиссію уложенія 1767 г., въ инструкціяхъ разныхъ сословій и разныхъ мѣстностей единогласно требовало возвращенія украинской автономіи (согласно „статьямъ Богдана Хмельницкаго“), а болѣе горячіе представители Украйны возвращались къ старымъ планамъ—искать опоры противъ московской централизаціи у другихъ государствъ. Такъ, въ 1791 г. одинъ изъ выдающихся представителей украинской интеллигенціи, Капнистъ, обращается, какъ уполномоченный своихъ соотечественниковъ, къ прусскому канцлеру Герцбергу съ запросомъ, могутъ ли его земляки, доведенные до крайняго отчая-

нія притѣсненіями русскаго правительства (poussés au dernier desespoir par la tyrannie du gouvernement russe) разсчитывать на помощь Пруссіи въ своихъ стремленіяхъ къ освобожденію—de secouer le joug russe и возстановленію стараго казацкаго строя—l'ancienne constitution des cosaques. Но политическія условія не давали опоры такимъ планамъ. Екатерина разсчитывала, что терроризованная страхомъ репрессій и подкупаемая сословно-экономическими выгодами старшинская интеллигенція въ массѣ не рѣшится на сколько нибудь рѣшительное сопротивленіе. И дѣйствительно, деморализованное и разбитое маккіавелевскою политикою правительства украинское общество не отважилось ни на какое смѣлое сопротивленіе, и поставленная лицомъ къ лицу съ милитарною силою Россіи украинская оппозиція затихаетъ въ сознаніи своей безсильности и безцѣльности.

Уничтожая политическую особность Украины, подавляя ея автономно-конституціонную жизнь, русское правительство одновременно съ тѣмъ старается подавить также и національную жизнь, уничтожить самыя національныя особенности украинской народности. Уже съ началомъ XVIII в. начинаются цензурныя стѣсненія для украинскихъ книгъ. Правительство требуетъ, чтобы книги, печатаемыя въ украинскихъ типографіяхъ, были очищены отъ всѣхъ особенностей украинскаго языка или переведены на великорусскій, „дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ нихъ не было“, какъ категорически выражался императорскій указъ 1720 г. Въ высшей школѣ Украины—кіевской академіи вводится преподаваніе на великорусскомъ языкѣ; новыя школы, учреждаемыя на Украинѣ русскимъ правительствомъ съ концомъ XVIII в., имѣютъ также вполнѣ великорусскій характеръ. Начинается преслѣдованіе украинскаго выговора, издаются спеціальныя руководства для правильнаго произношенія, а преподавателямъ даются инструкціи относительно искорененія украинскаго акцента. Епархіальныя власти слѣдятъ, чтобы священники и

дьячки читали въ церквахъ церковно-славянскіе тексты въ произношеніи великорусскомъ, а не украинскомъ. Всякія проявленія украинскаго національнаго патріотизма обращаютъ на себя подозрительное вниманіе администраціи и вызываютъ репрессіи.

Въ продолженіи XIX в. эта подозрительность правительства по отношенію къ украинской народности развивается и усиливается все болѣе и болѣе. Всякое проявленіе украинскаго національнаго сознанія начинаетъ съ теченіемъ времени разсматриваться какъ явленіе преступное, какъ проявленіе украинскаго „сепаратизма“. Въ 1847 г. самые выдающіеся представители украинской интеллигенціи, между ними поэтъ Шевченко, историкъ Костомаровъ, этнографъ Кулишъ, подверглись тяжкимъ карамъ за участіе въ кружкѣ, ставившемъ своею цѣлью образованіе славянской федераціи, отмѣну всякихъ видовъ несвободнаго состоянія и сословныхъ преимуществъ, установленіе свободы слова и свободы совѣсти. Цѣли этого кружка, проникнутыя украинскимъ патріотизмомъ на ряду съ общимъ гуманнымъ и свободолюбивымъ направленіемъ, были признаны крайне преступными. Шевченко былъ отданъ въ солдаты безъ срока съ запрещеніемъ писать и рисовать; Костомаровъ, послѣ долгаго заключенія, былъ высланъ въ восточныя губерніи, съ запрещеніемъ литературной дѣятельности, и т. д. Послѣ этого погрома украинское литературное и національное движеніе могло возобновиться только съ наступленіемъ освободительныхъ вѣяній въ концѣ 1850-тыхъ годовъ. Но уже въ 1863 г. обрушивается на него новый рядъ репрессій подъ предлогомъ тайныхъ связей украинскаго національнаго движенія съ „польской интригой“. Подозрѣніе было совершенно неосновательное: украинское національное движеніе, наоборотъ, встрѣчалось съ открытыми антипатіями въ польскихъ шляхетскихъ кругахъ, въ юго-западной Россіи, точно также какъ и въ Галиціи. Тѣмъ не менѣе участь украинства была рѣшена. Правительство стало на той точкѣ зрѣнія, что украинскаго языка, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и украинской народности „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, какъ категорически выразился въ 1863 г. въ своемъ циркулярѣ по поводу украинскаго вопроса министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Валуевъ.

Всякія проявленія національной особности Украины должны были подавляться. Изданіе книгъ на украинскомъ языкѣ было воспрещено упомянутымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 1863 г. и не смотря на оппозицію министра народнаго просвѣщенія, считавшаго невозможнымъ запрещать книги не за содержаніе, а за языкъ, на которомъ онѣ написаны,—это запрещеніе получило полную силу и даже усугублялось на практикѣ. Циркуляръ дѣлалъ исключеніе для беллетристики на украинскомъ языкѣ, но цензурное вѣдомство въ своей ревности не щадило и беллетристики. Цѣлый рядъ людей, единственною виною которыхъ была привязанность къ украинской народности, ея языку, традиціямъ, подвергся преслѣдованіямъ, административной ссылкѣ въ разныя отдаленныя мѣста и т. д. Такъ, напримѣръ, сосланы были въ Архангельскъ извѣстный этнографъ Чубинскій и изслѣдователь обычнаго права Ефименко, беллетристъ Кониссній въ Тотьму и т. д. „Сепаратизмъ“ и „украинофильство“ дѣлаются уже синонимами; достаточно было простого подозрѣнія въ этихъ грѣхахъ, болѣе страшныхъ въ глазахъ оффиціозныхъ сферъ, чѣмъ преступленіе противъ чести и нравственности, чтобы закрыть человѣку дорогу къ общественной дѣятельности, ученой карьерѣ, государственной службѣ. Въ 1876 г., на основаніи простого подозрѣнія въ украинофильствѣ, закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества—чрезвычайно полезное научное учрежденіе, занимавшееся собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, изученіемъ мѣстной исторіи, этнографіи и экономическаго быта, и съ тѣхъ поръ до самаго послѣдняго времени всѣ ходатайства объ основаніи какого либо научнаго общества для антропологическаго, этнографическаго или экономиче-

скаго изученія края оставались напрасными. Даже самое изученіе исторіи Украины, если оно не приправлялось спецификами оффиціальнаго патріотизма, считалось вещью подозрительною. Свое воплощеніе вся эта система нашла въ знаменитомъ указѣ 1876 г., узаконявшемъ эти проскрипціи всякой національной украинской жизни.

Этотъ указъ, потерявшій силу только въ 1906 г., запрещалъ „печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малороссійскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ лишь историческихъ документовъ и памятниковъ и произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы, при печатаніи историческихъ памятниковъ, безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати“. Воспрещались „различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“. Ввозъ какихъ бы то ни было украинскихъ книгъ и брошюръ изъ заграницы допускался только подъ условіемъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати.

Въ примѣненіи этого знаменитаго указа цензурная практика пошла гораздо далѣе. Такъ, не допускались въ Россію украинскія повременныя изданія, печатанныя за границею, и не разрѣшалось изданіе никакихъ украинскихъ газетъ и журналовъ въ Россіи, хотя о нихъ указъ 1876 г. совершенно не упоминалъ; не допускались никакіе переводы на украинскій языкъ, хотя бы и беллетристическіе; не разрѣшалось изданіе никакихъ популярно-научныхъ сочиненій для народа. Ко всякаго рода сценическимъ представленіямъ запрещеніе примѣнялось нѣкоторое время такъ строго, что слова романсовъ и народныхъ пѣсенъ приходилось пе-

реводить на великорусскій или даже французскій языкѣ для исполненія на концертахъ.

Въ 1881 г. эти строгости были нѣсколько смягчены; сценическія представленія и концерты на украинскомъ языкѣ были разрѣшены, хотя это разрѣшеніе было обставлено рядомъ ограниченій: украинскія пьесы подвергались особенно строгой цензурѣ, представленіе украинской пьесы допускалось не иначе, какъ вмѣстѣ съ великорусскою въ одинъ вечеръ; при томъ великорусская пьеса по размѣрамъ не должна была уступать украинской; такъ что украинская труппа для того, чтобы дать украинскую пьесу въ пяти актахъ, должна была сыграть, передъ нею или послѣ нея, пятиактную великороссійскую пьесу (конечно, передъ совершенно пустыми креслами). Въ 1884 г. администраціи поставлено было въ обязанность строжайшее наблюденіе надъ украинскою сценой вообще. Тогда же, вслѣдствіе одной совершенно невинной оваціи, сдѣланной молодежью украинской труппѣ въ Кіевѣ, украинскія представленія совершенно были воспрещены въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской, и это запрещеніе продержалось почти 10 лѣтъ!.. Къ представленію разрѣшались только пьесы, гдѣ выводились дѣйствующія лица изъ народа, и запрещались всѣ произведенія, гдѣ выводились лица изъ интеллигенціи (такъ называемыя сюртучныя пьесы). Нечего и говорить, что не пропускались никакія пьесы съ сколько-нибудь замѣтною національною окраскою, съ соціальною подкладкой, и т. д.

Такія же безконечно капризныя требованія ставились украинской беллетристикѣ. Допущенная въ принципѣ, она въ дѣйствительности почти не проходила черезъ иглиное ухо примѣнявшейся къ ней двойной цензуры: въ мѣстномъ цензурномъ комитетѣ и главномъ управленіи по дѣламъ печати. Цензора напрягали все свое остроуміе въ отыскиваніи поводовъ къ запрещенію, поощряемые къ тому высшими властями. Въ 1892 г. цензурнымъ комитетомъ рекомендовано под-

вергать украинскія книги особенно строгой цензурѣ и не только запрещать все „противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ“, но и вообще „сокращать число“ украинскихъ произведеній „въ цѣляхъ чисто государственныхъ“, „при малѣйшемъ къ тому поводѣ“. Въ 1895 г. цензора получили распоряженіе не разрѣшать книгъ и сборниковъ, назначенныхъ для дѣтскаго чтенія, „хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными“, и т. д.

Примѣняясь къ этимъ инструкціямъ, цензора изобрѣтали всякіе возможные и невозможные поводы для запрещенія украинскихъ книгъ. Такъ, запрещались всякія повѣсти, точно также какъ и пьесы, изъ жизни интеллигенціи, согласно общей тенденціи—задержать украинскій языкъ въ роли полу-этнографическаго органа, пригоднаго только для изображенія жизни простого украинскаго народа, и не допустить его до значенія культурнаго языка. Запрещались произведенія, гдѣ цензоръ усматривалъ „неологизмы“, нарушающіе „чистоту народной рѣчи“ введеніемъ новыхъ культурныхъ понятій—по тѣмъ же соображеніямъ. Запрещались произведенія съ соціальною подкладкой, книги съ историческо-патріотическимъ или національнымъ украинскимъ содержаніемъ; цензора вычеркивали даже такія слова, какъ: украинскій, Украіна, козакъ, Січъ, или вовсе запрещали произведенія, осмѣливавшіяся касаться такихъ неблагополучныхъ темъ. Не допускались никакіе переводы, какъ уже было упомянуто. Не разрѣшались сборники, составленные въ видѣ суррогата журнала: не допуская украинскихъ журналовъ, цензура не желала допустить и такихъ суррогатовъ. Наконецъ, съ большимъ трудомъ проходили, а въ большинствѣ случаевъ гибли всякаго рода книги болѣе значительныхъ размѣровъ, только благодаря этимъ болѣе значительнымъ размѣрамъ—потому что своимъ появленіемъ могли составить слишкомъ значительное приращеніе въ обреченной „на небытіе“ украинской литературѣ.

Благодаря виртуозности цензурныхъ органовъ въ

изобрѣтеніи подобныхъ поводовъ, то усиливавшейся то нѣсколько ослабѣвавшей, сообразно инструкціямъ и вѣяніямъ свыше, цензура становилась по временамъ настоящей лотереею для украинскихъ книгъ. Въ одномъ случаѣ книга запрещалась,—потомъ, поданная подъ новымъ заглавіемъ, хотя безъ всякихъ измѣненій, разрѣшалась. Наоборотъ, книга разрѣшенная при первомъ изданіи, запрещалась при второмъ и т. д. Но вообще говоря, только незначительное меньшинство проходило черезъ цензуру, да и то часто сильно искалѣченное,— настолько сильно, что послѣ цензурной операціи нельзя было и выпустить въ свѣтъ разрѣшеннаго произведенія. И погибали именно наиболѣе значительныя, серьезныя, идейныя произведенія, между тѣмъ какъ разный литературный и нелитературный соръ свободно разрѣшался цензурой, какъ бы умышленно (а можетъ быть и дѣйствительно умышленно) для того, чтобы дискредитировать и посрамлять украинскую литературу.

Особое поприще для всякаго рода стѣсненій и придирокъ давалъ параграфъ указа 1876 г., требовавшій, чтобы въ украинскихъ произведеніяхъ „не было допускаемо никакихъ отступленій отъ обще-принятаго русскаго правописанія“. На этомъ основаніи было запрещено принятое въ украинской литературѣ правописаніе, нѣсколько отличное отъ великорусскаго, и принудительно введена офиціальная, такъ называемая, полицейская орѳографія — жалкое, лишенное всякаго смысла, приспособленіе великорусскаго правописанія къ украинской фонетикѣ и морфологіи, немилосердно ее уродовавшее. Но само по себѣ это требованіе—пиша на одномъ языкѣ, придерживаться правописанія другого,—какъ чистый филологическій абсурдъ, не могло быть вполнѣ осуществлено на практикѣ: не только авторы, но и сами цензора не могли уяснить себѣ, какъ собственно должна выглядѣть украинская рѣчь въ великорусскомъ орѳографическомъ убранствѣ. Благодаря этому, обычная оговорка, съ какой разрѣшались украинскія книги: „дозволяется къ печати съ тѣмъ, чтобы при печатаніи

были соблюдены правила русскаго правописанія“ въ виду своей неосуществимости, предоставляла цензору возможность не выпустить въ свѣтъ даже уже дозволенной цензурой книги.

Тѣ же цензурные капризы до извѣстной степени примѣнялись, уже безъ всякихъ основаній въ указѣ 1876 г., также и ко всякаго рода публикаціямъ на великорусскомъ языкѣ, посвященнымъ Украинѣ. Для характеристики достаточно будетъ одного факта. Въ 1877 г. представленный въ цензуру однимъ изъ кіевскихъ ученыхъ: „Опытъ грамматики малорусскаго языка“ не получилъ разрѣшенія, и этотъ отказъ былъ мотивированъ слѣдующими словами: „Нельзя разрѣшать къ печатанію грамматику языка, который обреченъ на небытіе“. Эти слова откровенно объясняютъ цензурное и вообще офиціозное отношеніе къ украинской народности вообще. Она была осуждена „на небытіе“, на принудительную ассимиляцію, сліяніе съ элементомъ великорусскимъ.

Такія ассимиляціонныя задачи, однако, выходятъ за границы возможности для средствъ и силъ даже наиболѣе абсолютнаго, наиболѣе сильнаго и налаженнаго бюрократически-полицейскаго режима, особенно, если объектомъ ихъ является такая значительная и исторически опредѣлившаяся масса, какъ 30-милліонное украинское населеніе съ своимъ прочнымъ этнографическимъ обликомъ, съ опредѣленными историческими и культурными традиціями. Своей непосредственной цѣли — не дать украинской рѣчи развиться до значенія культурнаго языка—всѣ вышеописанныя усилія совершенно не достигли. Начиная съ перваго запрещенія украинскаго языка въ 1863 г., украинскіе писатели начинаютъ переносить свою дѣятельность за границы Россіи во Львовъ, гдѣ соединенными силами мѣстныхъ и украинскихъ дѣятелей изъ Россіи кладутся прочныя основанія для развитія беллетристической и научной литературы на украинскомъ языкѣ, основываются газеты и журналы, организуются просвѣтительныя и научныя

общества и учрежденія, разрабатываются теоретическіе вопросы украинской соціальной и національной политики, не допускавшіеся до обсужденія въ Россіи, хотя бы на великорусскомъ языкѣ, и т. д. *).

Единственно, что могло дѣлать русское правительство съ цѣлью парализовать вліяніе этой заграничной литературной и научной работы,—это не допускать ея произведеній въ Россію, и оно дѣйствительно дѣлало самыя энергичныя усилія въ этомъ направленіи. Въ Россію не пропускались даже сборники этнографическихъ текстовъ и историческихъ документовъ только потому, что они имѣли украинскія заглавія на оберткѣ. Даже дѣтскому журналу „Дзвінок“ было отказано въ допущеніи къ обращенію въ Россіи „по политическимъ причинамъ“. Популярныя брошюры о разведеніи домашней птицы или удобреніи земли, обнаруженныя при случаѣ у россійскаго обывателя, считались достаточными для установленія состава преступленія, и т. д. Но, конечно, ни пограничные ангелы-хранители, ни кары за незаконное храненіе львовскихъ изданій не могли предотвратить распространенія этихъ изданій въ Россіи, – тѣмъ менѣе идей, какія вырабатывались этимъ украинскимъ національнымъ движеніемъ на галицкой почвѣ. Какъ извѣстно, паспортной системы для идей до сихъ поръ еще не изобрѣтено! Безпощадная война, объявленная украинской національности русской бюрократіей, не оставляя мѣста никакимъ компромиссамъ, никакому оппортунизму, имѣла своимъ послѣдствіемъ только тотъ результатъ, что руководящія идеи украинскаго національнаго движенія становились непримиримо-враждебными бюрократическому режиму въ Россіи и его абсолютистическому централизму.

Запрещенія, такимъ образомъ, не достигали своей цѣли, не могли убить украинское національное движеніе, національное сознаніе украинской народности,

*) См. объ этомъ ниже: „Украинскій Пьемонтъ“.

воспрепятствовать развитію украинской рѣчи до значенія культурнаго языка. Послѣ 40 лѣтъ самыхъ ожесточенныхъ гоненій ихъ цѣль—„сохраненіе единства русскаго народа“, точнѣе — созданіе такого единства, никогда не существовавшаго въ прошломъ, путемъ приведенія украинской народности (и бѣлорусской) къ великорусскому знаменателю,—является теперь еще болѣе безнадежною, чѣмъ какою могла представляться въ эпоху первыхъ запрещеній украинскаго слова. Но вредъ украинскому обществу и украинской народности, въ Россіи въ особенности, этотъ періодъ запрещеній принесъ громадный, неисчислимый. Онъ искусственно затормозилъ культурное и общественное движеніе украинскихъ массъ, оторвалъ украинскую интеллигенцію отъ естественныхъ точекъ приложенія ея энергіи, атрофировалъ украинское общество до такой степени, что и послѣ снятія запрещеній оно долго не сможетъ еще оправиться.

Ни искусственно сведенная до ничтожныхъ размѣровъ, въ жалкихъ обрывкахъ выпущенная изъ цензурной реторты украинская производительность въ Россіи, ни заграничная галицкая, лишенная широкаго распространенія въ Россіи всяческими запрещеніями, не могли, конечно, удовлетворять культурныхъ потребностей 30-милліоннаго населенія ея. Сорокъ лѣтъ, начиная съ перваго запрещенія 1863 г. и до истекшаго 1906 г., было вычеркнуто изъ жизни украинской народности въ Россіи этими гоненіями. Сердце сжимается при мысли объ этомъ неслыханномъ насиліи, совершенномъ надъ самыми священными потребностями человѣческаго духа.

Безпощадное подавленіе національной украинской жизни вѣдь не ограничивалось сферою литературы или театральной цензуры. Украинская рѣчь подвергалась гоненіямъ въ устномъ употребленіи. Разговора въ публичномъ мѣстѣ на украинскомъ языкѣ было достаточно, чтобы создать репутацію „сепаратиста“, испортить служебную или общественную карьеру, сдѣлать невозможнымъ въ глазахъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ

органовъ. Всякій намекъ на національную манифестацію встрѣчался съ непреодолимыми препятствіями и запрещеніями. Въ Кіевѣ, напримѣръ, долгое время нельзя было устроить публичной панихиды въ годовщину смерти Шевченка и напечатать объ ней объявленія въ газетахъ. Когда на археологическій съѣздъ 1899 г., происходившій въ Кіевѣ, приглашенные украинскіе ученые изъ Галиціи предложили рефераты по разнымъ вопросамъ археологіи и исторіи на украинскомъ языкѣ, чтеніе ихъ оказалось невозможнымъ. Бюро съѣзда, допустивъ рефераты на всѣхъ славянскихъ языкахъ, не сочло возможнымъ исключить рефераты на украинскомъ языкѣ, но министерство внутреннихъ дѣлъ наложило свое veto и не допустило украинскихъ рефератовъ. Министерство народнаго просвѣщенія попробовало „смягчить“ это запрещеніе, допустивъ чтеніе рефератовъ на украинскомъ языкѣ не въ публичныхъ, а въ закрытыхъ засѣданіяхъ, въ присутствіи не болѣе 25 членовъ съѣзда, но, конечно, въ такихъ исключительныхъ условіяхъ украинскіе ученые не нашли возможнымъ читать своихъ рефератовъ и на послѣдующіе съѣзды, во избѣжаніе подобныхъ конфликтовъ, заграничные украинскіе ученые болѣе не приглашались, хотя программы занятій этихъ съѣздовъ дѣлали ихъ участіе болѣе чѣмъ желательнымъ. Четыре года спустя, при открытіи памятника отцу новой украинской литературы И. Котляревскому въ Полтавѣ, въ торжественномъ засѣданіи, устроенномъ городомъ, губернаторъ не разрѣшилъ чтенія привѣтственныхъ адресовъ и произнесенія рѣчей на украинскомъ языкѣ, сдѣлавъ исключеніе только для делегатовъ заграничныхъ, изъ Галиціи, и это распоряженіе, сдѣланное на основаніи инструкціи министерства, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ прочія депутаціи демонстративно воздержались отъ всякихъ привѣтствій.

Употребляемый въ заграничныхъ украинскихъ земляхъ, въ Галиціи и въ Буковинѣ, во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ отъ начальныхъ до высшихъ

школъ какъ языкъ преподаванія, украинскій языкъ въ Россіи все время былъ исключенъ изъ школьнаго обихода. Ни какъ предметъ преподаванія, ни какъ органъ обученія онъ не допускался ни въ какихъ школахъ, даже частныхъ, даже какъ вспомогательный языкъ при начальномъ обученіи. Украинскій языкъ и литература, даже исторія Украины въ ея цѣломъ, не входятъ въ предметъ преподаванія среднихъ школъ Украины, не имѣютъ опредѣленнаго мѣста даже въ курсахъ университетскихъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній *). Украинскій языкъ оффиціально считается нарѣчіемъ „русскаго языка", а украинская литература—провинціальною разновидностью „общерусской"; на этомъ основаніи она не включается въ курсы славянскихъ языковъ и литературъ, въ обзоръ исторіи славянскихъ народовъ, но для нея нѣтъ также мѣста и въ курсахъ исторіи „русскаго языка и литературы". Въ концѣ концовъ, украинскія дисциплины остаются совершенно внѣ обихода оффиціальной науки и школы, и все, что сдѣлано и дѣлается для ихъ изученія и изслѣдованія, обязано всецѣло частной иниціативѣ, вопреки оффиціальной „школьной политикѣ". Со стороны же этой послѣдней сдѣлано было все для того, чтобы украинскій языкъ—культурный органъ одной изъ значительнѣйшихъ народностей Европы, украинская литература, насчитывающая немалое число крупныхъ дарованій и произведеній высокой культурной цѣнности, и даже украинская исторія, какъ цѣлое, внѣ обрывковъ включаемыхъ въ „русскую исторію",—оставались „землею незнаемой" и для самихъ Украинцевъ, и для образованнаго общества въ Россіи вообще, и украинскій элементъ и здѣсь не выходилъ за границы „домашняго обихода", не получилъ значенія важнаго культурнаго и политическаго фактора, какимъ онъ долженъ быть въ культурной жизни Россіи.

Эта политика, систематически проводимая всѣми

---

*) См. ниже статью объ украинскихъ каѳедрахъ.

средствами государственной машины въ продолженіе цѣлаго ряда поколѣній, не осталась безъ вліянія на украинское общество. Она въ значительной степени дѣйствительно денаціонализировала большинство украинской интеллигенціи, ослабила въ немъ интересъ къ своей народности, къ мѣстной жизни вообще. Но этотъ результатъ никакъ не можетъ быть сочтенъ отраднымъ даже съ точки зрѣнія культурнаго и общественнаго развитія вообще, не только съ точки зрѣнія здороваго естественнаго развитія самого украинскаго общества и украинскаго населенія. Искусственно вытравливая живую связь съ прошлымъ и настоящимъ своего народа, эта политика приводила однихъ къ безучастному отношенію къ общественнымъ интересамъ вообще; другіе, охладѣвая къ національному вопросу, считая національныя интересы дѣтскою забавою, бросались въ политику приключеній или совершенно безпочвенное, безплодное доктринерство. Представители политики подавленія національной украинской жизни могли, можетъ быть, съ удовольствіемъ смотрѣть, какъ замолкали, находя необходимой сферы для своей дѣятельности, талантливые украинскіе писатели, ученые, общественные дѣятели, идя въ сторону наименьшаго сопротивленія, подавляли свои общественные интересы и обращались къ „невиннымъ“ занятіямъ археологіей, нумизматикой, библіофильствомъ и коллекціонерствомъ. Но и это удовольствіе должно было слишкомъ часто отравляться проявленіями враждебности и къ оффиціальной народности, и къ навязываемой насильственно великорусской культурѣ, и ко всякимъ неумѣренно подчеркиваемымъ признакамъ „единства русскаго народа“. Въ этой реакціи неизбѣжно выливалось поруганное, попранное національное чувство, доходя до противоположныхъ крайностей по неизбѣжному контрасту. Съ другой стороны, встрѣчая на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія во всѣхъ попыткахъ общественной дѣятельности, какъ много представителей украинскаго общества становилось въ первые ряды движеній, стремившихся разру-

шить самый государственный строй, создавшій тѣ невозможныя отношенія, которыя ихъ окружали. Нужно ли напоминать безчисленныя украинскія имена, вписанныя въ исторію революціонныхъ и террористическихъ движеній, начиная съ 60-ыхъ годовъ и кончая вчерашнимъ днемъ. Тріумфъ правительственной политики былъ довольно сомнительный, и процессъ разложенія украинскаго общества оказывался для нея, можетъ быть, не менѣе грознымъ чѣмъ тѣ призраки, какіе пугали ее при мысли о свободномъ развитіи украинской народности.

Но неизмѣримо большій ущербъ, чѣмъ образованному обществу, эта система подавленія всѣхъ проявленій національной жизни или этнографической особности причиняла народнымъ украинскимъ массамъ. Трудно оцѣнить по достоинству этотъ огромный и невознаградимый вредъ, нанесенный ихъ культурному развитію и экономическому благосостоянію. Нынѣшнее жалкое экономическое состояніе украинскаго населенія Россіи является непосредственнымъ результатомъ общей системы оглупленія, въ которую переходитъ на практикѣ политика подавленія украинской національной жизни. Если украинское населеніе—населеніе богатѣйшихъ областей Россіи—терпитъ хроническую нужду и даже голодъ на своей благословенной землѣ, не будучи въ состояніи перейти отъ старыхъ способовъ хозяйства къ болѣе раціональнымъ и интенсивнымъ; если оно уже теперь страшно страдаетъ отъ малоземелья и видитъ единственное спасеніе въ расширеніи площади своего все еще слишкомъ экстенсивнаго хозяйства, а выходъ изъ своего теперешняго положенія находитъ въ эмиграціи, осуществляемой такими примитивными до варварства способами, что она оканчивается почти полнымъ экономическимъ разореніемъ и поголовнымъ вымираніемъ всѣхъ менѣе сильныхъ особей,—то въ этомъ сказываются не только тягостныя экономическія и общественныя условія нынѣшней крестьянской жизни, но также и

результаты той безпросвѣтной темноты и безпомощности, до которой довела украинскія массы эта система оглупленія.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ украинское населеніе, какъ свидѣтельствуютъ отзывы современниковъ и разнообразные факты культурно-общественнаго характера, значительно превосходило великорусское населеніе общимъ культурнымъ уровнемъ, просвѣщеніемъ и развитіемъ. Путешественникъ Павелъ Алеппскій, посѣтившій Украину въ самую бурную и тяжелую эпоху Хмѣльнищины, когда культурные запросы неизбѣжно должны были отступить на второй планъ, былъ пораженъ культурностью и любовью къ культурѣ среди украинскаго населенія, всеобщимъ распространеніемъ грамотности, привязанностью къ школѣ, церковному пѣнію, церковному благолѣпію, въ которомъ проявлялись эстетическіе вкусы и запросы того времени. Школа, грамотность и болѣе или менѣе значительная печатная и рукописная литература были неотъемлемою принадлежностью украинскаго села въ эпоху болѣе свободныхъ условій народной жизни. Съ цифрами въ рукахъ можно констатировать, что въ эпоху, предшествовавшую полной централизаціи и нивелляціи украинской жизни, въ половинѣ и третьей четверти XVIII в., украинское населеніе изъ своихъ убогихъ средствъ создало такую густую сѣть сельскихъ школъ, что съ нею едва могла сравняться новѣйшая земская школа послѣ десятилѣтій весьма усиленной работы. Но и эта новѣйшая школа не въ состояніи дать народу даже тѣхъ культурныхъ средствъ, какія давала старая убогая, но родная ему школа, а украинское населеніе все болѣе и болѣе отстаетъ отъ населенія великорусскаго, не знающаго того національнаго и культурнаго гнета, какому, при всѣхъ иныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, подвергалось и еще подвергается украинское населеніе.

Школьное дѣло въ Россіи вообще не обрѣтается въ авантажѣ. Школа далеко не обслуживаетъ всего количества дѣтей школьнаго возраста и при своемъ

короткомъ курсѣ сообщаетъ ученикамъ весьма не большой культурный запасъ. Но въ украинскихъ губерніяхъ народная школа даетъ своимъ питомцамъ такъ ужасающе мало, что трудно и представить. Благодаря тому, что все школьное преподаваніе отъ начала до конца просходитъ на непонятномъ дѣтямъ великорусскомъ языкѣ, школа только мучитъ и забиваетъ умственныя способности дѣтей безо всякаго положительнаго результата. Изученіе чужого языка, происходящее на томъ же чужомъ языкѣ, настолько поглощаетъ всю энергію учащихся, что для общаго развитія и пріобрѣтенія реальныхъ знаній почти не остается мѣста, особенно если принять во вниманіе еще разныя другія принадлежности этого обученія, въ родѣ заучиванія церковно-славянскихъ молитвъ, для „удобопонятности" переводимыхъ съ одного непонятнаго на другой непонятный, великорусскій языкъ. Объясненіе непонятнаго непонятнымъ—это въ сущности вся программа нынѣшней народной школы на Украинѣ, а ея послѣдствія—„извращеніе самостоятельнаго развитія народа, извращеніе всей его духовной природы", какъ характеризовалъ результаты такой системы обученія одинъ изъ выдающихся педагоговъ Россіи еще 40 лѣтъ тому назадъ. Школа эта не въ состояніи сообщить дѣтямъ такое знаніе великорусскаго языка, чтобы онъ могъ сдѣлаться для нихъ настоящимъ культурнымъ орудіемъ, и въ то же время, проводя оффиціальные взгляды на украинскій языкъ, какъ на „испорченную" разновидность „настоящаго" русскаго, т. е. великорусскаго языка, какъ на некультурный жаргонъ, недостойный „образованнаго" человѣка, она лишаетъ своихъ питомцевъ ихъ родного языка, оставляетъ вовсе безъ языка, набивая ихъ головы смѣсью формъ, оборотовъ и словъ ихъ родной рѣчи и оффиціальнаго школьнаго языка, совершенно негодною для какого-либо употребленія.

Не удивительно, что украинское населеніе извлекаетъ несравненно менѣе пользы изъ нынѣшней народной школы, чѣмъ населеніе великорусское, что ре-

зультаты школьнаго обученія среди него гораздо ниже, и рецидивизмъ безграмотности проявляется въ ужасающихъ размѣрахъ. Между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ лучше поставленныхъ относительно народнаго образованія великорусскихъ губерніяхъ процентъ безграмотныхъ падаетъ ниже 20%, въ украинскихъ губерніяхъ онъ нигдѣ не опускается ниже 50%, рецидивизмъ безграмотности замѣчается иногда черезъ три-четыре года по выходѣ изъ школы, и въ общемъ развитіи украинскій крестьянинъ замѣтно отстаетъ отъ великорусскаго.

Это вполнѣ понятно. При томъ знаніи великорусскаго языка, какое учитель успѣваетъ вбить въ голову украинскаго ребенка въ полтора или два года школьной науки, не можетъ быть рѣчи о легкомъ и сознательномъ пользованіи великорусской книгой въ цѣляхъ самообразованія. Великорусскій языкъ остается для украинскаго питомца нынѣшней народной школы собраніемъ мало-понятныхъ и странныхъ словъ, великорусская книга читается имъ съ трудомъ, а украинской книги и нѣтъ, и зачастую школа уже привила своему ученику презрительное, недовѣрчивое отношеніе къ этому „мужицкому“, „необразованному“ языку. И лишь совершенно случайно кто-либо можетъ разсѣять это предубѣжденіе въ питомцѣ оффиціальной школы и познакомить его съ популярной литературой на родномъ языкѣ, до сихъ поръ — увы — почти несуществующей, благодаря гоненіямъ на нее.

Въ продолженіе 40 лѣтъ правительственныхъ усилій къ возможному сокращенію „въ цѣляхъ чисто государственныхъ“ всякой литературной производительности на украинскомъ языкѣ популярно-научная и практическая литература оставалась совершенно запрещенною сферою для украинскаго слова. За эти сорокъ лѣтъ черезъ цензурное иго успѣло пройти, благодаря благопріятнымъ случайностямъ, особеннымъ ходатайствамъ или временнымъ „оттепелямъ“, едва нѣсколько десятковъ популярныхъ книжекъ для народа,

между тѣмъ какъ сотни ихъ окончили свое существованіе въ цензурныхъ архивахъ. Даже изданіе летучихъ листковъ или краткихъ брошюръ съ гигіеническими совѣтами по поводу эпидемій холеры, дифтерита и т. п. встрѣчалось обыкновенно съ непреодолимыми трудностями. Для обхода этого страшнаго запрещенія приходилось прибѣгать къ сочиненію научно-популярныхъ книжекъ въ беллетристической формѣ и подъ этимъ беллетристическимъ флагомъ, дѣйствительно, удалось провести нѣсколько десятковъ книжекъ, въ родѣ наставленій при леченіи дифтерита, бѣшенства и т. п.

Такимъ образомъ, ревнители культурнаго и экономическаго развитія украинскаго населенія при всемъ своемъ желаніи могли до сихъ поръ весьма мало предложить украинскому населенію, благодаря запретительной системѣ русскаго правительства. Но и то немногое, что удавалось имъ при помощи всякихъ хитростей и увертокъ протащить черезъ цензурное иго, встрѣчалось съ безчисленными трудностями при распространеніи среди народа.

Какъ всякое проявленіе украинской національности, украинская книга, даже дозволенная цензурой, оставалась въ глазахъ администраціи вещью опасной, объектомъ дальнѣйшихъ стѣсненій и преслѣдованій. Она не допускалась въ школьныя библіотеки и народныя читальни. Продажа украинскихъ книгъ (говорю, конечно, о дозволенныхъ цензурою) встрѣчалась съ разными стѣсненіями и придирками администраціи, сводившими ее на нѣтъ. Даже въ рукахъ читателя украинская книга не переставала быть предметомъ преслѣдованія, и не рѣдки бывали случаи разныхъ непріятностей, постигавшихъ крестьянъ со стороны урядниковъ, стражниковъ и иныхъ чиновъ, за то, что они имѣли у себя украинскія книги и давали ихъ своимъ односельчанамъ.

Для культурнаго развитія народныхъ массъ получалось положеніе просто безвыходное. Великорусская книга для украинскаго крестьянина оставалась недо-

ступною по непонятности; украинская была недоступна также, благодаря административнымъ и цензурнымъ стѣсненіямъ. Въ результатѣ наблюдатели народной жизни констатируютъ весьма слабое распространеніе книги среди украинскаго крестьянства. Украинскій крестьянинъ читаетъ весьма мало, гораздо меньше сравнительно съ крестьяниномъ великорусскимъ, не лишеннымъ популярной литературы на родномъ языкѣ. Вынося очень мало свѣдѣній изъ школы, онъ не можетъ дополнять ихъ чтеніемъ, и самое искусство чтенія скоро утрачивается за недостаткомъ упражненія.

Рядъ другихъ запрещеній дополнялъ это осужденіе на безысходную духовную темноту. Публичныя чтенія на украинскомъ языкѣ не допускались. Церковная проповѣдь также. Въ судѣ, въ дѣлопроизводствѣ различныхъ учрежденій также мѣста нѣтъ украинскому языку къ большому вреду для интересовъ крестьянъ, имѣющихъ дѣло съ этими учрежденіями и слишкомъ недостаточно владѣющихъ оффиціальнымъ великорусскимъ языкомъ.

Въ результатѣ—паденіе культуры, общественнаго сознанія, гражданскаго воспитанія, дѣлавшее возможными такія дикія и некультурныя движенія, какъ еврейскіе погромы, холерные бунты и т. п. Постепенное экономическое захуданіе, чрезвычайная отсталость на поприщѣ матеріальной и духовной культуры характеризуютъ на порогѣ 20-го столѣтія украинскую народность, столь богато одаренную по природѣ, запечатлѣвшую печатью высокаго дарованія созданія своего народнаго духа и не перестающую проявлять свои багатыя дарованія, гдѣ внѣшнія условія даютъ возможность ихъ проявленію.

И эта система, осуждавшая на разложеніе и захуданіе, на духовную смерть огромную народность, въ полной силѣ и сохранности продолжалась до вчерашняго дня. Какъ въ XVII-XVIII столѣтіяхъ московское правительство съ холодной непреклонностью уничтожало конституціонныя формы и политическія права украинской жизни, закрывая глаза на глубокое негодованіе украин-

скаго общества, на отчаянныя проявленія ирредентизма, вызваннаго этой централистической политикой, противоставляя всѣмъ документальнымъ ссылкамъ, историческимъ и теоретическимъ аргументамъ грубую силу, ссылки, казни и военныя экзекуціи,—также поступала правящая русская бюрократія XIX вѣка въ сферѣ культурныхъ отношеній. Оставаясь глухою для всѣхъ ссылокъ на культурно-историческія традиціи Украины, на элементарныя требованія справедливости и столь же элементарныя экономическія и культурныя нужды массъ, она неуклонно вела свою политику подавленія, закрывая глаза на рѣзкіе симптомы неудовольствія, остраго броженія среди украинскаго общества, оскудѣнія и разоренія народныхъ массъ. „Не было, нѣтъ и быть не можетъ" никакой украинской народности, никакихъ культурныхъ и національныхъ запросовъ ея—было и осталось ея лозунгомъ. Съ холодною точностью автомата она отбрасывала безчисленныя представленія и петиціи объ освобожденіи украинскаго слова, допущеніи его въ школу, разрѣшеніи украинской прессы, популярной литературы и т. д. Живыя и неудержимыя проявленія духовныхъ запросовъ народа она квалифицировала какъ преступныя дѣянія, какъ государственныя преступленія. Игнорируя все національное украинское движеніе, развивавшееся за границею Россіи, въ сосѣдней Галиціи, въ значительной степени—силами и средствами украинскаго общества въ Россіи, она упорно твердила, что никакихъ потребностей въ своемъ культурномъ развитіи украинская народность не ощущаетъ, имѣя къ своимъ услугамъ „общерусскій" языкъ, „общерусскую" культуру. Закрывая глаза на нужды и запросы народныхъ массъ, она упорно повторяла, что украинскій вопросъ—это лишенная всякаго основанія фантазія „сепаратистовъ", кучки злонамѣренныхъ людей, хотя анкеты, производившіяся среди крестьянскаго населенія Украины обнаруживали всякій разъ съ полною очевидностью всю реальность и стихійную силу этихъ стремленій „сепаратистовъ".

Наконецъ, эти запрещенія пали подъ бурнымъ напоромъ новой жизни. Исключительныхъ стѣсненій для украинскаго языка не существуетъ больше—съ прошлаго года, по крайней мѣрѣ—въ теоріи. Въ теоріи—потому что о чемъ большемъ, кромѣ теоріи, можно говорить при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда полнымъ, безраздѣльнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ положенія остается все та же администрація, въ продолженіе десятилѣтій проводившая систему искорененія украинства и вооруженная на всемъ пространствѣ Украины чрезвычайными полномочіями „усиленныхъ охранъ“, „военныхъ положеній“ и т. п., дѣлающими ее совершенно неуязвимою для всякихъ теорій.

Но если даже это освобожденіе украинства отъ преслѣдованій и гоненій перестанетъ, наконецъ, быть пустымъ звукомъ, то это отнюдь не будетъ еще само по себѣ разрѣшеніемъ украинскаго вопроса.

Этотъ вопросъ въ дѣйствительности заключается въ томъ: что̀ должно сдѣлать правительство Россіи, ея правящіе и руководящіе круги, чтобы по возможности изгладить страшный вредъ, нанесенный украинскому народу политикою подавленія и искорененія, примѣнявшеюся къ нему въ продолженіе столѣтій въ интересахъ этого государства, государственной народности, „общерусской“ культуры и другихъ фетишей? Какія мѣры должны быть приняты, какія средства культурнаго и національнаго развитія и самоопредѣленія должны быть предоставлены украинскому обществу, украинскимъ народнымъ массамъ, чтобы возстановить ихъ самодѣятельность, вывести изъ того состоянія пассивности, оцѣпененія, захуданія, къ которому привела ихъ политика гоненій украинской національной жизни? Что должно быть сдѣлано въ этомъ направленіи немедля, теперь же? Этотъ вопросъ ждетъ своего разрѣшенія отъ правительства, представительства и общества Россіи и они не вправѣ уклоняться отъ него.

Простое снятіе запрещеній отнюдь не рѣшаетъ этого вопроса, и считать дѣло поконченнымъ про-

стымъ прекращеніемъ гоненій на украинство было бы крайнимъ лицемѣріемъ, отъявленнымъ фарисействомъ со стороны представителей государственной народности, интересамъ которой приносились въ жертву такъ долго интересы, нужды и потребности народности украинской. Если бы со стороны этой государственной народности проявилась тенденція — при отсутствіи формальныхъ запрещеній задержать украинскую народность отсутствіемъ всякихъ средствъ культурно-національнаго развитія и самоопредѣленія въ положеніи служебномъ, въ роли строительнаго матеріала для культуры и общественности великорусской, — это было бы страшнымъ, непростительнымъ грѣхомъ противъ тѣхъ принциповъ, которые современное великорусское общество поставило на своемъ знамени въ борьбѣ за освобожденіе и обновленіе Россіи. И такіе грѣхи безнаказанно не проходятъ!

Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX столѣтіи.

Прошлый вѣкъ начался на Украинѣ подъ знакомъ уничтоженной гетманщины: сожалѣніями объ утратѣ автономіи и мечтами объ ея возстановленіи. Болѣе импульсивный Капнистъ, послѣдній представитель активныхъ автономистовъ XVII—XVIII в., въ качествѣ делегата своихъ земляковъ, „доведенныхъ до отчаянія тираннiей русскаго правительства", неудачно пробуетъ заручиться поддержкой прусскаго правительства на случай украинскаго возстанія для сверженія „русскаго ига" и возстановленія „стараго козацкаго устройства", съ потерей котораго не можетъ, по его словамъ, помириться козацкое войско [2]). Болѣе сдержанный поэтъ, родоначальникъ возрождающейся украинской литературы, посвящаетъ свою извѣстную строфу—элегическій вздохъ—отшедшей гетманщинѣ:

Так, вічной памяти, бувало
У нас в гетьманщині колись:
Такъ просто військо шиковало,
Не знавши: стій, не шевелись!

Украинскій Вѣстникъ, № 9 (16 іюля 1906).

[2]) Подробнѣе въ моемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа", гдѣ гл. XX—XXIV (новаго изданія) посвящены исторіи упадка и возрожденія украинства въ XVIII—XIX вѣкахъ.

Так славнії полки козацькі
Лубенський, Гадяцький, Полтавський
В шапках було, як мак, цвітуть!
Як грянуть, сотнями ударять,
Перед себе пики наставлять,
То мов мітлою все метуть [1]).

Со временемъ, однако, эти мечты и вздохи становятся слабѣе и глуше. Возстановленіе (очень преходящее и частичное) старыхъ учрежденій гетманщины, предпринятое, въ общей реакціи предшествующему царствованію, императоромъ Павломъ, не поддержало ихъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Наоборотъ, оно могло до нѣкоторой степени даже расхолодить въ этихъ мечтахъ украинское общество, уже отвыкшее отъ этихъ старыхъ учрежденій, именно тѣмъ, что поставило его лицомъ къ лицу съ этими старыми призраками. И если въ правительственныхъ кругахъ не прекращаются подозрѣнія украинской аристократіи въ планахъ возстановленія гетманства, если даже толки называютъ все новыхъ и новыхъ кандидатовъ на гетманскую булаву,—то несомнѣнно, что въ этихъ подозрѣніяхъ говорила болѣе неспокойная „совѣсть“ правительства, чѣмъ факты реальныхъ настроеній этой украинской аристократіи. Послѣдняя весьма спокойно сочетавала платоническіе вздохи о старинѣ съ ревностной службой новому режиму и еще болѣе ревностными заботами объ упроченіи своего личнаго и классоваго благополучія, на почвѣ новыхъ порядковъ.

---

[1]) „Такъ бывало и у насъ когда-то въ блаженной памяти гетманщинѣ: такъ войско строилось въ свободные ряды, не зная: „стой“, „не шевелись!“ Такъ славные козацкіе полки Лубенскій, Гадяцкій, Полтавскій цвѣли, бывало, какъ макъ, своими шапками, а какъ грянутъ, ударятъ сотнями, высунувъ передъ собою пики, то метутъ передъ собою все, какъ метлою“ (Котляревскій, Виргиліева Енеіда, ч. IV). Рѣчь идетъ о замѣнѣ козацкой службы регулярною, о которой, какъ о предметѣ всеобщаго неудовольствія, говорилъ Капнистъ.

Болѣе реальны были симпатіи и стремленія къ возвращенію казачьяго строя среди украинскихъ массъ. Въ лѣвобережной Украинѣ къ нимъ съ большимъ успѣхомъ обращалось не разъ само правительство, надеждами на возвращеніе этого строя заохочивавшее украинское населеніе къ волонтерской службѣ въ козацкихъ полкахъ, формировавшихся въ трудныя минуты, но затѣмъ оставлявшее эти надежды безъ исполненія. Такъ было во время нашествія Наполеона и позже, во время польскаго возстанія 1831 г. [1]). Въ правобережной Украинѣ (Кіевской губ.) эти стремленія прорвались во время формированія ополченій для крымской кампаніи, когда крестьяне массами заявляли о своемъ желаніи идти на врага и домогались перечисленія ихъ въ козаки. Но въ основаніи этихъ стремленій, кромѣ козацкой традиціи, лежали иные мотивы, соціально-экономическаго характера: съ возстановленіемъ козацкаго устройства и перечисленіемъ въ козаки населеніе надѣялось освободиться отъ крѣпостной зависимости, податей, рекрутчины—словомъ, осуществить тѣ основы, на которыхъ опиралась старая козачина XVII вѣка.

Эту же демократическую, такъ сказать, сторону козацкой традиціи поддерживаетъ и выдвигаетъ украинское народничество, нарождающееся во второй четверти XIX столѣтія и въ своемъ развитіи значительно опереживающее народничество великорусское. Съ одной стороны, здѣсь дѣйствуетъ начавшееся съ конца XVIII в. рѣшительное обращеніе къ народному языку и народной стихіи въ возрождающейся украинской литературѣ; съ другой,—вліяніе идей западно-европейскаго романтическаго народничества, поддержанное впечатлѣніями

---

[1]) Въ 1830-хъ гг. правительство, опасаясь козацкихъ мечтаній, распорядилось даже перечислить этихъ козаковъ-добровольцевъ въ регулярную службу (на 18 лѣтъ!), а нѣкоторые полки были принудительно водворены на жительство на Кавказѣ.

славянскаго возрожденія и замѣтное въ украинскомъ обществѣ уже во второмъ десятилѣтіи, а вполнѣ опредѣленно выступающее въ третьемъ. Въ результатѣ являются запечатлѣнныя уже вполнѣ сознательнымъ демократизмомъ народническія теченія, для которыхъ украинскія массы, украинскій народъ становится не только предметомъ сочувствія въ его угнетеніи и стремленій къ улучшенію его общественнаго и экономическаго положенія, но и предметомъ почитанія, какъ носитель правды и красоты жизни, возможное приближеніе къ которому становится руководящею идеею творчества и народоизученія. Старые герои козачины блекнутъ и меркнутъ передъ новымъ коллективнымъ и безымяннымъ героемъ—сѣрою массою, стремленія которой къ свободѣ и общественной справедливости вдохновляютъ новыя поколѣнія украинскаго общества.

Наиболѣе яркій и импульсивный представитель этого народничества (младшаго поколѣнія) Шевченко уже съ презрѣніемъ отворачивается отъ политикановъ-гетмановъ, этого „варшавскаго сора и грязи Москвы", не умѣвшихъ стать на почвѣ народныхъ интересовъ, отстоять свободу и свободный строй своей родины, закабалившихъ ее московскому самодержавію, а выдвинувшія ихъ народныя массы—старому и новому „панству". Къ увлекающимъ его мечтамъ о былой „славѣ Украины" неизмѣнно примѣшивается эта горькая память о погубившей ее розни старшины и народныхъ массъ, объ этихъ „тяжкихъ дѣлахъ", забвеніе которыхъ онъ готовъ купить цѣною собственнаго „веселого віка". Истиннымъ героемъ его и его единомышленниковъ дѣлается революціонный народъ, то козачество, которое ставитъ себѣ цѣлью достигнуть такого общественнаго строя, гдѣ не было бы „ни холопа, ни пана". Болѣе радикальный, чѣмъ его товарищи, поэтъ мечтаетъ о новомъ народномъ возстаніи, которое „вражею злою кровью" омыло бы „оскверненную землю "его родины и превратило бы раздѣленную рабствомъ однихъ и господствомъ другихъ, разъединенную сословными и

экономическими привилегіями украинскую народность— въ „великую, новую, свободную семью“ [1]).

При такомъ отношеніи къ прошлому у этого младшаго поколѣнія народниковъ неизбѣжно должно было исчезнуть то консервативно-лойяльное отношеніе къ современнымъ условіямъ, къ самодержавному режиму Россіи и провозглашенной имъ официіальной формулѣ православія, самодержавія и народности, которое умѣло сочетать со своимъ народолюбіемъ старшее поколѣніе украинскихъ народниковъ, находившее много точекъ соприкосновенія съ консервативно-реакціоннымъ славянофильствомъ и официіальнымъ народничествомъ великорусскимъ. Съ половины XIX вѣка этотъ консерватизмъ и официіальный патріотизмъ, встрѣчающійся у представителей стараго поколѣнія и у разныхъ minores gentes младшаго, нужно рѣшительно считать пережиткомъ, отжившею точкою зрѣнія для украинства. И здѣсь наиболѣе рѣзкимъ и сильнымъ выразителемъ новаго настроенія является опять-таки Шевченко, съ необыкновенною, ни прежде, ни послѣ невиданною силою заклеймившій уродства самодержавнаго режима, обрушившійся на его носителей со всею горячностью негодованія не только порабощенной Украины, но и порабощаемаго общества Россіи. Страшныя репрессіи, нравственныя пытки, которыя встрѣтили его за смѣлыя слова, не сломили его гнѣвнаго духа, клеймившаго съ одинаковою силою до ссылки и послѣ возвращенія ея и „сатраповъ-унтеровъ“, и представителей темной и реакціонной церкви, и раболѣпствующую массу „нѣмыхъ, подлыхъ рабовъ“, „лакеевъ капрала пьянаго“ [2]).

Самодержавному режиму кружокъ Шевченко (такъ называемое кирилло-меѳодіевское братство) проти-

---

[1]) Знаменитый его „Заповіт“ (завѣщаніе), писанный въ расцвѣтѣ творчества, въ концѣ 1845 г.

[2]) Отысканный недавно отрывокъ его стихотворенія „Юродивий“ съ необыкновенною силою рисуетъ это настроеніе поэта въ послѣдній періодъ его творчества

вопоставлялъ идею свободной славянской федераціи. Это было возобновленіемъ федеративныхъ идей „Соединенныхъ Славянъ“ 1820-хъ годовъ, но съ тою существенною поправкою, что принципъ національной федераціи проводился теперь и внутри восточнаго славянства [1]. Украина должна была явиться самостоятельнымъ членомъ федераціи, составленной изъ самоуправляющихся національныхъ тѣлъ („такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную рѣчь-посполитую“), объединенныхъ федеральнымъ правительствомъ—„общимъ славянскимъ соборомъ изъ представителей всѣхъ племенъ“. Демократическая организація ея должна была вѣнчаться республиканскимъ устройствомъ: „правленіе народное, съ правителемъ, избраннымъ на время“. Сословному строю, официальной народности и религіи, полицейскому гнету кружокъ противоставлялъ требованія „всеобщаго равенства и никакого различія сословій“, религіознаго равноправія, свободы мысли и слова, а ближайшею цѣлью своею ставилъ „искорене-

---

(послѣ ссылки); поэтъ обращается въ немъ къ воспоминаніямъ своей кіевской жизни 1840-хъ г., когда

Капралъ Гавриловичъ безрукий
Та унтер пяний Долгорукий
Украину правили...
. . . .
. . . . Не вам,
Не вамъ, въ мережаній ливреі
Доносчики і фарисеі,
За правду пресвятую встать
І за свободу! Розпинать,
А не любить ви вчились брата..

[1] Къ сожалѣнію, остаются непровѣренными показанія о существованіи въ 1820-хъ годахъ „Малороссійскаго общества“, ставившаго своею задачею осуществленіе политической независимости Украины; если эти показанія имѣютъ въ себѣ что нибудь реальное, мы имѣли бы въ немъ современную украинскую поправку къ планамъ освободительнаго движенія Россіи 20-хъ годовъ.

ніе рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ" и всеобщее распространеніе грамотности [1]).

Доносъ на кирилло-меѳеодіевское общество и вызванный имъ процессъ, окончившійся полнымъ разгромомъ его, заключеніемъ и ссылкою членовъ (1847), внесли замѣтную остановку въ развитіе идей, которыми были проникнуты кирилло-меѳеодіевскіе „братчики". Когда изъ своихъ подневольныхъ мѣстопребываній они собрались (увы, далеко не всѣ) въ концѣ 1850-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, ихъ захватила волна тогдашняго освободительнаго движенія, „великихъ реформъ", центральнымъ вопросомъ которыхъ для нихъ являлся такъ давно и любовно разрабатывавшійся въ украинской литературѣ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Передъ этимъ вопросомъ дня отодвинулись на второй планъ политическіе идеалы кирилло-меѳеодіевскаго кружка, а съ другой стороны—поблѣднѣло и стушевалось недоброжелательное отношеніе къ украинскому „провинціализму", наблюдавшееся у великорусскихъ „прогрессистовъ" (вспомнимъ рѣзкіе выходки Бѣлинскаго противъ украинской литературы вообще и противъ Шевченка въ частности). Основанный кирилло-меѳодіевцами журналъ „Основа" (1861—2) явился выразителемъ тѣсной связи украинства съ тогдашнимъ освободительнымъ движеніемъ Россіи, съ прогрессивнымъ великорусскимъ обществомъ. Главное вниманіе обращаетъ онъ на вопросы освобожденія крестьянъ, землеустройства и самоуправленія украинскаго крестьянства, въ связи съ развитіемъ этихъ вопросовъ для цѣлой имперіи. Далѣе выдвигаются вопросы о мѣрахъ успѣшнѣйшаго распространенія грамотности и образованія, воскресныя школы, изданіе учебниковъ на народномъ языкѣ и т. д.

---

[1]) „Уставъ" и „Правила" кружка помѣщены въ журналѣ „Былое" (за февраль 1906 г.)

Активный періодъ и на этотъ разъ продолжался недолго. Послѣдовавшее уже въ 1863 г. первое запрещеніе украинскаго слова (валуевскій циркуляръ) положило конецъ планамъ популярно-научной и учебной литературы, а затѣмъ и литературному движенію вообще. Проявленія общественной и личной иниціативы подверглись также суровымъ преслѣдованіямъ,—высылки и аресты задавили попытки организаціонной дѣятельности. Возобновившіяся затѣмъ, послѣ почти десятилѣтняго антракта, главнымъ образомъ въ Кіевѣ, попытки легальной литературной и научной дѣятельности, изученія народной жизни, ея экономическихъ и общественныхъ условій, также скоро были задавлены новымъ, еще болѣе категорическимъ и абсолютнымъ запрещеніемъ украинскаго слова, создавшимъ новый „антрактъ“ въ развитіи украинства въ Россіи (указъ 1876 г., оставшійся въ силѣ вплоть до „временныхъ правилъ о неповременной печати“ 1906 г.).

Въ такихъ условіяхъ, гдѣ абсолютно запретными для украинцевъ оставались цѣлыя области духовной дѣятельности, какъ научная, популяризаторская, переводная литература на украинскомъ языкѣ; гдѣ почти непреоборимыя преграды полагались украинской беллетристикѣ, украинскому театру; гдѣ съ серьезными препятствіями приходилось считаться даже изученію прошлаго и настоящаго Украины, украинскаго языка, исторіи, этнографіи; гдѣ самое подозрѣніе въ сочувствіи „украинофильскимъ идеямъ“ считалось преступленіемъ, и призракомъ „сепаратизма“; гдѣ преслѣдовалось всякое проявленіе стремленій къ подъему культурнаго уровня украинскаго народа, его общественнаго и національнаго сознанія, всякое обращеніе къ его родному языку, какъ орудію культурнаго движенія,—въ такихъ условіяхъ, конечно, не мыслимо было сколько нибудь правильное движеніе не только украинской литературы или науки, но и политической и общественной мысли, лишенной всякихъ легальныхъ органовъ своего развитія. А эти условія съ періодами

обостренія и смягченія, но въ общемъ почти безъ измѣненій, затянулись на полныхъ сорокъ лѣтъ!

Наиболѣе импульсивные элементы украинскаго общества въ виду все болѣе усиливающейся правительственной реакціи и невозможности легальной политической и общественной дѣятельности примыкали къ современнымъ революціоннымъ движеніямъ Россіи и, выдвигая на первый планъ интересы политической борьбы, склонны были пренебрегать національными запросами, откладывая ихъ „на другой день послѣ побѣды надъ самодержавнымъ режимомъ". Люди, не допускавшіе такого пренебреженія, дорожившіе развитіемъ также и національной стороны общественнаго движенія, постепенно,—начиная уже съ первыхъ запрещеній (1863), переносятъ свою литературную, отчасти и общественную дѣятельность за границы Россіи, въ австрійскую Украину, въ сосѣдній Львовъ,— въ виду непреодолимыхъ препятствій, ставившихся украинству въ Россіи.

Подъ воздѣйствіемъ этого вліянія и непосредственнаго участія украинскихъ силъ въ мѣстной литературной работѣ, галицкая литература и общество, значительно отставшія подъ соединеннымъ господствомъ реакціонно-клерикальной польской шляхты и такой же австрійско-польской бюрократіи, теперь въ ускоренномъ, темпѣ проходятъ стадіи развитія украинской общественной мысли, отъ наивнаго козакофильства къ романтическому, потомъ болѣе реальному народничеству и, наконецъ, къ соціалистическимъ и радикально-прогрессивнымъ направленіямъ. Соединенными силами галицкихъ дѣятелей и Украинцевъ изъ Россіи, на ряду съ эволюціей литературной, съ выработкою формъ и средствъ просвѣтительной и вообще культурной работы, производится на украинской почвѣ Галиціи провѣрка и практическое приложеніе политико-общественныхъ схемъ и программъ, вырабатываются практическія формы общественной и политической организаціи и

т. п. [1]). Съ 1890-хъ годовъ особенно, Галиція дѣлается горниломъ украинской политической и общественной мысли для всей Украины, такъ сказать—образцовой школой политической и культурной работы, въ которой принимаютъ живѣйшее участіе политически настроенные элементы украинскаго общества Россіи. Между тѣмъ правительственныя репрессіи украинству, съ одной стороны, и не національный (часто даже антинаціональный, централистическій) характеръ революціонныхъ движеній—съ другой, приводятъ другую часть украинскаго общества къ принципіальному исключенію изъ ближайшей программы украинства задачъ политическаго характера и сведенію его къ задачамъ чисто-культурнымъ—такъ называемому культурничеству.

Наиболѣе яркимъ и вліятельнымъ для своего времени представителемъ перваго, такъ сказать—политическаго направленія былъ Драгомановъ († 1895), членъ кіевскаго украинскаго кружка 70 хъ гг., въ своемъ позднѣйшемъ положеніи эмигранта имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на галицкое движеніе, но въ значительной степени также и на украинскіе кружки Россіи 1880-хъ и начала 1890-хъ гг. Въ сферѣ общественной это былъ эволюціонный соціализмъ, съ сильнымъ народническимъ оттѣнкомъ, служившій, такъ сказать, смягченною параллелью къ землевольческимъ и народовольческимъ теченіямъ Россіи. Въ сферѣ политической — демократическій конституціонализмъ и федерализмъ, представлявшій новое, исправленное изданіе федералистическихъ идей Кирило-меѳодіевцевъ, освобожденныхъ отъ религіознаго мистицизма, которымъ была сильно проникнута Кирилло-меѳодіевская программа, и перенесенныхъ съ почвы славянофильской (федерація славянскихъ народовъ) на реальную почву современныхъ отношеній. Своей цѣлью онъ ста-

---

[1]) См. краткій очеркъ въ моей статьѣ „Украинскій Пьемонтъ“; подробнѣе въ XXV главѣ „Очерка исторіи украинскаго народа“.

вилъ перестройку современной Россіи на федеративныхъ началахъ, съ національно-территоріальной автономіей во главѣ угла (у самаго Драгоманова, впрочемъ, этотъ принципъ національно-территоріальной автономіи неудачно затемнялся идеей автономіи областной).

Культурничество,—многочисленныхъ представителей котораго, живущихъ и умершихъ, менѣе яркихъ въ общемъ, чѣмъ какимъ былъ Драгомановъ для политическаго украинства, я не буду перечислять,—въ свою очередь пошло въ двухъ направленіяхъ. Одно, представленное отчасти кружкомъ „Кіевской Старины“, имѣло,—позволю себѣ такъ выразиться,—характеръ болѣе общерусскій. Оно оставляло политическую и общественную работу, въ болѣе либеральномъ или болѣе консервативномъ направленіи (смотря по взглядамъ отдѣльныхъ представителей этого направленія), такъ сказать, общеимперскимъ элементамъ. Удѣлъ Украинцевъ заключался въ томъ, чтобы производить надстройку надъ этою работою въ видѣ изученія Украины, сохраненія традицій украинскаго языка и литературы, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ—„для домашняго употребленія“, какъ говорилось,—которое бы не вызывало упрековъ въ сепаратизмѣ. Съ проповѣдью такого скромнаго „украинофильства“ выступилъ между прочимъ и послѣдній изъ представителей Кирило-меѳодіевской тройки,—Костомаровъ въ послѣдніе годы жизни, впрочемъ, какъ говорятъ—изъ мотивовъ чисто тактическаго свойства.

Другое направленіе „культурничества“—назову его радикально-національнымъ — старалось противоставить великорусской стихіи стихію украинскую, съ ея самобытнымъ содержаніемъ, какъ равноправный и самодовлѣющій національный типъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Держась чисто „культурническаго“ направленія въ Россіи, представители этого направленія не прочь были однако вести политику въ Галиціи. Здѣсь при ихъ участіи созданъ былъ компромиссъ украин-

скихъ націоналистовъ съ центральнымъ правительствомъ и мѣстными польско-шляхетскими правящими кругами,—такъ называемая „угода“ 1890 г., имѣвшая цѣлью обезпечить здѣсь нестѣсняемое культурное развитіе украинства цѣною уступокъ политическаго характера—смягченія украинской оппозиціи польско-шляхетскому режиму. Компромиссъ этотъ впрочемъ весьма скоро окончилъ свое существованіе въ виду невозможности примирить въ дѣйствительности жизненные запросы украинства съ сохраненіемъ польско-шляхетскаго режима.

Чисто культурническое направленіе и на почвѣ Россіи скоро обнаружило свою полную несостоятельность. Съ одной стороны, старый режимъ оставался непреклоннымъ въ своемъ преслѣдованіи *всякаго* проявленія украинскаго національнаго сознанія, и никакимъ пониженіемъ украинскихъ запросовъ, никакими „отмежеваніями слѣва“ не удавалось здѣсь создать почвы для какого-либо легальнаго украинства. Съ другой стороны—съ совершенною ясностью обнаруживалось, что культурно-національные запросы украинства такъ тѣсно и органически связаны съ общественно-политическими, что невозможно выдѣлить ихъ, не обрекая на захуданіе. Поэтому даже чисто научная работа въ концѣ концовъ захирѣла въ кіевскихъ украинофильскихъ кругахъ, отмежевавшихся слѣва, отъ „политики“, и, наоборотъ, развилась въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ на галицкой почвѣ, гдѣ культурная работа (до чисто научной включительно) не переставала быть интегральною частью политическаго и общественнаго движенія, борьбы за права народа и его трудящихся массъ.

Съ концомъ девяностыхъ годовъ паденіе культурничества стало очевиднымъ. Младшія поколѣнія отвернулись отъ этого „украинофильства“, и это имя пріобрѣло въ ихъ устахъ характеръ отрицательный, какъ обозначеніе несерьезнаго и поверхностнаго отношенія къ украинству. Во главу угла своей дѣя-

тельности они кладутъ сочетаніе національнаго радикализма [1]) или съ болѣе или менѣе лѣвыми общественно-политическими теченіями, въ видѣ народническаго соціализма или соціальнаго демократизма, или съ болѣе умѣреннымъ конституціоннымъ демократизмомъ, то-есть возвращаютъ украинству политическій характеръ. И на этой почвѣ, подобно галицкимъ теченіямъ и партіямъ 1890-хъ годовъ, формируются и эволюціонируютъ, главнымъ образомъ уже въ первыхъ годахъ XX вѣка, теченія и партійныя организаціи Украины Россійской, въ большинствѣ дѣйствующія и теперь.

---

[1]) Употребляю это выраженіе взамѣнъ „радикальнаго національнаго", чтобы не придать ему неблагопріятнаго оттѣнка, которое такъ часто соединяется теперь съ словомъ „національнымъ".

Единство или распаденіе?

Представители разныхъ партій и теченій нашей современной активной политики въ свои программы и платформы включаютъ, или даже ставятъ во главу угла, между прочимъ также принципъ „единой недѣлимой Россіи“. Предполагаю, что это дѣлается не страха ради іудейска и не для успокоенія боязливыхъ и косныхъ умовъ, смущаемыхъ толками о томъ, что принципы свободы влекутъ за собою распаденіе Россіи. Но если такая предпосылка дѣлается искренно и серьезно, если сохраненіе нынѣшняго государственнаго состава признается представителями разныхъ теченій и направленій желательнымъ или необходимымъ,— то возникаетъ вопросъ, при какихъ условіяхъ возможно сохраненіе въ цѣлости и нераздѣльности государства такого пестраго и случайнаго состава, какъ Россійская имперія? Какимъ способомъ обезпечить ему единство и цѣлость, послѣ того, какъ всякая внутренняя связь его частей была вытравлена и разрушена даже тамъ, гдѣ она существовала?

Можетъ быть, впрочемъ, случайность этого состава не представляется такъ наглядно и ясно, какъ его пестрота, разнородность, разноплеменность, и моя мысль требуетъ нѣкотораго разъясненія.

Образованіе огромнаго комплекса земель, составляю-

Напечатано въ Украинскомъ Вѣстникѣ, 1906 г., № 3 (4 іюня)

щаго нынѣшнюю Россійскую имперію, было результатомъ факторовъ географическихъ и этнографическихъ, экономическихъ и колонизаціонныхъ, династическихъ и политическихъ. Даже тамъ, гдѣ эти факторы въ отдѣлености дѣйствовали и развивались логически, послѣдовательно, — ихъ комбинаціи и производное дѣйствіе перекрещиванія или сочетанія ихъ имѣло часто характеръ весьма случайный, даже съ точки зрѣнія самого государственнаго прогресса „собиравшаго“ ихъ московскаго государства, а не только съ точки зрѣнія самихъ провинцій, тѣхъ территоріальныхъ или политическихъ тѣлъ, которыя захватывались и вводились, болѣе или менѣе насильственно, въ эту государственную связь.

Напомню лишь такіе факты, что Московское государство, выросши на территоріи волжско окскаго бассейна, на великорусской почвѣ, считало себя, на основаніи династическихъ традицій, преемникомъ Кіевскаго государства, выросшаго въ экономическихъ условіяхъ днѣпровско-балтійскаго воднаго пути, на территоріи украинской. Несмотря на все отличіе экономическихъ, колонизаціонныхъ и этнографическихъ условій, московское правительство смотритъ на бывшія провинціи кіевскаго государства, какъ на сферу своихъ интересовъ, ставитъ задачею своей политики собираніе этихъ „отчинъ“ своей династіи и дѣйствительно въ концѣ концовъ успѣваетъ собрать ихъ почти въ полномъ составѣ (за исключеніемъ Галичины). Включеніе земель литовскихъ и польскихъ было вызвано не какими-либо реальными, экономическими или политическими интересами Россійскаго государства, а явилось простымъ результатомъ соперничества за спорныя земли, за историческія „отчины“ московскихъ государей. Расширеніе государственной территоріи на востокъ и сѣверовостокъ возникло изъ чисто наѣздническихъ авантюръ, въ стилѣ американскихъ конквистадоровъ, не преслѣдовавшихъ никакихъ болѣе глубокихъ цѣлей, кромѣ грабежа мирнаго туземнаго населенія подъ фирмою собиранія дани, и эти „колоніи“ включаются въ составъ

государства только благодаря отсутствію какихъ-либо рѣзкихъ естественныхъ границъ, по условіямъ сосѣдства, и т. д.

Постоянное наростаніе государственной территоріи развиваетъ съ теченіемъ времени экстенсивную энергію, стремящуюся далѣе двигать и непрерывно развивать процессъ расширенія. Увеличеніе государства становится изъ средства цѣлью государственной политики, преслѣдуется ради самого увеличенія, какъ своего рода государственный спортъ, какъ вопросъ чести и соперничества для отдѣльныхъ правителей. Вопросъ о расширеніи той или другой провинціи, о „присоединеніи" той или другой народности или территоріи рѣшается не соображеніями о пользѣ и выгодахъ этой территоріи, и даже не объ экономическихъ или политическихъ выгодахъ, какія присоединеніе ея можетъ принести народамъ и областямъ уже входящимъ въ составъ государства: вопросъ рѣшается лишь наличностью силъ,— сможетъ ли государство захватить и удержать новое пріобрѣтеніе. Дальнѣйшее увеличеніе экстенсивной силы государства становится цѣлью государственной политики, а разные „государственные человѣки" создаютъ свою карьеру и благополучіе, стараясь вовлечь правительство все въ новыя и новыя предпріятія. На этомъ поприщѣ подвизались поколѣнія этихъ людей отъ разныхъ малоизвѣстныхъ пріискателей новыхъ „землицъ для великаго государя", немилосердно грабившихъ эти землицы въ свою пользу, до недавнихъ героевъ дальневосточной авантюры.

Въ концѣ концовъ создалась огромная махина, которой громоздкость и пестрая нескладность не переставала приводить въ умиленіе „патріотовъ своего отечества", съ гордостью указывавшихъ на то, что махина эта составляетъ шестую часть всей суши и по своему племенному составу далеко оставляетъ за собою вавилонское столпотвореніе. Поколѣнія воспитывались въ этой „народной гордости" по казеннымъ учебникамъ, упоявшимъ ихъ мысли этими образами грандіозности

Россіи, но забывшимъ объяснить, какую пользу извлекаютъ изъ удовольствія принадлежать къ этому „колоссу“ входящіе въ его составъ народы и земли? Почему это „первое государство въ мірѣ“ является вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ бѣднымъ, самымъ необразованнымъ, самымъ неустроеннымъ государствомъ изъ всѣхъ „цивилизованныхъ странъ“, къ которымъ причислялась Россія? Почему даже земли, составившія ядро этого государства, призванныя, въ качествѣ народности „собравшей“ и „создавшей“ его, къ роли народности „господствующей“, „государственной“,—не могли при помощи этого „созданнаго“ ими государства выйти изъ состоянія безконечной приниженности и захуданія?

Государство „созидалось“ и „умножалось“ для государства, точнѣе—для правившей имъ бюрократической орды, но чувствовала ли себя какая-нибудь изъ входившихъ въ его составъ народностей и провинцій, „княженій и царствъ“, удовлетворенной принадлежностью къ этому государству,—я не знаю. Говорить ли о Сибири—„золотомъ днѣ“ безграничнаго произвола и самовластія правительственныхъ агентовъ, большихъ и малыхъ? Исторія ея „подъ владычествомъ Россіи“ представляетъ только одинъ ужасный мартирологъ грабежа и издѣвательствъ надъ беззащитнымъ населеніемъ; государство въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ не ставило по отношенію къ ней иныхъ цѣлей, кромѣ возможнаго извлеченія изъ нея всякаго рода богатствъ, а взамѣнъ высылало туда свои отбросы, своихъ „порочныхъ членовъ“, приводившихъ въ ужасъ мѣстное населеніе и ложившихся на него тяжелымъ бременемъ. А другія „княженія и царства“ были ли для государства чѣмъ-нибудь большимъ, чѣмъ „источниками государственнаго казначейства“? Производительныя силы Польши не шли ли цѣликомъ на содержаніе армій, имѣвшихъ цѣлью внушать спасительный страхъ „кичливому Ляху“, и легіона фискаловъ и шпіоновъ, долженствовавшихъ вытравлять, парализовать всякое человѣческое чувство у покореннаго населенія? Украина,

добровольно присоединившаяся къ Россіи, чтобы найти успокоеніе подъ покровительствомъ „единовѣрнаго государя", не забилась ли чрезъ нѣсколько лѣтъ судорожно, какъ пойманная птица, почувствовавъ на себѣ руку развращеннаго и черстваго московскаго подъячаго? Она почувствовала, какъ щупальцы московскаго бюрократическаго спрута проникаютъ внутрь ея, задерживая свободное развитіе, парализуя ея самоуправленіе и самоопредѣленіе, внося смуту и раздѣленіе. Вмѣсто облегченія и успокоенія ей пришлось, на ряду съ продолжавшейся борьбой съ фронта, обращеннаго къ Польшѣ, повести оборонительную борьбу съ притязаніями московской централизаціи, съ стремленіями московскаго правительства ограничить автономныя права Украины, ввести бюрократическое управленіе въ ея народоправную организацію, захватить ея доходы въ свои руки и ввести московское обложеніе, уничтожить автономный выборный церковный строй, подчинить московской цензурѣ ея духовную жизнь и т. д., и т. д. Этой борьбы на два фронта Украина не выдержала. Подорванная въ самыхъ основаніяхъ своей народной жизни политикой московской бюрократіи, старавшейся всячески усилить рознь между ея народными массами и руководящими кругами старшины и духовенства,— политическая жизнь Украины пала, и за лишеніе автономіи она была вознаграждена крѣпостнымъ правомъ, паденіемъ народнаго образованія, цензурными гоненіями на украинскій языкъ, преслѣдованіемъ всякихъ проявленій національныхъ стремленій, доходившихъ до послѣднихъ крайностей, до полныхъ абсурдовъ.

«Княженія и народы» влеклись, какъ закованные невольники, за тріумфальной колесницей правящей бюрократіи, и толпа ихъ все увеличивалась къ удовольствію заказчиковъ одобренныхъ учебниковъ исторіи и географіи. Тюрьма народовъ разросталась и расширяла свои помѣщенія, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армію навербованныхъ изъ отбросовъ тѣхъ же народовъ опричниковъ, охранявшихъ

камеры арестантовъ и разрабатывавшихъ все новые и новые способы предупрежденія и пресѣченія.

Теперь, когда возставшій народъ разбиваетъ двери всероссійской бастиліи, тюремщики поднимаютъ крикъ, пугая народъ тѣмъ, что, въ случаѣ ея разрушенія, готовы разбѣжаться всѣ эти заключенныя «княженія и царства», «покоренные народы», и эти крики дѣйствительно, вызываютъ извѣстное впечатлѣніе среди массъ, столько вѣковъ воспитанныхъ въ упоеніи своего «господства». Представители «покоренныхъ народовъ» отвѣчаютъ увѣреніями, что они вовсе не замышляютъ удирать изъ дома предварительнаго заключенія, въ которомъ содержались до сихъ поръ, и останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи. Такія заявленія повторяются въ послѣднее время на разные лады, какъ со стороны угнетенныхъ народностей, такъ и сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества,—увѣряющихъ, что эти народности отнюдь не хотятъ выйти изъ состава Россійскаго государства и не выйдутъ, что они дорожатъ единствомъ Россіи и т. д.

Я думаю, однако, что эти увѣренія, въ какихъ бы сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ они не предлагались, не имѣютъ ни для кого особой убѣдительности. Во-первыхъ, завѣренія отдѣльныхъ представителей не могутъ считаться за vox populi. Во-вторыхъ, увѣренія, хотя бы и клятвы на кандалахъ, которыя даются невольниками предъ выпускомъ ихъ на свободу, не внушаютъ никогда особаго довѣрія. Жизнь идетъ и развивается и своею стихійною силою беретъ верхъ надъ трактатами и формулами, будутъ ли они сочинены бюрократическими дипломатами или вождями, выдвигаемыми въ моменты народныхъ движеній. Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорію и обладающей достаточными задатками и энергіею развитія. Изъ оппозиціи ходячимъ воззрѣніямъ, отождествлявшимъ

понятія націи и государства, представители не-государственныхъ народностей бывали часто склонны отрицать важное значеніе политической независимости для національнаго развитія и доказывать, что народность, лишенная самостоятельной государственности, можетъ такъ же хорошо развиваться, какъ и государственная. Но эти взгляды, несомнѣнно, впадаютъ въ крайность, и истина и тутъ лежитъ по рединѣ. Народность для своего развитія не нуждается непремѣнно въ политической самостоятельности, но эта самостоятельность, при отсутствіи особенно неблагопріятныхъ условій (какъ напр. изъ рукъ вонъ плохой государственный строй, неблагопріятное международное положеніе и т. п.), является наибольшею гарантіею полнаго и нестѣсненнаго національнаго развитія, обезпеченіемъ отъ эксплоатаціи экономическихъ и культурныхъ силъ народности на чуждыя ей цѣли чужимъ государственнымъ строемъ и т. д. Въ виду этого отъ стремленій къ созданію собственнаго государства можетъ удерживать только сознаніе, что принадлежность къ данному государственному союзу даетъ слишкомъ осязательныя выгоды и удобства. Отсутствіе въ немъ стѣсненій полному и всестороннему развитію національныхъ силъ, отсутствіе эксплоатаціи ихъ государствомъ въ чужихъ интересахъ или на цѣли непроизводительныя являются необходимымъ условіемъ для такого сознанія.

Говоря о выгодахъ, я оставляю въ сторонѣ тѣ, какія даетъ извѣстной народности ея привилегированное положеніе въ государствѣ и возможность подъ его покровомъ и защитой эксплоатировать для себя средства и силы другихъ народностей. Напр., Венграмъ, вѣрнѣе—правящимъ венгерскимъ классамъ, не выгодно разрывать совершенно связь съ Австріей, такъ какъ эта связь обезпечиваетъ имъ поддержку австрійской арміи и правительства для господства надъ невенгерскими народностями Венгріи; австрійскіе Поляки должны дорожить Австріей, такъ какъ она обезпечи-

ваетъ имъ господство надъ украинскимъ населеніемъ восточной Галиціи, и т. д. Въ свободномъ, благоустроенномъ государствѣ такія аномаліи невозможны. При разумной и благожелательной экономической политикѣ должны смягчиться - также формы экономической эксплоатаціи однѣхъ областей другими, которую мы часто наблюдаемъ въ современныхъ государствахъ, гдѣ однѣ провинціи развиваютъ свои экономическія силы за счетъ другихъ, являющихся въ концѣ концовъ батраками, работающими на своихъ, болѣе культурныхъ и экономически развитыхъ сочленовъ. Такъ напр., въ той же Австріи западныя провинціи—т. е. представители ихъ капиталистическаго и промышленнаго класса, держатъ въ положеніи пассивнаго рынка, Hinterland'a, провинціи восточныя, парализуя въ нихъ всякіе зачатки промышленности.

Независимо отъ такихъ выгодъ, проистекающихъ изъ недочетовъ строя современныхъ государствъ и ихъ управленія, принадлежность къ большому и хорошо организованному государственному союзу можетъ дать экономическому и культурному развитію народностей и областей, входящихъ въ его составъ, очень много выгодъ, не связанныхъ съ эксплоатаціей другихъ народностей и областей. Большій просторъ и свобода экономическаго обращенія, созданіе болѣе крупныхъ и совершенныхъ просвѣтительныхъ и культурныхъ учрежденій, большая обезпеченность отъ международныхъ осложненій и притѣсненій являются, напримѣръ, такими выгодами. Если при этомъ мирное развитіе областной и національной жизни, въ формѣ ли федераціи или хорошо поставленной автономіи, гарантируется отъ стѣсненій и эксплоатаціи государствомъ или другими его областями, то народность или область, входящая въ составъ такого благоустроеннаго государственнаго союза, едва ли рискнетъ такими наличными выгодами для достиженія полной государственной независимости. Даже такія удовольствія, какъ собственныя марки и деньги, собственный дворъ и армія, соб-

ственныя жандармы и тюрьмы, вполнѣ примиримы съ сохраненіемъ государственнаго единства; но менѣе прихотливое общество охотно лишаетъ себя этихъ изысканныхъ удовольствій, уступая ихъ за болѣе простую, но здоровую похлебку обезпеченія свободы культурнаго и общественнаго самоопредѣленія, нестѣсняемаго національнаго развитія, возможности свободно устраивать и распоряжаться своими мѣстными отношеніями и средствами,—всего того, что даетъ ему федеративный или широко поставленный автономическій строй государства.

Такъ, въ Швейцаріи три отрѣзка сосѣднихъ національныхъ территорій—нѣмецкой, французской и итальянской—предпочитаютъ свое международное государство соединенію съ сосѣдними національными своими государствами. Они выше цѣнятъ свою федеративную жизнь въ государствѣ, оставляющемъ имъ всю широту самоопредѣленія и самоуправленія и не эксплоатирующемъ ихъ средства на содержаніе армій и дворовъ, на чуждыя ихъ интересамъ задачи имперіалистической или династической политики, и не чувствуютъ никакого влеченія къ милитарному и полицейскому строю Италіи или Германіи, къ централистическому устройству Франціи. Совершенно различныя по складу экономической и культурной жизни, традиціямъ, даже этнографическому составу, области Сѣверной Америки миро уживаются благодаря широко проведенной областной федераціи, и тяготѣніе къ сожительству, сочетавшему единство государственной жизни съ широчайшимъ самоопредѣленіемъ областей, преодолѣло вѣковую рознь и антипатію южанъ и сѣверянъ, испанскаго юго-запада и пуританскаго сѣверо-востока. Широкій федеративный строй не препятствуетъ здѣсь развитію внутренней центростремительной силы, доходящей даже до такихъ крайностей, какъ имперіализмъ или лозунгъ: «Америка для Американцевъ».

Эти примѣры такъ прочно объединенныхъ въ своемъ

федеративномъ строѣ государствъ должны успокоить людей, озабоченныхъ обезпеченіемъ единства Россіи и желающихъ сохранить его при перестройкѣ Россіи на новыхъ началахъ свободы и самоопредѣленія, или вѣрнѣе—создать ей внутреннее единство, какого она не имѣла до сихъ поръ. Ихъ мы имѣемъ въ виду, а не ночныхъ птицъ, криками о распаденіи Россіи старающихся спугнуть русское общество съ пути освобожденія. Если разумѣть единство, какъ внутреннюю, присущую самому составу государства силу тяготѣнія и сцѣпленія, то такого единства Россійская имперія вѣдь до сихъ поръ не имѣла: подневольное существованіе, охраняемое арміею штыковъ и нагаекъ,—какое же это единство! Даже тамъ, гдѣ была нѣкогда какая-либо внутренняя связь, внутреннее тяготѣніе, его разрушили до конца гнетъ и эксплоатація правящей бюрократіи. Тюрьма народовъ можетъ сохранить своихъ жильцовъ, лишь пока заперта и охраняется; въ ней нѣтъ добровольныхъ жителей. Послѣ цѣлаго ряда вѣковъ подневольные члены Россійскаго государства лишь на нашихъ глазахъ почувствовали впервые внутреннее единство и общность интересовъ, и этимъ единствомъ было единство борьбы съ угнетавшимъ ихъ строемъ, гнѣвное движеніе противъ произвола и гнета, едино и нераздѣльно царившаго на пространствѣ «единаго» государства. Сознаніе возможности свергнуть это общее иго, разбить цѣпи, оковывавшія одинаково и «покоренные народы» и разныя области и части государственнаго—великорусскаго—народа, объединило въ одну армію ихъ представителей, и они дружно пошли на общаго врага. Разойдется ли эта армія по окончаніи своего военнаго подвига или также дружно, общими силами она поведетъ дѣло созиданія и благоустроенія своего союза для цѣлей мирнаго производительнаго труда—вотъ въ чемъ вопросъ дальнѣйшаго.

Кто скомандуетъ этой арміи борцовъ за свободу разоружиться и вернуться обратно въ свои камеры заключенія? Я не допускаю подозрѣній, чтобы вожди

нынѣшняго освободительнаго движенія надѣялись или намѣревались ограничиться только перемѣною вывѣски на старой казармѣ, замѣнивъ централизмъ абсолютистическій централизмомъ конституціоннымъ. Не допускаю не только потому, что считаю этихъ вождей неспособными на подобное предательство, но и потому, что считаю такіе планы совершенно безнадежными. Великая революція встрѣтила «маленькаго капрала», умѣвшаго разоружить вооруженный народъ и возвратить его на службу буржуазіи; но понадобились бы, вѣроятно, цѣлые взводы такихъ капраловъ, чтобы привести возставшіе теперь народы и области Россіи подъ иго централизма. А «маленькіе капралы» приходятъ лишь изрѣдка и въ одиночку, и разсчитывать на цѣлый взводъ ихъ, конечно, было бы совершенно праздною мечтою.

Положеніе совершенно ясное, и также ясно и то, что тутъ нѣтъ мѣтса для торговъ, компромиссовъ, дипломатическихъ уловокъ. Тотъ механическій конгломератъ, лишенный всякаго внутренняго сцѣпленія и сдерживаемый лишь внѣшнею силою, какой представляла собою старая Россія, можно удержать въ единствѣ при подавленіи національной и областной жизни его составныхъ частей только системою принудительнаго подавленія, „предупрежденія и пресѣченія". Такая политика въ будущемъ потребовала бы чрезвычайнаго напряженія силъ „государственной народности", отвлекла бы ея средства и силы отъ реальныхъ и позитивныхъ задачъ созидательной работы, исказила бы государственный строй и въ концѣ концовъ—окончилась бы полнымъ фіаско. Если, напр., Германія, при огромномъ преобладаніи нѣмецкаго элемента надъ инородцами, имѣетъ возможность, хотя бы цѣною искаженія нормальнаго теченія государственной жизни и государственнаго строя, вести политику подавленія, „искорененія" (Ausrotten) польской народности, по крайней мѣрѣ до времени, то я рѣшительно не вижу, гдѣ та почва, та Архимедова точка, на которой конституціонное прави-

тельство Россіи могло бы опереться въ стремленіяхъ централистическихъ, въ политикѣ подавленія національной и областной жизни. Великорусская народность составляетъ меньшую половину населенія имперіи, и среди нея самой нѣтъ общихъ стремленій къ централистическому единству, а наоборотъ—совершенно ясно выступаютъ стремленія къ областной автономіи. Поэтому всякая попытка къ сохраненію централистическаго строя въ новой, обновляемой Россіи была бы покушеніемъ съ негодными средствами и съ точки зрѣнія сохраненія единства Россіи чрезвычайно вреднымъ, такъ какъ оно только усилило бы центробѣжную энергію ея Стихійная сила стремленій къ полнотѣ національной жизни, къ мѣстному и національному самоопредѣленію все равно преодолѣла бы эти препятствія и въ своемъ размахѣ весьма легко могла бы привести къ полному распаденію нынѣшней Россіи.

Сохранить, или, вѣрнѣе—создать единство Россіи можно лишь путемъ развитія въ ней внутренняго тяготѣнія и сцѣпленія, а оно можетъ вырасти лишь изъ сознанія, что принадлежность къ государственному союзу даетъ слишкомъ осязательныя удобства, чтобы стоило рисковать ими и ставить на карту мирное теченіе жизни для осуществленія разрыва. Къ созданію такого тяготѣнія можетъ привести, съ одной стороны —усиленная работа надъ улучшеніемъ государственнаго строя и хозяйства, его культурныхъ и экономическихъ средствъ и силъ; съ другой стороны—устраненіе всякой эксплоатаціи и подавленія мѣстной—областной и національной жизни интересами и жизнью государственной. Параллельную работу въ обоихъ этихъ направленіяхъ нужно повести немедля. Одновременно съ усиліями, направленными на улучшеніе общаго строя, нужно немедля вступить на путь созданія такихъ условій, которыя дали бы возможность нестѣсняемаго существованія и развитія національнымъ и областнымъ составнымъ частямъ государства, которыя превратили бы камеры предварительнаго заключенія

въ свободныя квартиры, въ которыхъ члены государственнаго союза чувствовали бы себя полноправными и свободными жильцами, а не подневольными узниками. Путь къ этому одинъ—-широкое проведеніе принципа національно-территоріальной и областной автономіи и обезпеченія національныхъ правъ всѣхъ народностей на ихъ территоріяхъ и внѣ ихъ. И въ проведеніи этихъ принциповъ залогъ сохраненія единства Россіи.

Національный вопросъ и автономія.

I.

Еще немного, и съ трибуны перваго парламента Россіи, вслѣдъ за требованіемъ матеріальнаго устройства трудящихся массъ и обезпеченія основныхъ правъ гражданскаго существованія человѣка какъ личности, властно раздастся требованіе свободы и самоопредѣленія для одной изъ наиболѣе важныхъ категорій его общественнаго существованія, а именно національной. Тѣ чаянія и ожиданія, которыя, при всякомъ проблескѣ ослабленія стараго бюрократическаго режима, поднимались среди угнетенныхъ народностей Россіи, будутъ, наконецъ, воплощены въ правомѣрное требованіе законодательнаго опредѣленія и огражденія ихъ правъ на свободное существованіе и развитіе.

Годъ тому назадъ этотъ постулатъ негосударственныхъ народностей Россіи былъ поставленъ съ полной опредѣленностью на одномъ изъ наиболѣе замѣтныхъ ея предварительныхъ съѣздовъ—представителей общественной мысли и общественной совѣсти: на весеннемъ съѣздѣ журналистовъ и ученыхъ, признавшемъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія прин-

---

Украинскій Вѣстникъ № 1 (21 мая 1906 г.).

ципъ полнаго равноправія всѣхъ народностей и ихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе и развившемъ это понятіе самоопредѣленія народностей въ требованіе децентрализаціи государственнаго устройства Россіи, съ предоставленіемъ отдѣльнымъ народностямъ, заселяющимъ опредѣленныя части государственной территоріи, права на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ органическимъ статутомъ. Сознавая, однако, что понятіе національнаго равноправія и необходимости культурнаго и общественнаго самоопредѣленія національностей не достаточно ясно и опредѣленно сознаются широкими кругами населенія Россіи, стоящими внѣ сферы такихъ національныхъ стремленій, упомянутый съѣздъ, вмѣстѣ съ пожеланіями, обращенными по адресу будущихъ строителей Россіи, возложилъ на своихъ сочленовъ обязанность проводить въ сознаніе всего населенія этотъ принципъ признанія за народностями Россіи права на самоопредѣленіе, чтобы приготовить населеніе къ справедливому и разумному разрѣшенію національнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эта обязанность была принята на себя и соотвѣтствующимъ образомъ исполнена тѣми, къ кому обращался этотъ призывъ. Занятая организаціею общественныхъ силъ Россіи для борьбы съ бюрократическимъ самовластіемъ, обративъ свою энергію на достиженіе основныхъ правъ гражданской жизни и политическаго самоуправленія, печать въ дѣйствительности часто склонна была отодвигать національный вопросъ, чтобы не слишкомъ загромождать этотъ передній планъ сцены, на которой начиналъ совершаться первый актъ настоящей борьбы общества съ властью. Въ стремленіяхъ упростить политическую перспективу для общества, потребность въ приготовленіи общественнаго сознанія къ неотложному рѣшенію національнаго вопроса Россіи, намѣченная представителями ея печати, удовлетворялась слабо, хотя была, несомнѣнно, вполнѣ реальна и настоятельна.

II

Что вообще національный вопросъ въ прогрессивныхъ кругахъ великорусскаго общества, задававшихъ тонъ освободительному движенію, не пользовался симпатіями, это фактъ, котораго нѣтъ надобности скрывать. Не говоря о старыхъ марксистскихъ взглядахъ на національный вопросъ какъ явленіе реакціонное, свойственное только буржуазному обществу,—въ глазахъ представителей прогрессивныхъ теченій понятіе національности слишкомъ часто компрометировалось формулами оффиціальной народности, фактами шовинистическаго національзма, націоналистическаго обскурантизма и нетерпимости. Наиболѣе же сильное вліяніе имѣло тутъ то обстоятельство, что великорусское общество не прошло стадіи національнаго вопроса для себя самого. Выраженіе „господствующая народность", конечно, звучитъ очень фальшиво въ приложеніи къ старому режиму, державшему всѣ народности Россіи въ подслѣдственномъ состояніи; но все же великорусская народность одна изъ всѣхъ многочисленныхъ народностей Россіи не терпѣла національныхъ стѣсненій, которымъ подвергались прочія народности, и, по пословицѣ „сытый голоднаго не разумѣетъ", не оцѣнивала вполнѣ стихійной силы, жгучести и остроты національнаго вопроса, которую имѣетъ онъ для другихъ народностей Россіи.

Въ результатѣ, среди прогрессивной великорусской интеллигенціи наблюдается если не просто непріязненное, то презрительно снисходительное отношеніе къ національному вопросу, какъ къ чему-то запоздалому, отсталому, реакціонному, недостойному „просвѣщеннаго вѣка и просвѣщеннаго человѣка". Среди выдвигаемыхъ ею проектовъ и плановъ національный вопросъ сплошь да рядомъ или игнорируется совершенно, или дѣлаются исключенія для той или другой національности, но упускается національный вопросъ въ его

цѣломъ — интересы всѣхъ угнетенныхъ народностей Россіи. Дѣлаются также ссылки на отсутствіе среди населенія (особенно крестьянскаго и мѣщанскаго) правильныхъ представленій о національномъ вопросѣ и его разрѣшеніи, на непониманіе и враждебное отношеніе къ требованіямъ національной равноправности, національнаго самоопредѣленія, національно-территоріальной автономіи и т. д. и этимъ мотивируется снятіе національнаго вопроса съ очереди, хотя собственно наличность такого явленія должна бы послужить не мотивомъ къ обходамъ національнаго вопроса, а побужденіемъ къ распространенію правильныхъ понятій о важности и способахъ разрѣшенія его. Вѣдь въ средѣ тѣхъ же массъ можно встрѣтиться съ безучастіемъ или оппозиціей и въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ, которые, однако, вслѣдствіе этого не снимались съ очереди, а подвергались усиленному и всестороннему освѣщенію, если считались существенными и неотложными (вспомнимъ хотя бы выясненіе положенія, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса не можетъ улучшить положеніе крестьянъ безъ гарантій гражданскихъ правъ и представительнаго строя). Нѣтъ причинъ уклоняться предъ такою обязанностью и по отношенію къ національному вопросу, и ссылки на его непопулярность никакъ не могутъ служить оправданіемъ для отодвигающихъ рѣшеніе этого вопроса на дальній планъ.

III.

Я не имѣю намѣренія писать апологію національности, какъ необходимой, т. е. неизбѣжной, неустранимой формы, въ которой проявляется развитіе человѣчества; напоминать, что вслѣдствіе этой неизбѣжности всякаго рода ограниченія одной національности имѣютъ своимъ результатомъ развитіе за ея счетъ другой національности, а не какихъ-либо внѣ-національныхъ формъ; что, являясь прежде всего формой, она вовсе не предрѣшаетъ содержанія, заключаемаго

этой формой, и, не сочувствуя націоналистическимъ крайностямъ, можно и должно стремиться къ тому, чтобы эта форма имѣла болѣе достойное содержаніе, а не отрицать самую форму, и т. д. Я хочу только припомнить, что, даже принимая національность за низшую форму, въ которую укладываются отношенія человѣчества, необходимо считаться съ фактомъ, что милліоны людей мыслятъ и чувствуютъ эти отношенія въ этой формѣ, и, устанавливая modus vivendi будущаго, нужно имѣть въ виду и обезпеченіе для всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ государства, свободы самоопредѣленія съ національной точки зрѣнія, подобно тому, какъ, не придавая значенія конфессіональнымъ различіямъ, въ основу гражданскаго порядка мы кладемъ также полную свободу религіознаго самоопредѣленія. И какъ единственнымъ средствомъ иммунизаціи религіозныхъ различій, устраненія религіозныхъ раздоровъ и вреднаго вліянія ихъ на общественныя и политическія отношенія остается признаніе полной религіозной свободы и равноправія, такъ и устранить „національные вопросы“, освободить культурное и экономическое развитіе общественныхъ и политическихъ отношеній отъ національныхъ усложненій можно лишь предоставленіемъ отдѣльнымъ народностямъ возможности полнаго свободнаго развитія.

Но эта возможность не осуществляется голословнымъ признаніемъ права національностей на свободное развитіе вродѣ пресловутаго § 19 австрійской конституціи, признающаго равныя права за всѣми народностями, между тѣмъ какъ на практикѣ это равноправіе права сводится къ формуламъ: „а ну-ка попробуй“, „вырви, если хочешь имѣть“, какъ формулировалъ отношенія народностей одинъ откровенный націоналъ, просвѣщавшій меня на первыхъ порахъ моего знакомства съ практикою австрійской конституціи. Конституціонныя формы даютъ если не возможность, то, по крайней мѣрѣ, иллюзію возможности этого вырыванія, и оно дѣйствительно сдѣлалось руководящимъ мотивомъ внутренней

жизни Австріи въ послѣднія десятилѣтія, парализовавъ національною борьбою экономическое, культурное и общественное развитіе страны.

Если свобода національнаго самоопредѣленія является интегральною составною частью правъ личности, то возможность національнаго самоопредѣленія личности, возможность національнаго развитія не обезпечивается однѣми гарантіями правъ личности. Политическую свободу нерѣдко пробуютъ соединить съ усиленнымъ покровительствомъ господствующей національности, граничащимъ съ подавленіемъ всѣхъ прочихъ народностей; конституціонный строй, радикальный республиканизмъ и соціальный радикализмъ могутъ соединяться на практикѣ съ непризнаніемъ или игнорированіемъ возможности свободнаго національнаго развитія для извѣстныхъ народностей, входящихъ въ составъ государства.

Конечно, если при этомъ приходится подавлять стремленія негосударственныхъ народностей силою запрещеній или цѣлою системою національной политики, — неизбѣжно искажается весь государственный строй. Нельзя воспитать въ обществѣ и въ правительствѣ чувство справедливости и законности, если эта справедливость и законность простираются только до извѣстной черты, за которою начинается гнетъ и безправіе. Искренніе друзья обновленія Россіи, конечно, не будутъ сознательно стремиться къ такому порядку, который, признавая политическія и гражданскія права населенія, будетъ подавлять національную жизнь всѣхъ народностей, кромѣ господствующей — великорусской, и, замѣнивъ централистическій бюрократическій строй централистическимъ строемъ конституціоннымъ, будетъ и впредь держать въ состояніи національнаго угнетенія всѣ или хотя бы нѣкоторыя народности. Нельзя сохранить полной свободы для себя, ограничивая чужую свободу, и тюремщикъ—такой же невольникъ своей тюрьмы, какъ и заключенный въ ней узникъ. Гнетъ національный, или какой-либо другой, въ государствѣ,

будетъ ли оно бюрократическимъ или конституціоннымъ, можетъ быть проводимъ только при полицейско-милитаристическимъ строѣ, и, конечно, о подобныхъ вещахъ искренніе друзья свободы не мечтаютъ. Но иное дѣло не стремиться къ созданію господства одной національности въ государствѣ и подавленію прочихъ, иное дѣло—создать такія условія, въ которыхъ народности государства получили бы возможность своего національнаго развитія и не были бы въ немъ стѣсняемы.

IV.

Простой и раціональный, кажется — единственно раціональный, путь къ созданію этихъ условій указываютъ принципы, выдвинутые въ упомянутой, старой резолюціи представителей печати: широкая децентрализація государства и организація самоуправленія въ національныхъ территоріяхъ, опредѣляемыхъ ихъ національными границами. Только эти мѣры могутъ иммунизировать національный вопросъ, свести его если не на-нѣтъ, то до весьма небольшихъ размѣровъ, въ которыхъ его разрѣшеніе не будетъ предоставлять, при такой принципіальной постановкѣ вопроса, уже никакихъ затрудненій. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и предоставленіемъ ей широкаго самоуправленія, національность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устроеніе экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нѣчто само собою подразумѣваемое, никакихъ особыхъ соображеній не требующее, въ простую почву для усовершенствованія этихъ экономическихъ и культурныхъ отношеній. Какъ всѣ такія стихійныя категоріи человѣческой жизни, она исчезаетъ изъ обихода, какъ только исчезаютъ стѣснявшія ее условія. Перефразируя извѣстное изреченіе поэта, можно сказать, что національность, подобно здоровью, заставляетъ заниматься собою тогда, когда въ ней чувствуются стѣсненія и недостатки,

когда нѣтъ для національности свободы существованія и развитія.

Поэтому, одинъ изъ первыхъ основныхъ законовъ новаго порядка долженъ установить, какъ общую норму — самоуправленіе національныхъ территорій вездѣ, гдѣ извѣстная національность является преобладающей на нѣкоторой сплошной территоріи, опредѣляемой національными границами и достаточной для организаціи на ней областного самоуправленія. Такой минимумъ, впрочемъ, нѣтъ нужды поднимать высоко, такъ мы не видимъ, чтобы небольшія самоуправляющіяся провинціи въ разныхъ странахъ терпѣли какія либо существенныя неудобства отъ своихъ малыхъ размѣровъ. Другой такой основной законъ долженъ опредѣлить права національныхъ элементовъ, составляющихъ меньшинство населенія или заселяющихъ территоріи съ смѣшаннымъ населеніемъ, не поддающіяся размежеванію. Установленіе невысокаго минимума для національныхъ территорій и тщательное опредѣленіе національныхъ границъ въ весьма значительной степени сократитъ пространство такихъ смѣшанныхъ территорій, составляющихъ принадлежность нынѣшнихъ административныхъ подраздѣленій, болѣе или менѣе случайнаго происхожденія.

Я обращаю особенное вниманіе на необходимость всеобщности такого закона: онъ долженъ обнимать всѣ народности. Нѣтъ совершенно никакихъ разумныхъ и справедливыхъ основаній дѣлать выборъ между народностями, требовать отъ нихъ какой либо культурной или исторической метрики или обусловливать предоставленіе національной автономіи особеннымъ напряженіемъ національныхъ стремленій, которое становилось бы опаснымъ для интересовъ государства.

Если мы настаиваемъ на необходимости полнаго равноправія гражданскаго и политическаго для всѣхъ, безъ различія культурнаго и экономическаго ценза, возраста, историческихъ и культурныхъ традицій; если такой же равноправности мы требуемъ для всѣхъ

религіозныхъ исповѣданій, не ставя для нихъ никакихъ критеріевъ цѣнности, традиціонности, напряженности, то какъ можно дѣлать какія либо принципіальныя различія относительно такой стихійной формы человѣческаго существованія, какъ національность? Кто присвоитъ себѣ право выдавать свидѣтельство на право національнаго самоопредѣленія? Кто дерзнетъ ставить отмѣтки національной самодовлѣемости данной народности? Конечно, никто не можетъ претендовать на такія компетенціи. Всякая народность—отъ самыхъ большихъ, какъ свыше двадцатипятимилліонная украинская и десятимилліонная польская, и до небольшихъ, насчитывающихъ нѣсколько сотъ или даже нѣсколько десятковъ тысячъ, – независимо отъ того, располагаетъ ли она историческими актами вродѣ акта присоединенія Украины къ Москвѣ или присоединенія Грузіи къ Россіи, достигла ли она вершинъ культурности или только двигается къ нимъ,—должна получить полную возможность развитія на своемъ національномъ основаніи.

Принятіе рѣзкой напряженности національныхъ стремленій за условіе признанія національныхъ правъ и національно-территоріальной автономіи напомнило бы примитивную медицину добраго стараго времени, не знавшую гигіены и профилактики и считавшую нужнымъ заниматься только „опасными", рѣзко выраженными болѣзнями, свидѣтельствующими уже о полномъ разстройствѣ и извращеніи нормальныхъ функцій организма. „Мудрые правители", начинающіе думать о томъ, что нужно „что-нибудь сдѣлать" для національныхъ запросовъ, когда неудовлетворенность національныхъ требованій, раздраженіе, причиняемое населенію на этой почвѣ, выводитъ изъ естественныхъ границъ національныя чувства, создаетъ гипертрофію національзма и заставляетъ общество развивать свою энергію въ сферѣ національныхъ стремленій за счетъ другихъ, болѣе положительныхъ сторонъ общественнаго развитія, —конечно, не соблазнятъ своею мудростью людей, вдумчиво относящихся къ условіямъ этого послѣдняго. Это

тѣ же мудрецы, которые считаютъ нужнымъ что-нибудь сдѣлать для народа не прежде, чѣмъ этотъ народъ теряетъ всякое терпѣніе и довѣріе къ „попечительной власти“. Но, въ сущности, не въ этомъ ли направленіи шли и идутъ даже въ настоящую минуту многіе руководящіе представители и органы освободительнаго движенія, совѣтующіе не выдвигать національнаго вопроса вообще и въ частности—вопроса о національно-территоріальномъ самоуправленіи теперь, а отложить его на неопредѣленное время? Рекомедующіе различать тѣ требованія автономіи, которыя диктуются „національнымъ инстинктомъ“, отъ тѣхъ, которыя исходятъ не изъ внушенія националистическихъ страстей, а отъ признанія національно-территоріальной автономіи одною изъ основъ нормальнаго государственнаго строя, и обусловливать ея полученіе напряженіемъ этого „національнаго инстинкта“, наличностью „большой агитаціи“, ясно выраженнымъ „желаніемъ самого населенія“? Настаивая на томъ, что національный вопросъ не долженъ становиться на дорогѣ къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ политическаго, общественнаго и экономическаго строя, они, очевидно, не сознаютъ, что такой постановкою національнаго вопроса они именно муссируютъ національные вопросы, заставляютъ всѣ тѣ элементы, для которыхъ рядомъ съ вопросами политическаго, общественнаго и экономическаго порядка существуетъ и вопросъ національный, дѣлить свою энергію между защитою первыхъ и послѣдняго и развертывать свой фронтъ не только по отношенію централизма справа, но и централизма слѣва.

V.

Одно изъ двухъ: или стоять на точкѣ зрѣнія, признающей національныя стремленія и національное самоопредѣленіе явленіемъ вреднымъ, считать автономный принципъ также явленіемъ отрицательнымъ, ядомъ,

который можно отпускать только въ исключительныхъ случаяхъ и въ возможно небольшихъ дозахъ, и тогда дѣйствовать по отношенію къ различнымъ національностямъ принципомъ divide et impera: стараться объяснить однимъ, что они легче получатъ исключительныя національныя права, требуя ихъ для себя однихъ, нежели связывая свои требованія съ требованіями другихъ народностей; другимъ толковать, что они могутъ получить существенныя уступки, не подымая вопроса о національной автономіи, и т. под. Или признавать автономный строй, принципъ широкаго самоуправленія національныхъ территорій необходимымъ основаніемъ успѣшнаго культурно-экономическаго и политико-общественнаго развитія для государства такого разноплеменнаго состава, какъ Россія,—и въ такомъ случаѣ проводить его какъ одно изъ основаній ея обновленнаго политическаго строя, не ожидая вспышекъ „національнаго инстинкта", ни плебисцитовъ населенія. Думаю, что для людей, сколько-нибудь оцѣнивающихъ значеніе національнаго элемента въ жизни человѣческаго общества, нѣтъ мѣста для колебаній: нужно сдѣлать теперь же все возможное для устраненія національнаго тренія, создать условія для развитія національнаго самоопредѣленія внѣ конфликтовъ съ развитіемъ общихъ задачъ политическаго и общественнаго устройства.

Принципъ территоріально-національной автономіи долженъ быть принятъ въ ряду другихъ основаній новаго государственнаго строя. Для ея осуществленія національный принципъ долженъ быть положенъ въ основу всѣхъ территоріально-общественныхъ организацій, начиная съ сельской общины и далѣе—въ основу мелкой земской единицы, всякаго рода избирательныхъ округовъ и провинціальныхъ подраздѣленій—насколько хватитъ данной этнографической территоріи и національной массы для этихъ округовъ и подраздѣленій. И разъ она достигаетъ того минимума, который можетъ быть признанъ достаточнымъ для образованія

самоуправляющейся національно-территоріальной области, то и долженъ быть организованъ для нея соотвѣтственный порядокъ самоуправленія.

На вопросъ, какъ широко должно быть самоуправленіе этихъ національныхъ областей[1]),—разумѣется, можетъ быть только одинъ отвѣтъ—какъ можно шире! Старый режимъ старался обезпечить единство государства силою принужденія; новый долженъ имѣть въ виду силу внутренняго сцѣпленія и дать возможный просторъ развитію народностей и областей въ единствѣ государства; въ этомъ единственный залогъ прочнаго сохраненія этого единства. И въ интересахъ его, въ интересахъ претворенія механическаго конгломерата, сдерживаемаго единственно внѣшнею силою, въ настоящій государственный организмъ, связанный общностью интересовъ своихъ составныхъ частей, нужно съ самаго начала стать на вѣрный путь, не тратя драгоцѣнной энергіи на національное треніе, не заставляя интеллигентное и сознательное меньшинство народностей тратить силы и время на усилія къ достиженію возможности національнаго развитія, на организацію для національной борьбы народныхъ массъ и неизбѣжное съ этою дѣятельностью развитіе національнаго шовинизма, никому нежелательное. Эта энергія нужна для обновленія общественныхъ отношеній, для культурнаго и экономическаго развитія, и грѣшно направлять ее на національную борьбу, тратить на національную пропаганду. А отсрочивать проведеніе національнаго самоуправленія или ограничивать его лишь нѣкоторыми народностями на первый разъ, повторяю,—равносильно призыву къ національной борьбѣ, грозящей затормозить прогрессивное движеніе общества и обновленіе всего государственнаго строя.

Печать, трудящаяся для проведенія въ общее сознаніе принциповъ освобожденія и принявшая годъ

---

[1]) См. по этому вопросу въ примѣненіи къ украинской автономіи статью „Наши требованія“.

тому назадъ обязанность „проводить въ сознаніе всего населенія“ принципъ признанія за каждой народностью „права на самоопредѣленіе“, должна исполнить этотъ лежащій на ней долгъ и энергичнѣе проводить въ общественное сознаніе эту идею. Много дорогого времени прошло безъ ощутительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, и тѣмъ больше нужно энергіи и доброй воли, чтобы наверстать это потерянное время.

О зрѣлости и незрѣлости.

Всѣ, кому знакома жгучесть національнаго вопроса во многихъ и многихъ областяхъ Россіи и настоятельность его разрѣшенія, съ искреннею симпатіею должны были встрѣтить образованіе „Союза автономистовъ-федералистовъ", поставившаго своею цѣлью „фактическое осуществленіе равноправія національностей, входящихъ въ составъ Россійскаго государства, и обезпеченіе всѣхъ культурно-автономныхъ правъ національнаго меньшинства, какъ въ предѣлахъ всего государства, такъ и въ предѣлахъ всѣхъ его автономныхъ частей", а затѣмъ сформированіе, подъ его вліяніемъ, парламентской фракціи автономистовъ въ Государственной Думѣ, ставящей своею задачею „взаимную поддержку и защиту" народностей Россіи, стремящихся къ осуществленію автономіи національно-территоріальной или областной „на демократическихъ началахъ".

Скажу больше. Образованіе союзовъ для осуществленія, общими силами, національнаго равноправія и самоуправленія для *всѣхъ* народностей и областей, стремящихся къ своему самоопредѣленію и достиженію автономныхъ правъ, и заключающееся въ этомъ положеніи провозглашеніе равноцѣнности и равноправности народностей въ ихъ стремленіяхъ къ обезпеченію своего національнаго существованія и развитія на основаніи національно-территоріальной автономіи—это явленія, значеніе которыхъ не ограничивается его ближай-

---

„Украинскій Вѣстникъ", № 4 (11 іюля 1906 г.).

шими цѣлями. Это факты, которые могутъ послужить для разрѣшенія національнаго вопроса не только въ Россіи, но и за предѣлами ея, напр., въ такихъ государствахъ, какъ Австрія и Германія, у которыхъ національныя отношенія и борьба между народностями государственными и привиллегированными, съ одной стороны, и непривиллегированными—съ другой, стремленія къ гегемоніи однихъ и освободительныя усиліями другихъ, составляютъ также больное мѣсто. Принципъ національно-территоріальной автономіи, довольно опредѣленно принятый парламентскою фракціею Думы [1]), представляетъ съ этой точки зрѣнія немалую цѣнность. Подобно тому, какъ каждый шагъ представителей прогрессивной Россіи въ устроеніи политическаго и экономическаго быта служитъ теперь толчкомъ для прогрессивныхъ теченій Европы,—такую же почетную роль могла бы Россія сыграть и въ развитіи національныхъ отношеній. Правильная постановка національныхъ отношеній въ Россіи могла бы очень сильно повліять въ томъ же направленіи и на національныя отношенія другихъ государствъ.

Тѣмъ внимательнѣе нужно слѣдить, чтобы въ новые мѣхи не попалъ старый квасъ, который могъ бы испортить новое вино. Если я слышу изъ устъ представителей парламентской фракціи автономистовъ и союза автономистовъ-федералистовъ упоминанія о томъ, что требованія автономности для однѣхъ народностей уже созрѣли, но для другихъ еще не созрѣли,—а такія выраженія пришлось мнѣ слышать изъ устъ нѣсколькихъ ораторовъ парламентской фракціи; если къ требованію автономіи вообще присоединяется замѣчаніе: „а прежде

[1]) Говорю: „довольно опредѣленно“, имѣя въ виду главнымъ образомъ п. 4 программы, постановляющій, что географическіе предѣлы автономной области опредѣляются желаніемъ населенія. Однако, выраженія: „областныя или національно-территоріальныя единицы“ вообще вносятъ извѣстную неясность въ нынѣшнюю редакцію программы, такъ какъ понятіе „областной“ очень часто является противоположеніемъ „національно-территоріальной“ автономіи.

всего автономія Польши“; если приходится встрѣчаться съ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ автономіи національно-территоріальной и стремленіе замѣнить ее автономіей областей, въ которыхъ весьма часто оказываются сшитыми куски разныхъ этнографическихъ областей, при чемъ одна изъ народностей играетъ роль „хозяина“ въ цѣлой области и, очевидно, не прочь эту роль за собою сохранить, — я считаю, что все это симптомы, могущіе очень сильно испортить все дѣло національнаго освобожденія.

Вѣдь очевидно, что если будетъ допущено раздѣленіе народностей на „зрѣлыя“ и „незрѣлыя“, а требованія автономіи на подлежащія удовлетворенію „прежде всего“ и могущія быть отложенными на неопредѣленныя времена, до полученія ими аттестата зрѣлости, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ все единство интересовъ, заставившее соединиться въ одинъ парламентскій клубъ представителей всѣхъ негосударственныхъ народностей Россіи, теряетъ смыслъ существованіе такого союза. Вѣдь не для того же собрались сюда представители „незрѣлыхъ народностей“, чтобы своими силами и голосами поддержать своихъ „зрѣлыхъ“ товарищей и на своихъ плечахъ поднять для достиженія ихъ цѣли? Если однѣ народности считаютъ свои требованія зрѣлыми и подлежащими осуществленію „прежде всего“, а требованіямъ другихъ народностей и областей отказываютъ въ равноцѣнности и равноправности, то союзъ ихъ не только не дѣлаетъ ничего „для взаимной поддержки и защиты“, а наоборотъ—присутствіе въ немъ этихъ несозрѣвшихъ, по мнѣнію ихъ собственныхъ товарищей, народностей и областей только ослабляетъ силу требованій этихъ послѣднихъ. Принимая молча такія заявленія „зрѣлыхъ“, представители „незрѣлыхъ“ какъ бы капитулируютъ, отказываясь отъ своихъ правъ на равное осуществленіе своихъ требованій наряду съ требованіями народностей, выдвигающихъ себя на первый планъ. Поэтому несомнѣнно — народностямъ отодвигаемымъ пришлось бы вскорѣ придти къ убѣжденію,

что, съ точки зрѣнія тактики, имъ гораздо умѣстнѣе отдѣлиться отъ своихъ претенціозныхъ товарищей, считающихъ себя лучше аттестованными, и создать отдѣльный союзъ народностей и областей, не претендующихъ на привиллегированное положеніе.

Мы имѣли случай уже высказать наше принципіальное положеніе, что въ вопросѣ національнаго равноправія не должны имѣть мѣста отмѣтки культурности, сознательности, исторической давности и дипломатической обоснованности, какъ не имѣютъ онѣ мѣста въ вопросѣ равноправія гражданскаго [1]). Національная равноправность и автономность — это не награда за прилежаніе и успѣхи, а средство культурнаго и общественнаго развитія, залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Требовать правъ развитія лишь для культурно-созрѣвшихъ—значитъ выворачивать на изнанку этотъ вопросъ, не говоря о томъ, что союзу, стоящему на демократическихъ основахъ, такая постановка вопроса вовсе не къ лицу, ибо ничто не противорѣчитъ такъ истинному демократизму, какъ этотъ національный аристократизмъ.

Впрочемъ попечительная бюрократія и всѣ почивающіе на лаврахъ привиллегій такъ долго на всѣ требованія улучшеній въ сферѣ политическихъ, экономическихъ и общественныхъ отношеній отвѣчали разсужденіями о „незрѣлости“ опекаемыхъ, что совершенно дискредитировали этотъ аргументъ. Ссылки на гражданскую незрѣлость крестьянъ и неспособность ихъ обойтись безъ попечительной власти помѣщиковъ, на неприготовленность народныхъ массъ къ пользованію гражданскими и политическими правами, на отсутствіе у трудящихся массъ культуры, необходимой для того, чтобы передать имъ земли помѣщичьи,—такъ пріучили всѣхъ къ этимъ толкамъ о незрѣлости и неприготовленности, что такія лицемѣрныя, заѣзженныя фразы не помогутъ больше никакому дѣлу, и пускаться на

---

[1]) См. статью: „Національный вопросъ и автономія“.

скользкую дорогу подобныхъ аргументовъ никому не слѣдуетъ. „Незрѣлость", препятствующая благимъ намѣреніямъ и дѣлающая невозможнымъ равенство привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ—это уже lupus in fabula, и пора эту пѣсню оставить въ покоѣ.

При томъ же въ національныхъ вопросахъ спеціально—это оружіе обоюдоострое, палка о двухъ концахъ. Поляки Россіи склонны выдѣлять себя изъ числа другихъ негосударственныхъ народностей и считаютъ свои національно-автономныя требованія несравнимыми съ требованіями другихъ народностей, подобно тому, какъ Поляки и Чехи Австріи зачисляютъ себя въ высшую категорію по сравненію съ другими „менѣе цѣнными" (minderwerthige) народностями, обрекаемыми поэтому на положеніе опекаемыхъ и эксплоатируемыхъ. Но Нѣмцы въ свою очередь рѣшительно отрицаютъ равноцѣнность всѣхъ Славянъ, въ томъ числѣ и Поляковъ, съ германскими народами и склонны смотрѣть на нихъ, какъ на низшую расу. А представители латинскихъ расъ, какъ, напр., французы и итальянцы не могутъ побороть въ себѣ снисходительно-презрительнаго отношенія къ „твердоголовымъ тевтонамъ". Отрицая зрѣлость другихъ, можно всегда услышать такое же отрицаніе и по своему собственному адресу. Градаціи аристократизма безграничны, и разъ мы сойдемъ съ твердой почвы равенства, то очутимся на весьма зыбкой трясинѣ.

Представители народностей, отстаивающихъ равныя права *всѣхъ* на національное самоопредѣленіе, на національно-территоріальную автономію, защищающихъ эти принципы, какъ основанія новаго государственнаго строя, устанавливаемыя для всего государства и всѣхъ его народностей и областей, на эту зыбкую трясину сходить не могутъ. Это имъ не по дорогѣ.

Наши требованія.

Читателю, познакомившемуся съ содержаніемъ предшествующихъ статей [1]), извѣстно, что разрѣшеніе украинскаго вопроса мы не выдѣляемъ изъ болѣе общаго вопроса о переустройствѣ государства на началахъ равноправія народностей и областей и національно-территоріальной автономіи, считая разрѣшеніе этого вопроса составною, интегральною частью въ проблемѣ обращенія Россіи въ правомѣрное и благоустроенное государство. Не признавая подраздѣленія народностей на „зрѣлыя“ и „незрѣлыя“, а національные вопросы—на настоятельные и ненастоятельные, долженствующіе обостриться прежде, чѣмъ приступятъ къ ихъ разрѣшенію, мы считаемъ ближайшею задачею парламента Россія, въ связи съ обезпеченіемъ личныхъ правъ гражданина и организаціею мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ, также и установленіе общеимперскими законами общихъ принциповъ обезпеченія національнаго самоопредѣленія и національно-территоріальнаго и областного самоуправленія. Мы считаемъ это необходимымъ и потому, что вопросы, выдвинутые на первую очередь, для своего успѣшнаго разрѣшенія требуютъ выясненія этихъ принциповъ и установленія общихъ основаній ихъ разрѣшенія и, такимъ образомъ, выдвигаютъ ихъ на

„Украинскій Вѣстникъ“, № 5 18 іюня 1906).

[1]) „Единство или распаденіе“, „Національный вопросъ и автономія“, „О зрѣлости и незрѣлости“.

очередь вслѣдъ за собою. Такъ, напримѣръ, разрѣшеніе аграрнаго вопроса близко затрагиваетъ вопросы областного самоуправленія, вопросъ о національномъ равноправіи тѣсно связанъ съ обезпеченіемъ національнаго самоопредѣленія и нестѣсняемаго національнаго развитія, организація мѣстнаго самоуправленія— съ самоуправленіемъ областнымъ и національно-территоріальнымъ. Считаемъ неотложнымъ также и потому, что отодвиганіе на задній, далекій планъ разрѣшенія національнаго вопроса не можетъ не вызвать среди угнетенныхъ народностей Россіи, составляющихъ большинство ея населенія, безпокойства и недовольства, грозящихъ нарушить тѣсное единеніе областей и народностей въ борьбѣ съ общимъ врагомъ и напряженіе ихъ энергіи въ творческой работѣ надъ созданіемъ новаго политическаго, экономическаго и общественстроя.

Какъ во всемъ этомъ творческомъ процессѣ, такъ и въ устройствѣ національныхъ и областныхъ отношеній, мы считаемъ нужнымъ исходить изъ современнаго положенія вещей, изъ реальныхъ потребностей населенія, а не изъ историческихъ актовъ и справокъ. Необходимо смотрѣть не назадъ, а впередъ, не учитывать старые счета, а закладывать основанія будущаго сосуществованія и развитія. Національный вопросъ долженъ рѣшаться не на основаніи археографическихъ источниковъ, принциповъ давности или искусственно созданныхъ условій преобладанія, а на реальныхъ фактахъ настоящаго и въ духѣ истиннаго демократизма, въ интересахъ народныхъ массъ, населяющихъ области и территоріи. И не только въ интересахъ ихъ большинства, но и меньшинства, которое должно быть охранено отъ централизма, какъ провинціальнаго, такъ точно и общегосударственнаго. Поэтому и въ разрѣшеніи украинскаго вопроса мы будемъ исходить не изъ „историческихъ правъ", какимъ является актъ добровольнаго присоединенія Украины къ Россіи, создавшій отношенія личной уніи между

ними въ однѣхъ сторонахъ политической жизни и отношенія федеративныя въ другихъ и насильственно отмѣненный русскимъ правительствомъ вопреки ясно выраженнымъ желаніямъ и протестамъ украинскаго народа, не перестававшаго, до полнаго подавленія политической жизни, требовать возстановленія этихъ „статей Богдана Хмѣльницкаго“, какъ конституціонной хартіи Украины.

Мы исходимъ прежде всего изъ того факта, что украинскій народъ, около $^5/_6$ котораго (въ числѣ свыше 25 милліоновъ) занимаетъ въ Россіи сплошную територію съ ясно выраженными этнографическими границами,—по своимъ психофизическимъ свойствамъ, по исторически сложившимся особенностямъ своего частнаго и общественнаго быта, по складу экономическихъ отношеній, по культурнымъ и общественнымъ традиціямъ, представляетъ вполнѣ опредѣленную этнографическую и національную особь, которая въ новомъ строѣ демократизированной, на началахъ равенства и нестѣсненности перестроенной Россіи должна найти благопріятныя условія для своего культурнаго и общественнаго развитія и національнаго самоопредѣленія, а широкое самоуправленіе ея этнографической территоріи должно обезпечить успѣшное развитіе экономическихъ силъ населенія и обратить ихъ на его пользу, на удовлетвореніе его культурныхъ и экономическихъ нуждъ, устранивъ эксплоатацію для цѣлей чуждыхъ его культурной и экономической жизни.

Вѣрные завѣтамъ украинскаго освободительнаго движенія, выдвинувшаго федеративный принципъ, какъ основаніе будущаго устроенія отношеній политическихъ и національныхъ, и неизмѣнно проводившаго его, начиная съ т. н. кирилло-меѳодіевскаго братства, мы признаемъ федеративныя формы наиболѣе совершеннымъ способомъ сочетанія государственнаго союза съ интересами свободнаго и нестѣсненнаго развитія національной жизни, но въ настоящемъ настаиваемъ на осуществленіи принципа національно-територіаль-

ной автономіи, какъ одного изъ основаній новаго государственнаго устройства. Сообразно этому территорія съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ должна быть выдѣлена изъ нынѣшнихъ административныхъ подраздѣленій и наряду съ преобразованіемъ органовъ мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ должна получить общіе органы областного законодательства и самоуправленія, руководимые народнымъ представительствомъ въ видѣ украинскаго сейма, избираемаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Такъ какъ установленіе границъ, возможно точно совпадающихъ съ національнымъ составомъ населенія, должно потребовать нѣкотораго времени, то общеимперскій законъ, реформирующій организацію мѣстнаго самоуправленія, чтобы не тормозить деталями рѣшенія этого вопроса, можетъ ограничиться принципіальнымъ постановленіемъ объ измѣненіи границъ существующихъ административныхъ подраздѣленій сообразно этнографическому составу населенія (а внутри этнографической территоріи сообразно экономическимъ условіямъ и удобствамъ сообщенія), и срока, когда должно войти въ силу новое административное дѣленіе.

Организація областного украинскаго сейма и связанныхъ съ нимъ органовъ управленія и контроля съ широкими полномочіями въ мѣстномъ законодательствѣ, въ распоряженіи мѣстными финансами и областнымъ земельнымъ фондомъ, въ мѣстномъ управленіи, въ организаціи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, общественной безопасности и средствъ экономическаго развитія,—по аналогіи другихъ наиболѣе крупныхъ автономныхъ организацій Россіи, должна послѣдовать одновременно съ ними, и по аналогіи съ ними должны быть опредѣлены предѣлы полномочій областного сейма и его органовъ, съ одной стороны, и центральнаго парламента и общеимперскихъ министерствъ—съ другой. Предоставивъ центральнымъ органамъ нормированіе общихъ основаній государственнаго и обществен-

наго строя, распоряженіе средствами, необходимыми для содержанія органовъ центральнаго и общеимперскаго провинціальнаго управленія (а также и въ тѣхъ отрасляхъ, которыя въ интересахъ государственнаго союза и лучшей своей организаціи останутся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ), равно какъ и управленіе въ этихъ сферахъ,— общеимперская конституція должна оставить органамъ мѣстнымъ широкую область устройства и нормированія мѣстныхъ отношеній, съ правомъ законодательной и всякой иной инииціативы по отношенію къ органамъ центральнымъ, должна обезпечить такой порядокъ, при которомъ экономическія средства края, за исключеніемъ справедливаго участія въ общегосударственныхъ издержкахъ, обращались бы на удовлетвореніе потребностей мѣстной культурной и экономической жизни, и освободить теченіе и развитіе мѣстной жизни отъ давленія централизма.

Спеціальными законами должна быть устранена всякая централизація и въ области церковнаго управленія, а также искусственная перетасовка этнографическихъ элементовъ въ арміи, и созданы такія условія, чтобы отбываніе военной службы происходило какъ можно ближе къ родинѣ или постоянному мѣстопребыванію солдатъ, а не въ далекихъ краяхъ, въ совершенно чуждыхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ.

Особыми общеимперскими законами должны быть установлены права, которыми пользуются языки и нарѣчія не государственныя въ учрежденіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ, а также обезпечены права національностей, находящихся на извѣстной территоріи въ меньшинствѣ, по отношенію къ учрежденіямъ общимъ и мѣстнымъ, и указаны нормы, гарантирующія имъ возможность нестѣсняемаго существованія и осуществленія своихъ національныхъ и культурныхъ запросовъ. Въ первую очередь въ разрѣшеніи этого вопроса должно быть поставлено введеніе народныхъ языковъ, въ томъ числѣ и украин-

скаго среди украинскаго населенія, въ народную школу, какъ языка преподаванія, а въ школу среднюю и высшую украинскихъ дисциплинъ, какъ предметовъ преподаванія. Также принятіе мѣръ къ тому, чтобы не было недостатка въ учителяхъ народныхъ школъ, которые могли бы вести преподаваніе на украинскомъ языкѣ, а въ различныхъ учрежденіяхъ украинской территоріи—въ чиновникахъ, владѣющихъ этимъ языкомъ для сношенія на немъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Далѣе — признаніе всѣхъ правъ украинскаго языка, съ сохраненіемъ за русскимъ значенія языка общегосударственнаго, и скорѣйшее проведеніе его, по мѣрѣ устраненія чисто-техническихъ трудностей, въ практику органовъ мѣстнаго управленія и всякаго рода учрежденій, остающихся въ вѣдѣніи органовъ центральнаго правительства. Наконецъ, устраненіе всякихъ ограниченій, стѣсняющихъ пользованіе своимъ роднымъ языкомъ во всѣхъ сферахъ культурной и общественной жизни.

Высказывая эти наши требованія, мы питаемъ твердую увѣренность, что скорѣйшее осуществленіе ихъ дастъ украинскимъ областямъ Россіи возможность возстановить правильное развитіе своей жизни, подавленное централистическою политикою стараго режима, и подняться изъ культурнаго, общественнаго и экономическаго упадка, къ которому онѣ были приведены системою преслѣдованій національной и общественной жизни и всѣхъ проявленій ихъ національныхъ особенностей. Въ старомъ порядкѣ украинскія земли служили крупнымъ источникомъ государственнаго бюджета, а сами были обречены на полное захуданіе, не получая взамѣнъ самыхъ элементарныхъ средствъ къ подъему экономическаго благосостоянія населенія, охраненію народнаго здравія, распространенію просвѣщенія и культурному подъему населенія. Нашъ народъ, организовавшій нѣкогда изъ своихъ убогихъ средствъ систему школъ и покрывшій свою территорію ихъ сѣтью—уничтоженной, но не замѣненной ничѣмъ луч-

шимъ во время бюрократическаго режима, былъ лишенъ школы въ продолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія, и въ результатѣ этотъ народъ, послужившій нѣкогда проводникомъ культуры и просвѣщенія для государственной народности,—безконечно отсталъ затѣмъ отъ нея, благодаря попеченіямъ того же режима, осудившаго его на безпросвѣтную тьму. Населеніе, поражавшее своимъ общественнымъ и гражданскимъ развитіемъ, культурностью, богатыми задатками въ различныхъ областяхъ творчества, приведено было въ состояніе полнаго застоя, ослабленія всякихъ общественныхъ и культурныхъ инстинктовъ. Обезпеченіе въ новомъ строѣ Россіи нестѣсненнаго экономическаго и культурнаго движенія, всесторонняго національнаго развитія при широкой автономіи и самоуправленія въ духѣ полной демократизаціи дастъ Украинѣ возможность выйти изъ этого тяжелаго состоянія. Изгладивъ горькія воспоминанія о бѣдствіяхъ, причиненныхъ старою системою, оно свяжетъ украинскій народъ и украинскія земли въ крѣпкій союзъ съ другими народностями и областями Россіи и послужитъ залогомъ прочности этого союза, невозможной безъ удовлетворенія стремленія народностей и областей къ свободному и успѣшному развитію своей мѣстной жизни.

Въ интересахъ всего этого союза и его составныхъ частей, въ интересахъ успѣшнаго разрѣшенія великихъ задачъ, поставленныхъ освободительнымъ движеніемъ Россіи, и дружной работы ея областей и народовъ надъ ихъ осуществленіемъ, эта національная областная программа, которую мы поставили здѣсь, какъ постулатъ украинства, въ неразрывной связи съ перестройкой всей Россіи на началахъ національной равноправности и областной автономіи, должна быть осуществлена — и осуществлена безотлагательно.

Фразы и факты.

Дружеская рука переслала мнѣ номеръ „Гражданина“ (№ 22), гдѣ какой-то господинъ, подписавшійся словомъ „Кіевлянинъ“, выдергивая фразы изъ моей книги (Очеркъ исторіи украинскаго народа) и дополняя ихъ своими изобрѣтеніями и соображеніями, изобличаетъ тайныя помышленія „украинофиловъ“ и рисуетъ страшныя перспективы, грозящія въ случаѣ освобожденія украинства отъ репрессій, тяготѣющихъ на немъ въ Россіи. Эта посылка была снабжена замѣткой, что упомянутая статья считается голосомъ кіевскаго „Русскаго собранія“. Это обстоятельство даетъ нѣкоторое право на вниманіе къ этой статьѣ и побуждаетъ меня написать предлагаемыя строки.

На слова, обращенныя ко мнѣ лично, я не буду отвѣчать. Я, конечно, никогда не разсчитывалъ на одобреніе сотрудниковъ „Гражданина“ и не могу огорчаться бранью, раздающеюся изъ устъ господъ изъ „Русскаго собранія“. Я не могу также состязаться въ отгадываніи чужихъ намѣреній и прорицаніи будущаго, въ которомъ чувствуетъ себя такимъ сильнымъ г. Кіевлянинъ. Предпочитаю остаться на почвѣ фактовъ прошлаго и настоящаго, доступныхъ простому человѣческому уму.

Г. Кіевлянинъ предостерегаетъ комитетъ министровъ не открывать „свободы пропаганды украинофильства“, такъ какъ „дать свободу малороссійскому слову во

„Сынъ Отечества“, № 50 (14 апрѣля 1905 г.).

всѣхъ областяхъ науки и жизни—это значитъ подвергнуть пересмотру постановленіе переяславской рады 8-го (18-го) января 1654 года и царскій указъ 27-го марта 1654 года". Съ разрѣшеніемъ св. писанія на украинскомъ языкѣ, Украина, „пожалуй, промѣняетъ православіе на штунду". Снятіемъ запрещенія съ украинскаго слова воспользуются прежде всего „проповѣдники штунды и соціалъ-демократическіе агитаторы". Свободою собраній „наши украинофилы" воспользуются для организаціи „сѣчей", т. е. сообществъ среди крестьянъ крайне бунтарскаго направленія, создаваемыхъ для борьбы съ государствомъ, съ церковью, съ крупной поземельной собственностью, со всѣмъ вообще современнымъ строемъ не только при помощи стачекъ и т. д., но и при содѣйствіи топоровъ, револьверовъ и ручныхъ бомбъ.

„Можно себѣ представить, что дѣлалось бы въ нашихъ деревняхъ, если бы затѣи украинофиловъ осуществились! Безъ ужаса и дрожи объ этомъ нельзя даже и подумать!",—восклицаетъ въ пророческомъ экстазѣ г. Кіевлянинъ.

Разгулявшееся воображеніе, конечно, можетъ представить все, что угодно, особенно если оно соединяется съ изобильною дозою невѣжества и беззаботнаго отношенія къ фактамъ и логикѣ, какъ это обыкновенно бываетъ у товарищей по оружію г. Кіевлянина. Какъ смѣло, напр., онъ воюетъ актами 1654 г.! А вѣдь этотъ царскій указъ 27-го марта 1654 г. заключаетъ въ себѣ такія гарантіи самоуправленія и правопорядка Малороссіи, которыя, несомнѣнно, показались бы также „поразительно дерзкими," если бы были высказаны въ качествѣ постулята какимъ-нибудь современнымъ „вождемъ украинофильства". Вѣдь этотъ указъ вкратцѣ резюмировалъ знаменитыя „статьи Богдана Хмельницкаго", впродолженіе столѣтій бывшія затѣмъ лозунгомъ украинскихъ патріотовъ въ ихъ стремленіяхъ къ автономіи Малороссіи. Онъ гарантировалъ Малороссіи выборное управленіе и судъ, въ которые не долженъ

былъ вмѣшиваться никто, автономію церкви, свободный выборъ гетмана и право сношеній съ заграничными державами [1]), словомъ ставилъ Малороссію относительно Московскаго государства въ положеніе, которое авторитетнѣйшій изъ историковъ права Россіи проф. Сергѣевичъ опредѣляетъ какъ личную унію, т. е. союзъ двухъ самостоятельныхъ государствъ подъ властью одной династи [2]). Призывъ къ актамъ 1654 г., обращенный г. Кіевляниномъ по адресу комитета министровъ, равносиленъ призыву разорвать съ политикою порабощенія Малороссіи, репрессій и стѣсненій свободнаго развитія украинскаго общества, которую боярская бюрократія Москвы повела вопреки идеѣ свободнаго соединенія, лежавшаго въ основѣ актовъ 1654 г. И дѣйствительно пора, пора разорвать съ этой недостойной, губительной, развращающей политикой гнета и запрещеній.

Г. Кіевлянинъ поправляетъ комитетъ министровъ, назвавшій украинофильское движеніе явленіемъ наноснымъ, и доказываетъ, что явленіе это домашнее и старое, выросшее на украинской почвѣ и ведущее свою исторію со временъ Мазепы. Пріятно видѣть, что сотрудники „Гражданина“ сдѣлали такіе значительные успѣхи въ отечественной исторіи и уже не считаютъ украинства польско-австрійскою интригою самоновѣйшаго изобрѣтенія, какъ то еще недавно утверждали, а можетъ быть и теперь еще утверждаютъ писатели этого образца. Расширяя и впредь свои познанія, они узнаютъ со временемъ, что такъ называемый украинскій сепаратизмъ—явленіе еще болѣе старое и еще болѣе близкое имъ по своему происхожденію. Они узнаютъ, что

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи т. X, стр. 491—3.

[2]) В. Сергѣевичъ: Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, 3 изд. 1903 г., стр. 107; „Присоединеніе имѣло характеръ личный, а не реальный. Малороссія не соединилась съ московскимъ государствомъ, а только признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ“.

его создали боярскіе бюрократы Москвы, опутывая Украину паутиною бюрократической интриги, шагъ за шагомъ стѣсняя ея автономію и подводя ея жизнь подъ московскіе шаблоны, пользуясь для этого затруднительнымъ положеніемъ украинскихъ политиковъ, тщательно ловя ихъ на неосторожныхъ обѣщаніяхъ и принуждая къ уступкамъ, противнымъ ихъ общественной и національной совѣсти. Эта-то беззастѣнчивая, холодно-разсчетливая политика вызвала среди вождей украинскаго общества XVII в. отвращеніе къ Москвѣ и отчаянныя попытки разорвать связь Украины съ нею, опираясь то на ту, то на другую политическую силу—то, что называется украинскимъ сепаратизмомъ. Богданъ Хмельницкій, которому кіевскіе Юзефовичи на нашей памяти сооружали памятникъ [1]), былъ не только присоединителемъ Украины къ московскому государству, но и первымъ украинскимъ сепаратистомъ, такъ какъ, убѣдившись, что московское правительство рѣшительно не хочетъ считаться съ стремленіями и желаніями украинскаго общества въ своей централистической политикѣ, рѣшилъ разорвать связь съ Москвою, опираясь на Швецію. Мазепа только исполнилъ планъ, принятый Хмельницкимъ и неосуществленный потому только, что смерть застигла его среди этихъ плановъ. Но создателемъ украинскаго сепаратизма нельзя назвать ни того, ни другого. Его создала московская бюрократическая политика, и положить конецъ украинскому сепаратизму можно только, положивъ конецъ этой политикѣ гнета и порабощенія, унаслѣдованной петербургской бюрократіей отъ московской.

Обладая весьма недостаточными, какъ видно, познаніями въ исторіи XVII в., г. Кіевлянинъ имѣетъ совершенно ложныя представленія объ эпохѣ религіозной

---

[1]) Мих. Юзефовичъ, иниціаторъ указа 1876 г., запретившаго украинское слово, былъ предсѣдателемъ правительственной комиссіи по сооруженію памятника Б. Хмельницкаго и награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника при открытіи памятника.

борьбы въ Украинѣ. Онъ говоритъ, что „Малороссія читала по-славянски Святое Писаніе въ эпоху борьбы за православіе и осталась ему вѣрна", и предвѣщаетъ поголовное распространеніе штунды по разрѣшеніи св. Писанія на украинскомъ языкѣ. Въ дѣйствительности, именно въ періодъ борьбы за православіе украинское общество пришло къ сознанію необходимости перевода св. Писанія на „простую", „посполитую" народную рѣчь, для сознательнаго усвоенія его народомъ, и въ XVI, затѣмъ въ XVII в. появляется рядъ такихъ переводовъ, а авторы ихъ объясняютъ необходимость такихъ переводовъ аргументами, которые можно только повторить теперь въ защиту необходимости разрѣшенія украинскихъ переводовъ св. Писанія, по адресу неумѣренныхъ защитниковъ славянскаго текста [1]). А „штунда" возникла и распространилась во второй половинѣ XIX в., какъ народный протестъ противъ омертвѣнія церковной организаціи, противъ бюрократизаціи духовенства, во время наибольшихъ репрессій украинскаго слова, совершенно независимо отъ „украинофильскихъ" вліяній. Стремясь къ достиженію религіозной вѣротерпимости, вожди и послѣдователи „штунды" вообще сторонились отъ политическихъ и національныхъ теченій, вѣроятно, боясь усугубить административныя преслѣдованія своего вѣроученія. Они пользовались священнымъ писаніемъ и собраніями пѣснопѣній, литургическими книгами на великорусскомъ языкѣ и, вообще, насколько мнѣ извѣстно, національной украинской окраски „штунда" никогда не имѣла. Повліяетъ ли на дальнѣйшее развитіе этого религіознаго движенія самый фактъ разрѣшенія св. Писанія на украинскомъ языкѣ, не берусь судить, но что оно развилось достаточно сильно въ

---

[1]) См., напримѣръ, предисловіе къ Евангелію Тяпинскаго ок. 1570 г. Переводчикъ Учительнаго Евангелія 1616 г. ставитъ своею цѣлью сдѣлать этотъ трудъ, который въ славянскомъ текстѣ „про неспособность слухачовъ немногимъ пожиточенъ былъ", доступнымъ широкимъ кругамъ общества „въ простѣйшемъ языку".

періодъ запрещеній украинскихъ переводовъ св. Писанія и вообще украинскаго слова, это, вѣроятно, признаютъ и сотрудники „Гражданина“.

Распространеніе огромной массы „книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія на малорусскомъ нарѣчіи“, которое констатируютъ корреспонденты „Гражданина“, не нуждалось въ разрѣшеніи украинскаго слова въ Россіи. Аграрныя крестьянскія движенія въ украинскихъ губерніяхъ для своего появленія не ожидали закона о свободѣ собраній и обществъ. Передъ ихъ стихійною силою и напряженностью совершенно блѣднѣютъ галицкія „сїчи“, такъ перепугавшія г. Кіевлянина, повѣрившаго на слово выдумкамъ галицкой шляхты и полиціи о револьверахъ, ручныхъ бомбахъ и т. п. [1]). Революціонныя движенія среди интеллигенціи украинскихъ губерній, точнѣе сказать—ея участіе въ революціонныхъ движеніяхъ Россіи, развившееся въ періодъ подавленія всякаго національнаго проявленія украинства, также совершенно не находятъ себѣ параллели въ жизни украинской интеллигенціи конституціонной Галиціи.

Всѣ тѣ страхи, которыми г. Кіевлянинъ пугаетъ комитетъ министровъ на случай допущенія свободы украинства, уже на-лицо, и вызвала ихъ къ жизни именно эта система бюрократической опеки, мертвящей регламентаціи и національнаго гнета, сохраненіе которыхъ онъ такъ усиленно рекомендуетъ. Сотрудникамъ „Гражданина“ желателенъ старый курсъ постояннаго расширенія периферій государства, съ усиленной ассимиляціей и порабощеніемъ окраинъ, хотя этотъ курсъ ведется цѣною полнаго истощенія центра, той „коренной Россіи“, объ интересахъ которой такъ много гово-

---

[1]) „Сїчи“—гимнастическо-пожарныя общества—преслѣдовались, такъ какъ администрація и правящая шляхта вообще враждебно относятся къ крестьянскимъ организаціямъ, но многочисленные обыски и процессы не обнаружили въ тѣхъ ничего подобнаго тому, что пишетъ о нихъ со словъ Kraj'я г. Кіевлянинъ.

рится. Имъ желателенъ полицейско-бюрократическій, все нивеллирующій и все регламентирующій режимъ, облѣпившій государственный организмъ гноящимися болячками всевозможныхъ національныхъ и соціальныхъ „вопросовъ", вызвавшій къ жизни безчисленные „сепаратизмы". Имъ нужна эта всегнетущая опека, тщательно устраняющая интеллигенцію отъ всякаго вліянія на народъ, заковавшая общество, омертвившая церковь, держащая въ темнотѣ и нищетѣ народныя массы и толкающая къ революціонной дѣятельности всѣ классы общества за невозможностью легальной общественной самодѣятельности. Они держатся ея еще и теперь, послѣ того, какъ ея банкротство открылось во всей ужасающей наготѣ при встрѣчѣ Россіи съ самою младшею изъ культурныхъ державъ міра... О вкусахъ спорить трудно, но можно сильно сомнѣваться, чтобы этотъ консерватизмъ наизнанку, рекомендуемый комитету министровъ г. Кіевляниномъ, нашелъ сочувствіе не только тамъ, но и гдѣ бы то ни было въ средѣ людей, владѣющихъ своими умственными способностями и слѣдившими за жизнью Россіи.

Несостоятельность стараго курса и неотложная необходимость коренной перестройки Россіи на основахъ правопорядка, общественной и національной справедливости должна быть очевидна для всякаго здравомыслящаго человѣка безъ различія его взглядовъ, консервативныхъ или прогрессивныхъ. Въ этой перестройкѣ, которая можетъ быть удовлетворительно произведена руками только самихъ общественныхъ классовъ и національныхъ элементовъ Россіи, должны найти свое разрѣшеніе ея національные вопросы, въ томъ числѣ и украинскій. Но устраненіе ограниченій, которыхъ вредъ и нераціональность признаны въ самихъ правительственныхъ сферахъ, нѣтъ надобности откладывать до этой общей перестройки — они должны быть отмѣняемы немедля, какъ только сознается ихъ вредъ или ненужность. Самъ комитетъ министровъ и запрошенные имъ органы администраціи и ученыя учрежденія ука-

зали единодушно на ненужность и вредъ ограниченій украинскаго слова—какая же цѣль откладывать ихъ отмѣну до болѣе общихъ законодательныхъ мѣръ? Мѣры, явившіяся какъ исключенія изъ общаго правила, должны быть прекращаемы немедля, когда ихъ ненужность сознана. А устраненіе всякаго стѣсненія все же вноситъ извѣстное облегченіе, устраняетъ извѣстную дозу горечи изъ современной жизни Россіи, въ которой этой горечи накопилось слишкомъ-слишкомъ ужъ много.

Равною мѣрою.

Опубликованный высочайшій указъ 3-го мая, устраняя нѣкоторыя стѣсненія для лицъ польскаго происхожденія въ девяти западныхъ (сѣверо-и юго-западныхъ) губерніяхъ, между прочимъ, допускаетъ преподаваніе языковъ литовскаго и польскаго въ народныхъ школахъ высшаго типа и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ большинство принадлежитъ къ народности литовской или польской, и поручаетъ министерству народнаго просвѣщенія войти съ соображеніями относительно осуществленія этой реформы.

Реформа, несомнѣнно, необходимая, и остается только желать ея скорѣйшаго осуществленія—но въ объемѣ болѣе широкомъ.

Во-первыхъ, внѣ этой школьной реформы не должны остаться школы низшія, гдѣ допущеніе преподованія на мѣстныхъ языкахъ является вопросомъ еще болѣе настоятельнымъ. Во-вторыхъ, допуская мѣстные языки въ школу, нѣтъ возможности исключить изъ этой реформы прочія народности края, еще болѣе многочисленныя, чѣмъ литовская и польская, а именно: украинскую (малорусскую), бѣлорусскую и еврейскую.

Желательно устраненіе національныхъ стѣсненій, но для всѣхъ одинаково. Допуская, напримѣръ, польскій языкъ въ школахъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. не допустить украинскаго нѣтъ никакихъ основаній,

---

Сынъ Отечества № 31, 7 (12) мая 1905.

Нужно ли говорить, что для Украинца ознакомленіе съ украинскою литературою и методическое изученіе родного языка такъ же желательно, какъ и польской литературы и языка для Поляка? Украинская литература и языкъ для Украинца составляютъ, конечно, не менѣе достойный предметъ изученія, чѣмъ литовская и польская. Впрочемъ, гдѣ идетъ рѣчь объ изученіи *родного* языка и литературы, тамъ нечего пускаться въ оцѣнку ея достойности—это право должно быть удѣломъ каждой народности.

Или, можетъ быть, для Украинцевъ все еще считаются родными языкъ и литература великорусскія? Послѣ того какъ академія наукъ, отвѣчая въ своей запискѣ на вопросъ комитета министровъ по поводу ограниченій украинскаго языка [1]), съ полною опредѣленностью выяснила, что „русская литература" есть литература великорусская, и „русскій языкъ"— литературный великорусскій, а отнюдь не общерусскій языкъ,—въ этомъ не должно быть сомнѣній и для правительственныхъ сферъ, обращавшихся къ компетентному мнѣнію академіи по этому вопросу. Что настоятельная потребность введенія украинскаго языка въ школу живо чувствуется украинскимъ обществомъ, свидѣтельствуетъ записка „Нужды украинской школы", принятая на чествованіи памяти Т. Шевченка въ Кіевѣ въ этомъ году и покрытая безчисленными подписями. Харьковскій университетъ, отвѣчая на запросъ комитета министровъ относительно устраненія стѣсненій украинскаго языка [2]), обратилъ вниманіе комитета на „необходимость ввести обученіе украинскому чтенію и письму" въ начальныхъ школахъ украинскихъ губерній, въ виду непонятности

---

[1]) Императорская академіи наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова, Спб., 1905 (оффціальное изданіе).

[2]) Записка по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языкѣ (оффиціальное изданіе совѣта харьковскаго университета).

для украинскаго ребенка великорусской рѣчи. Конечно, преподаванiе украинскаго языка въ школахъ высшихъ типовъ является логическимъ развитiемъ этой необходимости, и vice versa.

Съ восторгомъ будемъ привѣтствовать раскрѣпощенiе народностей Россiи, но всѣхъ, безъ выбора и подраздѣленiя на привиллегированныя и обдѣленныя, на дѣтей и пасынковъ! Говорю, какъ Украинецъ и уроженецъ Юго-Западнаго края, но думаю, что то же скажетъ всякiй сознательный представитель обдѣленныхъ народностей Россiи

Къ злобѣ дня.

Если представители прогрессивнаго великорусскаго общества съ недоумѣніемъ останавливаются передъ открывшеюся передъ ними перспективою представительства безъ возможности свободнаго обсужденія наиболѣе важныхъ вопросовъ современной жизни, безъ права собраній (отмѣненнаго даже въ той слабой формѣ, которую допускалъ февральскій манифестъ) и безъ гарантій личности, составляющихъ альфу и омегу всякой общественной дѣятельности, то еще къ болѣе грустнымъ мыслямъ „Положеніе о государственной думѣ" способно привести представителей другихъ народностей, не располагающихъ даже тѣми слабыми возможностями самопроявленія, которыми располагаетъ великорусское общество.

Я хочу показать это на примѣрѣ народности украинской—этой самой большой, послѣ великорусской, почти тридцатимилліонной народности Россіи. И въ ту минуту, когда я пишу эти строки, надъ нею тяготѣетъ всею тяжестью ужасное, невѣдомое цивилизованному и нецивилизованному міру запрещеніе украинскаго слова. Всѣ ходатайства о разрѣшеніи украинскихъ повременныхъ изданій отклоняются. Обсужденіе въ мѣстной прессѣ всего, что связано съ національнымъ украинскимъ вопросомъ, встрѣчается съ непреоборимыми цензурными затрудненіями. Изданія для народа по вопро-

---

Была набрана для „Сына Отечества", № 100 (августъ 1905), но въ печати не появилась.

самъ современной жизни на доступномъ ему украинскомъ языкѣ абсолютно не допускаются—они могутъ выходить и распространяться лишь какъ контрабанда. Собесѣдованія на украинскомъ языкѣ запрещены. Украинскія книги (говорю, конечно, о подцензурныхъ) не допускаются ни въ школу, ни въ общественныя читальни. Какое „постоянное и дѣятельное участіе" въ государственной жизни, къ которому призываетъ населеніе имперіи манифестъ отъ 6-го августа, возможно для украинскаго населенія въ такихъ условіяхъ?

Составители „Положенія", примѣнившіе отжившую систему классового представительства и еще болѣе испортившіе ее собственными изобрѣтеніями, фактически исключили огромную массу украинскаго населенія *вовсе* отъ участія въ представительствѣ. Какова, въ самомъ дѣлѣ, возможность представительства для народныхъ украинскихъ массъ въ правобережной Украинѣ, гдѣ крестьяне даютъ всего лишь около трети выборщиковъ, между тѣмъ какъ двѣ трети принадлежатъ землевладѣльческому классу и городскому населенію, среди котораго при нынѣшнихъ избирательныхъ порядкахъ украинскій элементъ осужденъ также на второстепенную роль въ сравненіи съ другими элементами. При отсутствіи гласности, свободы слова и личности и при принятыхъ положеніемъ формахъ избранія (трехстепенные выборы для крестьянъ!) развѣ остается коренному, преобладающему украинскому населенію этого края какая-либо возможность представительства?

Австрійская конституція, которую украинское населеніе Австріи имѣло возможность созерцать изъ рукъ польскихъ аграріевъ и бюрократовъ преимущественно съ оборотной стороны, вызвала среди этого населенія крылатый афоризмъ, который въ свободной передачѣ гласитъ: „не пропали мы отъ барщины, не пропадемъ и отъ конституціи" (перебули ми панщину, перебудемо і конституцію). Когда я вдумываюсь въ условія, которыя создаетъ для украинскаго населенія Россіи новый

законъ о представительствѣ, оно представляется чѣмъ-то вродѣ новаго барьера, который предлагается взять украинской народности, чтобы доказать еще разъ свою жизнеспособность. Я не сомнѣваюсь, что она преодолѣетъ, въ концѣ концовъ, и этотъ барьеръ, но когда же, наконецъ, окончится для этого многострадальнаго народа перiодъ искусственныхъ препятствiй и настанетъ время свободнаго развитiя?!.

Одинъ изъ представителей правящей бюрократiи недавно заявилъ, что въ переустройствѣ Россiи „созидательная дѣятельность закончена". А въ дѣйствительности эта созидательная дѣятельность еще и не началась.

Львовъ, 10 (23-го) августа 1906 г.

Невѣроятно.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ комитетъ министровъ, какъ читаемъ въ отношеніи министра народнаго просвѣщенія, приступивъ къ обсужденію способовъ исполненія указа 12-го декабря объ устраненіи изъ постановленій о печати излишнихъ стѣсненій, остановился на повелѣніяхъ 1876 и 1881 гг., коими запрещены печатаніе и изданіе на малороссійскомъ языкѣ всякаго рода сочиненій, за исключеніемъ историческихъ документовъ, словарей и произведеній изящной словесности. Мѣры эти, по мнѣнію комитета, имѣли въ виду воспрепятствовать „развитію украинофильскаго движенія, направленнаго къ литературному, а, можетъ быть, за симъ даже и политическому обособленію отъ остальной Россіи“. Комитетъ, однако, пришелъ къ убѣжденію, что это „украинофильское движеніе“, которымъ разные „истинно русскіе люди“ пугали правительственныя сферы въ продолженіе сорока лѣтъ [1]), „не представляетъ, повидимому сколько-нибудь серьезной опасности, между тѣмъ примѣненіе изъясненнаго запрета, значительно затрудняя распространіе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“.

Сынъ Отечества № 187 (18 сентября 1905 г.).

[1]) Считая съ перваго запрещенія украинскаго слова въ 1863. г.

Можно было надѣяться, что комитетъ, не видя никакой опасности отъ украинскаго слова, сознавая несомнѣнный вредъ его запрещенія, поспѣшитъ отмѣною стѣсненій. Но комитетъ не рѣшился положиться на свое мнѣніе и „въ видахъ вящшей осторожности, для большаго разъясненія практическаго значенія упомянутаго запрета и проистекающихъ изъ него неудобствъ", постановилъ предварительно собрать свѣдѣнія по этому вопросу.

Въ противность прежней практикѣ, комитетъ на этотъ разъ обратился за свѣдѣніями не къ спеціалистамъ въ родѣ Катковыхъ и Юзефовичей, иниціировавшихъ и вырабатывавшихъ запрещенія 1863—1881 гг., а къ учрежденіямъ, несравненно болѣе компетентнымъ—академіи наукъ, кіевскому и харьковскому университетамъ и кіевскому генералъ-губернатору. Всѣ эти учрежденія и лица дали отзывы, подтверждавшіе настоятельную необходимость отмѣны запрещеній 1876—1881 годовъ. Записки академіи наукъ и харьковскаго университета были напечатаны, и содержаніе ихъ извѣстно. Академія наукъ въ обширной запискѣ выяснила всю неосновательность ходячаго въ охранительныхъ кругахъ положенія, что такъ называемый „русскій литературный языкъ" есть языкъ общерусскій, дѣлающій излишнимъ употребленіе въ литературѣ языка украинскаго; она указала, что упомянутый языкъ есть языкъ великорусскій, а не общерусскій, литература, на немъ существующая, —литература великорусская, и ея существованіе не удовлетворяетъ потребности украинской народности въ литературѣ на своемъ родномъ языкѣ. Особое вниманіе обратила она въ своей запискѣ на выясненіе того факта, что существующія запрещенія искажаютъ нормальныя отношенія украинской народности къ литературѣ и языку (велико-) русскому, заставляя относиться къ нимъ недоброжелательно; что эти запрещенія привели къ тому, что центръ тяжести литературной и культурной дѣятельности украинской народности былъ

перенесенъ за границу въ Галицію, гдѣ это движеніе неизбѣжно должно было получить весьма рѣзкую окраску въ отношеніяхъ къ старому режиму Россіи... Харьковскій университетъ указавъ на несостоятельность и вредъ запрещеній украинскаго слова, выдвинулъ необходимость введенія украинскаго языка въ народной школѣ въ интересахъ успѣшнаго преподаванія и усвоенія преподаваемаго. Кіевскій университетъ въ своей запискѣ (неизданной) обстоятельно доказалъ несостоятельность запретительныхъ распоряженій 1863--1881 гг., а кіевскій генералъ-губернаторъ въ краткомъ отзывѣ высказался также въ смыслѣ необходимости отмѣны запрещеній украинскаго слова, на вредное дѣйствіе которыхъ указывалъ еще въ 1880-хъ годахъ его предшественникъ.

Въ апрѣлѣ всѣ эти представленія были уже въ распоряженіи комитета министровъ, и онъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, что его соображенія о несостоятельности и вредныхъ послѣдствіяхъ запрещеній украинскаго слова были вполнѣ основательны. Оставалось только отмѣнить эти исключительныя ограниченія, созданныя для украинскаго слова, и подвести послѣднее подъ общія постановленія о печати. Но тутъ начинается непонятная заминка. Проходитъ два мѣсяца, и только въ іюнѣ появляется лаконическое извѣстіе о томъ, что въ послѣднемъ своемъ засѣданіи передъ каникулами (31-го мая) комитетъ занимался обсужденіемъ вопроса объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова. Частнымъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что комитетъ нашелъ необходимою отмѣну стѣсненій, выраженныхъ въ указахъ 1876 и 1881 г. Прошло еще три томительныхъ мѣсяца, и украинское общество надѣялось, что съ окончаніемъ лѣтнихъ каникулъ появится, наконецъ, отмѣна этихъ ужасныхъ запрещеній, въ теченіе долгихъ сорока лѣтъ парализовавшихъ всѣ стремленія его къ подъему культурнаго и экономическаго положенія народныхъ массъ, отнимавшихъ у него самое дорогое достояніе—его языкъ, лишавшихъ

его возможности писать на языкѣ мысли и говорить, пользуясь своимъ собственнымъ словомъ... Вмѣсто того, на дняхъ распространилось извѣстіе, что майское постановленіе комитета не нашло осуществленія „по несвоевременности", и вопросъ объ устраненіи стѣсненій украинскаго слова отложенъ на неопредѣленное время... . . . .

Такой финалъ расходился бы настолько рѣзко съ требованіями и запросами времени, что мы никакъ не рѣшаемся вѣрить справедливости этого извѣстія. Принять его значило бы допустить, что правящая бюрократія послѣ всѣхъ уроковъ и испытаній послѣднихъ мѣсяцевъ, послѣ всѣхъ представленій, данныхъ запрошенными ею инстанціями относительно полной несостоятельности запрещеній украинскаго слова и настоятельности ихъ полной отмѣны; послѣ такихъ же разъясненій, многократно дѣлавшихся въ прессѣ, указывавшей на губительныя дѣйствія этихъ запрещеній на экономическую и культурную жизнь тридцатимиліоннаго украинскаго населенія Россіи; послѣ безчисленныхъ петицій, адресовъ, резолюцій, протестовъ, исходившихъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ украинскаго общества Россіи,—послѣ всего этого все-таки намѣревается и надѣется продолжать ту же систему запрещенія и подавленія всякихъ проявленій украинства, которая съ такою угрюмъ бурчеевскою непреклонностью проводилась ею въ продолженіе сорока лѣтъ. За это время эта система успѣла уже, цѣною полнаго разоренія украинской жизни, достигнуть результатовъ противоположныхъ. Такого вѣдь обостренія украинскаго національнаго движенія, сообщенія ему нынѣшней напряженности, расширенія и углубленія его программы, достигнутаго этимъ долговременнымъ приложеніемъ системы бичей и скорпіоновъ, передъ ея началомъ нельзя было себѣ и представить. Поэтому даже и послѣ всѣхъ блестящихъ доказательствъ непреклонности въ бѣдствіяхъ и вѣчно юнаго оптимизма, данныхъ представителями бюрократическихъ сферъ въ

послѣднее время, какъ-то трудно повѣрить этому извѣстію. Трудно подумать, чтобы эти сферы надѣялись еще то, что оказалось неосуществимымъ въ десятилѣтія полнаго подавленія общественной самодѣятельности, въ годы непоколебимой вѣры во всемогущество и безграничныя силы бюрократіи, — осуществить теперь, послѣ глубокаго переворота послѣдняго времени, всколыхнувшаго всѣ слои украинскаго общества, и осуществить при помощи все того лишь не мудраго „устава о неуклонномъ сѣченіи".

Въ февралѣ этого года лицо, стоявшее тогда во главѣ комитета министровъ, обнадежило депутацію украинской интеллигенціи, что не позже какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ стѣсненія съ украинскаго слова будутъ сняты. Съ тѣхъ поръ минуло не три, а шесть мѣсяцевъ, и теперь появляется какъ своего рода ballon d'essai извѣстіе о томъ, что вопросъ этотъ отлагается вовсе. Думаемъ, что лучше бы такія испытанія оставить и, хотя съ нѣкоторымъ уже опозданіемъ, сдержать данное обѣщаніе.

Позорной памяти...

Среди всеобщей чистки, затѣянной всероссійской бюрократіей наканунѣ прихода новаго хозяина—народнаго представительства, среди разныхъ отбросовъ бюрократическаго хозяйства очутился въ выгребной ямѣ и одинъ изъ самыхъ гнусныхъ по своему замыслу и страшныхъ по своимъ послѣдствіямъ актовъ гнета и самовластія, за который еще такъ недавно изъ всѣхъ силъ держался старый режимъ. Я говорю о позорномъ „закопѣ 1876 г.", воспрещавшемъ употребленіе украинскаго языка внѣ нѣкоторыхъ тѣсныхъ категорій, указанныхъ въ немъ, а въ фактическомъ своемъ примѣненіи уничтожавшемъ всякую возможность литературной и научной дѣятельности на этомъ языкѣ (воспрещались всякія произведенія ученыя, научно-популярныя, литература для народа и для дѣтей на украинскомъ языкѣ, всякія періодическія изданія, а въ единственно дозволенной области беллетристики—произведенія, откликавшіяся на вопросы общественные и національные, темы изъ жизни интеллигенціи, переводы съ чужихъ языковъ и т. п.). Еще осенью минувшаго года, послѣ того какъ на запросъ комитета министровъ выбранныя имъ самимъ учрежденія—академія наукъ, университеты кіевскій и харьковскій, кіевскій генералъ-губернаторъ—совершенно опредѣленно высказались за необходимость совершенной отмѣны ограниченій украинскаго печатнаго слова, какъ мѣръ только раздражаю-

---

„Украинскій Вѣстникъ", № 1 (21 мая 1906 г.).

щихъ населеніе и кладущихъ непреодолимыя препятствія просвѣщенію и вообще культурному развитію массъ,—правящія сферы не рѣшались отмѣнить этотъ эдиктъ. Хотя упомянутые запросы были результатомъ сомнѣній въ спасительныхъ дѣйствіяхъ его, возникшихъ въ средѣ членовъ самого комитета, хотя его позднѣйшій премьеръ очень опредѣленно обѣщалъ отмѣну этого закона еще весною прошлаго года,—въ правительственныхъ кругахъ не отважились поднять рукъ на этотъ шедевръ бюрократической инквизиціи. Не рѣшились разбить этого Молоха, которому въ продолженіе полныхъ тридцати лѣтъ приносились такія обильныя жертвы, упитывавшія его произведеніями мысли и слова, сокомъ мозга и нервовъ тридцатимилліоннаго украинскаго народа. Послѣ окончательнаго сужденія по этому вопросу комитета министровъ, признано отмѣну положенія 1876 г. „несвоевременною“ (сентябрь 1905 г.). Это казалось намъ невѣроятнымъ послѣ всего, что было высказано объ этомъ законѣ, не говоря о предшествующихъ годахъ,—хотя бы за девять мѣсяцевъ, прошедшихъ со времени, когда самъ комитетъ министровъ рѣшилъ подвергнуть провѣркѣ цѣлесообразность и возможность существованія этого закона. Но невѣроятное обыкновенно оказывается наиболѣе вѣроятнымъ въ этихъ сферахъ. Отцы отечества, рѣшившись удивлять міръ своею неустрашимостью въ бѣдствіяхъ, не могли разочароваться въ государственной мудрости устава о неуклонномъ сѣченіи и надѣялись на точномъ основаніи этого россійскаго кодекса въ концѣ концовъ привести украинскую народность въ небытіе, къ которому она была ими предназначена. Цивилизованный міръ незадолго передъ тѣмъ, въ анкетѣ, устроенной галицкими Украинцами, единодушно и сильно осудившій, въ лицѣ многихъ выдающихся своихъ представителей, законъ 1876 г. какъ варварскую и безсмысленную мѣру, имѣлъ убѣдиться, что украинскаго языка дѣйствительно „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, какъ выразился авторъ перваго эдикта противъ украинскаго языка, мин. Валуевъ (1863).

Но, увы, при спѣшномъ оставленіи такъ прочно и основательно укрѣпленныхъ позицій, совершенномъ обладателями россійскихъ бичей и скорпіоновъ передъ приходомъ арміи народныхъ представителей, много орудій и запасовъ бюрократическаго мракобѣсія пришлось оставить на этихъ позиціяхъ, и среди нихъ брошеннымъ оказался и этотъ такъ тщательно хранимый и оберегаемый палладій „единства русскаго народа“ „законъ 1876 г.“. Этотъ отвратительный вампиръ, пившій кровь благороднѣйшихъ представителей украинскаго народа, проводившій отъ колыбели до могилы цѣлое поколѣніе украинскаго общества, нашелъ свою кончину въ изданныхъ въ моментъ вступленія на позиціи народныхъ представителей „временныхъ правилахъ неповременной печати“. Отмѣняя старую предварительную цензуру и замѣняя ее новыми пріемами цензурнаго сыска, они молчаливо погребли вмѣстѣ съ нею всѣ исключительныя правила для произведеній на „иностранныхъ или инородческихъ языкахъ“, въ томъ числѣ и всѣ исключительныя условія для произведеній украинскаго слова, созданныя эдиктомъ 1876 г. Отступающая бюрократія молча выбросила въ яму одно изъ самыхъ грозныхъ созданій своей государственной мудрости, не имѣвъ духа даже громко заявить объ его отмѣнѣ.

Очевидно, его гнусность была слишкомъ ясна ей самой, чтобы говорить о немъ, и мы увѣрены, что изъ того грязнаго мѣста, гдѣ онъ очутился, его уже не попытаются извлечь даже нечистоплотныя руки бюрократическихъ спасителей отечества. Но намъ, столько терпѣвшимъ отъ этого сквернаго василиска и столько усилій вложившимъ въ борьбу съ нимъ, неумѣстнымъ казалось промолчать его кончину, не сказавъ нѣсколько словъ, посвященныхъ его позорной памяти.

Украинскій Пьемонтъ.

Происходящее на нашихъ глазахъ медленное раскрѣпощеніе украинскаго слова и созданіе условій правомѣрнаго гражданскаго существованія начинаетъ возстановлять тяготѣніе украинскихъ земель къ своимъ естественнымъ—географическимъ и исторически созданнымъ центрамъ, между тѣмъ какъ предшествующій полувѣковой періодъ ожесточенныхъ гоненій на всякое проявленіе украинской національной жизни и общественной самодѣятельности сосредоточилъ было ее на нѣсколько десятилѣтій внѣ сферы всероссійскаго сыска, въ сосѣдней украинской Галиціи. По мѣрѣ того какъ „въ интересахъ обезпеченія единства русскаго народа и государства", въ Россіи развивалась и доходила до своего недавняго совершенства система угрюмъ-бурчеевскихъ мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію и совершенному упраздненію „осужденной на небытіе" украинской народности,—энергія національнаго, культурнаго и политическаго украинскаго движенія уходила за границу, концентрируясь главнымъ образомъ въ сосѣднемъ центрѣ австрійской Украины—Львовѣ. Уже послѣ запрещенія украинской литературы въ Россіи въ 1863 г. многіе украинскіе писатели Россіи входятъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ представителями украинскаго возрожденія въ Галиціи, принимая участіе въ ихъ изданіяхъ и оказывая имъ моральную и матеріальную поддержки. Эти связи становятся еще болѣе живыми и

Украинскій Вѣстникъ № 2 (28 мая 1906).

значительными послѣ изданія указа 1876 г., надолго исключившаго всякую возможность литературной, научной, артистической дѣятельности на украинскомъ языкѣ въ Россіи. По мѣрѣ того какъ національное украинское движеніе въ Галиціи крѣпло и изъ стадій наивнаго романтизма переходило къ разрѣшенію задачъ культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія народа, литературная и общественная украинская работа, которая велась въ ней силами мѣстными и украинскими силами Россіи, пріобрѣтаетъ все большее значеніе для всѣхъ украинскихъ земель, Въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. Галиція, несмотря на собственныя весьма тяжелыя условія національнаго и экономическаго существованія, дѣлается центромъ украинскаго движенія, и по отношенію къ украинскимъ землямъ Россіи играетъ роль культурнаго арсенала, гдѣ создавались и совершенствовались средства національнаго культурнаго и политико-общественнаго возрожденія украинскаго народа.

Здѣсь, съ одной стороны общими усиліями писателей мѣстныхъ и заграничныхъ вырабатывается литературная украинская рѣчь, какъ органъ литературной и ученой дѣятельности, языкъ школы и публицистики, практической и политико-общественной жизни. Онъ проводится въ школу, начиная съ низшей до высшей—университетской. Онъ вводится въ дѣлопроизводство административныхъ и судебныхъ органовъ (органы эти въ своихъ сношеніяхъ со сторонами обязаны употреблять ихъ родной, въ данномъ случаѣ украинскій языкъ, вести судопроизводство на языкѣ обжалованнаго и т. д.). Дѣлается языкомъ частной и общественной жизни образованныхъ классовъ, отставшихъ отъ родного языка, когда ослабѣло его культурное значеніе, и снова вернувшихся къ нему, когда это культурное значеніе было имъ возстановлено. Тѣми же соединенными силами мѣстными и украинскими изъ Россіи создается довольно значительная беллетристическая литература, въ послѣдніе годы вытѣсняющая изъ обихода силою своего развитія беллетристику иноязычную (прежде, главнымъ

образомъ, польскую). Развивается періодическая пресса популярно-научная и публицистическая литература для народа, серіи учебниковъ для школъ высшихъ и низшихъ. Кладутся основанія литературы для самообразованія и наконецъ—литературы научной, сосредоточіемъ которой является ученое общество (Наукове товариство імени Шевченка), учрежденное въ 1870-хъ гг. (на средства, собранныя Украинцами изъ Россіи), но развившееся главнымъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе. Преобразованное по типу академіи наукъ, оно своею научною дѣятельностью пріобрѣтаетъ весьма солидную репутацію и сочувствіе въ ученыхъ кругахъ; но съ этою чисто академическою дѣятельностью оно соединяло и болѣе широкую, культурно-просвѣтительную, особенно въ 1890-хъ гг. Въ послѣдніе годы эта культурно-просвѣтительная дѣятельность отчасти перешла въ болѣе новую организацію—Украинскаго издательскаго общества („Украинсько-руська видавнича спілка") поставившую своею спеціальною задачею работу въ сферѣ литературы и самообразованія; къ ней перешелъ и литературный органъ Наук. товариства ім. Шевченка—„Літературно-науковий вістник", служившій въ послѣднее десятилѣтіе, до появленія украинской прессы въ Россіи, главнымъ всеукраинскимъ литературнымъ органомъ [1]).

Съ другой стороны, теоретически и практически ставились и разрабатывались вопросы объ организаціи народныхъ силъ, спеціально рабочихъ, земледѣльческихъ классовъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ украинское населеніе Австріи, для борьбы съ привилегированными и правящими классами. Вырабатывались пріемы и формы экономической и культурной самопомощи населенія (кассы, потребительскія общества, просвѣтительные и политическіе народные клубы въ видѣ т. н. сельскихъ читаленъ, „січей" и т. п.). Разрабатывалась методика гражданскаго воспи-

[1]) Съ 1907 онъ сталъ выходить въ Кіевѣ.

танія подавленныхъ вѣковымъ угнетеніемъ народныхъ массъ, пріемы политической агитаціи, техника парламентарной борьбы въ центральномъ парламентѣ и мѣстныхъ сеймахъ. Происходитъ провѣрка на конкретныхъ отношеніяхъ украинской жизни и приноровленіе къ нимъ соціальныхъ и политическихъ схемъ и программъ, выясняются національныя потребности и запросы украинскаго народа. Дифференцируется скàла партій отъ правыхъ, клерикально-правительственныхъ, до лѣвыхъ, съ рѣзкою окраскою соціальной и національной борьбы. Выдвигаются вопросы о необходимости національно-территоріальной автономіи съ точки зрѣнія интересовъ не только національныхъ, но и экономическихъ, о политической самостоятельности, какъ логическомъ постулатѣ національнаго развитія, и федеративномъ строѣ, какъ примиреніи этого постулата съ существованіемъ болѣе широкихъ политическихъ комплексовъ.

Дебаты по этимъ вопросамъ, конечно, ежеминутно выходили за границы чисто мѣстныхъ отношеній на болѣе широкую почву всеукраинской политики и соціальныхъ отношеній и вызывали чрезвычайный интересъ украинскаго общества въ Россіи, обреченнаго на полную политическую пассивность у себя дома и находившаго въ „абсолютно воспрещенныхъ къ обращенію въ Россіи“ галицкихъ изданіяхъ ту политическую и національную трибуну, которой оно было лишено у себя. Партійная полемика и борьба, развивающаяся въ Галиціи въ 1890-хъ гг. и чрезвычайно содѣйствовавшая выясненію ея политико-экономическаго, общественнаго и національнаго сознанія, велась съ горячимъ участіемъ украинской интеллигенціи Россіи и имѣла весьма важное вліяніе на направленія украинской общественной мысли въ Россіи. Это было горнило, чрезъ которое должны были пройти федералистическія идеи кирилло-меѳодіевцевъ 1840-хъ гг. и народническія теченія 1860-хъ, и изъ котораго вышли въ своей новѣйшей формѣ и программа національно-территоріальной автономіи Украины, какъ минимума, необходимаго для

обезпеченія ея свободнаго національнаго и общественнаго развитія, и постулаты полнаго и ничѣмъ нестѣсняемаго въ своей полнотѣ культурнаго развитія украинской народности, и нынѣшніе общественно-экономическіе запросы, хотя свою окончательную постановку получили они уже въ послѣднихъ стадіяхъ освободительнаго движенія Россіи.

Этому значенію, которое пріобрѣтало украинское движеніе Галиціи на почвѣ Россіи, правящая бюрократія старалась противоставить систему запрещеній, имѣвшихъ цѣлью разорвать связь между Галиціей и Украиной Россіи. Украинскія изданія Галиціи подвергались совершенному запрещенію въ Россіи—все, что носило украинскую обложку, вплоть до этнографическихъ и археографическихъ матеріаловъ, изданій для дѣтей и начальныхъ учебниковъ, а уличенныхъ въ держаніи такихъ опасныхъ произведеній подвергали всѣмъ видамъ административной и всякой иной опалы. Эти запрещенія существовали въ полной силѣ вплоть до недавнихъ временныхъ правилъ, въ значительной степени существуютъ и теперь, но они оказались безсильными парализировать вліяніе заграничнаго украинскаго движенія на украинское движеніе Россіи. Проникавшія даже въ небольшомъ количествѣ заграничныя періодическія, литературныя и научныя изданія достаточны были для того чтобы играть роль лѣсовъ, по которымъ шло все выше и выше въ своемъ общественномъ и національномъ сознаніи, въ разработкѣ своихъ запросовъ и программъ украинское общество Россіи. Теперь несомнѣнно близкое, полное уничтоженіе всякихъ ограниченій, цензурныхъ и таможенныхъ, для ввоза заграничныхъ произведеній печати, которое конечно будетъ достигнуто въ связи съ установленіемъ свободы печати въ Россіи [1]), дастъ возможность воспользоваться

---

[1]) Увы, взамѣнъ отмѣны, или по крайней мѣрѣ смягченія цензурныхъ запрещеній, съ весны 1906 г. созданъ новый барьеръ для заграничныхъ украинскихъ изданій: „раз-

и широкимъ кругамъ украинскаго населенія культурнымъ запасомъ, накопленнымъ въ заграничныхъ украинскихъ центрахъ соединеннымъ трудомъ Украины австрійской и россійской. Усиливъ собою тотъ небольшой запасъ, который цензурныя ограниченія позволили собрать въ самой Россіи, онъ создастъ то основаніе, на которомъ двинется въ новыхъ, нестѣсненныхъ условіяхъ культурная украинская жизнь свободными силами уже всего, свыше тридцатимилліоннаго украинскаго населенія, а не небольшого ея заграничнаго отрѣзка.

судку вопреки, наперекоръ стихіямъ" они подведены подъ категорію изданій на русскомъ языкѣ и обложены чрезвычайно высокою, запретительною пошлиною. Пока дѣло шло о цензурныхъ ограниченіяхъ, украинскія изданія тщательно отграничивались отъ русскихъ, да и теперь въ цензурной практикѣ подводится подъ категорію иноязычныхъ. Когда же оказалось возможнымъ подвести ихъ подъ запретительный тарифъ, подлежащія вѣдомства не находятъ возможности отдѣлить украинскія изданія отъ русскихъ, и эта незаконная пошлина, несмотря на всѣ жалобы и протесты, продолжаетъ взиматься и по сей день, весьма сильно затрудняя обращеніе въ Россіи заграничныхъ украинскихъ изданій.

На конституціонныя темы.

До сихъ поръ вниманіе прогрессивныхъ круговъ и прогрессивной прессы Россіи было обращено на два момента. Первый касался характера народнаго представительства и необходимости основать его на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи. Второй—компетенцій этого представительства, его полновластности. При этомъ рѣчь обыкновенно шла только о центральномъ всероссійскомъ парламентѣ, представляемомъ, по обычному европейскому образцу, въ видѣ двухъ палатъ—депутатовъ народа и представителей земствъ и городовъ. Вопросы мѣстной организаціи оставались въ сторонѣ, и въ принципѣ возможность областного самоуправленія допускалась главнымъ образомъ лишь для Польши,—не говоря о Финляндіи, какъ отдѣльномъ конституціонномъ организмѣ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о компетенціи парламента, по поводу его организаціи нужно замѣтить, что двухпалатный составъ не можетъ быть признанъ раціональнымъ. Такую организацію можно допускать самое большее какъ компромиссъ со стремленіями консервативныхъ партій, но не выдвигать его, какъ требованіе прогрессивное. Въ конституціонной жизни верхняя палата давно оказалась факторомъ отрицатель-

---

Отрывокъ изъ статьи: Конституційне питанніе українство в Россії (Літературно-науковий вістник, 1905, іюнь). Статья писалась въ разгаръ обсужденія различныхъ вопросовъ конституціоннаго строя.

нымъ, тормазомъ свободнаго народоправства, и потому нѣтъ никакихъ причинъ стремиться къ ея учрежденію. Если же этимъ путемъ желаютъ обезпечить вліяніе и голосъ въ парламентарной жизни элементамъ, которые при выборахъ всеобщихъ и равныхъ не могутъ имѣть обезпеченнаго представительства, то на то существуютъ иные способы, о которыхъ скажу ниже.

То же желаніе, очевидно, руководитъ выдѣленіемъ городовъ изъ избирательныхъ округовъ и установленіемъ для городскихъ избирательныхъ округовъ низшихъ нормъ численности населенія, чѣмъ для округовъ не-городскихъ. Но такое пониженіе нормъ численности для городовъ составляетъ уже нарушеніе принципа равенства избирательнаго права, и при томъ это нарушеніе мало раціонально, такъ какъ при этомъ никакихъ ощутительныхъ результатовъ не достигается, и оно не можетъ обезпечить спеціальнаго представительства тѣмъ группамъ населенія и общества, которымъ, можетъ быть, и желательно было бы обезпечить такое представительство.

Еще болѣе рѣзкое нарушеніе принциповъ всеобщности и равенства составляетъ исключеніе женщинъ изъ избирательнаго права.

До послѣдняго времени на этомъ пунктѣ замѣчались сильное колебаніе—должны ли женщины также имѣть активное и пассивное избирательное право (избирать и быть избранными). Теперь въ прогрессивныхъ кругахъ большинство высказывается за право женщинъ. Собственно, о немъ не должно бы быть никакого сомнѣнія. Провозглашая равное и всеобщее избирательное право, невозможно исключить изъ него женщинъ Если равное избирательное право дается неграмотному крестьянину и человѣку съ университетскимъ образованіемъ, то какъ можно не уравнять въ правѣ крестьянина съ крестьянкой, интеллигента съ его женою или отказать женщинѣ съ высшимъ образованіемъ въ томъ правѣ, какое имѣетъ неграмотный работникъ? Вѣдь есть мѣстности и условія, въ которыхъ именно женщины ведутъ хозяйство, несутъ заботы о налогахъ и

т. п., между тѣмъ какъ мужчины не живутъ на мѣстѣ, находясь въ службѣ или на заработкахъ, а отдѣльные случаи, гдѣ именно женщина представляетъ семью и содержитъ ее, представляются всегда и вездѣ.

Настаивая на единомъ всероссійскомъ парламентѣ, приходится, чтобы не расширять его состава до безконечности, создавать значительные избирательные округа и держаться исключительно представительства большинства. Всѣ проекты, чтобы не выйти за цифру шестисотъ депутатовъ парламента, должны были проектировать избирательные округа въ 200—300 тыс. населенія. При сильномъ возрастаніи населенія, какимъ отличается Россія, эта норма должна будетъ сильно возрости, но и округъ въ 250—300 тысячъ уже слишкомъ великъ и неудобенъ. Организуя представительство въ областныхъ сеймахъ, можно достичь значительнаго уменьшенія избирательныхъ округовъ, а самую систему представительства сдѣлать болѣе совершенною.

Это очень важно, а тѣмъ болѣе осуществимо и желательно, что единымъ представительнымъ органомъ всероссійскій парламентъ не останется все равно. Что нѣкоторыя территоріи получатъ свои областныя представительства, въ этомъ не сомнѣвается никто; слѣдовательно, вопросъ заключается только въ томъ, будутъ ли эти территоріи составлять исключенія или вся Россія будетъ организована на основахъ областного (національно-территоріальнаго) самоуправленія. По причинамъ, которыя я имѣлъ уже случай указать, необходимо стремиться къ тому, чтобы областное самоуправленіе не было привилегіею лишь нѣкоторыхъ національностей, но чтобы на принципѣ самоуправленія національныхъ территорій была организована вся Россія, ибо только децентрализація можетъ обезпечить успѣшное культурное и экономическое развитіе провинцій и только организація самоуправленія на основѣ національной, въ національныхъ территоріяхъ, можетъ устранить или свести до наименьшихъ размѣровъ національныя тренія, сдѣлавъ національность тѣмъ, чѣмъ

она должна быть,—основаніемъ, почвою для экономическаго, политическаго и культурнаго развитія, а не предметомъ борьбы.

Въ такомъ случаѣ непосредственное представительство населенія путемъ прямыхъ выборовъ можетъ быть перенесено въ областные (національные) сеймы, а центральный парламентъ могъ бы состоять изъ депутатовъ областныхъ сеймовъ. Однако, такая организація парламента можетъ быть допущена подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, отсутствіе котораго дѣлаетъ депутатскій составъ парламента (двухстепенное представительство) весьма опаснымъ и вреднымъ. Именно, представителей въ парламентъ должно избирать не большинство сейма, а отдѣльные члены его въ извѣстной пропорціи. Если, напримѣръ установлено, что на четырехъ членовъ сейма приходится одинъ депутатъ въ парламентъ, то предоставляется самимъ членамъ сейма, чтобы каждые четыре изъ нихъ по свободному соглашенію избрали одного депутата въ парламентъ. Въ такомъ случаѣ каждая, даже самая небольшая группа, каждый оттѣнокъ въ направленіяхъ каждаго сейма можетъ быть отраженъ въ составѣ парламента, и парламентъ будетъ представлять изъ себя не представителей большинства сеймовъ, а представительство всѣхъ избирателей государства, только въ уменьшенномъ масштабѣ. Въ такомъ случаѣ двухстепенность не вредитъ пластикѣ представительства, а между тѣмъ даетъ возможность достигнуть весьма важныхъ выгодъ: уменьшенія избирательныхъ округовъ и улучшенія формъ представительства. Если избирательный округъ для выбора въ парламентъ долженъ былъ бы заключать въ себѣ 250—300 тыс. населенія, то при выборахъ въ сеймъ избирательный округъ можетъ заключать до 100 тыс. населенія и ниже. Отъ этого выигрываетъ сознательность избирателей въ ихъ участіи въ выборахъ, большая заинтересованность ихъ; можетъ быть достигнута большая однородность въ составѣ округовъ и осуществлены тѣ болѣе совершенныя формы представительства, о которыхъ ниже.

Сеймовое представительство областей должно быть организовано, конечно, на основанiи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Эта четырехчленная формула, конечно, не идеальна, но будучи математически простою, она при извѣстныхъ недостаткахъ имѣетъ и свои положительныя стороны и несомнѣнно должна быть принята въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что болѣе идеальной и практически осуществимой пока и нельзя указать. Въ Галицiи намъ пришлось недавно разочароваться въ тайномъ голосованiи: его такъ долго домогались вмѣсто явнаго, а когда оно было введено при парламентскихъ выборахъ, оказалось, что при деморализацiи администрацiи, держащей организацiю выборовъ въ своихъ рукахъ, тайность голосованiя даетъ возможность еще худшихъ злоупотребленiй (кража записокъ изъ избирательныхъ урнъ) и приводитъ къ значительнымъ неудобствамъ, когда среди избирателей оказывается много неграмотныхъ. Злоупотребленiя, однако, можно предотвратить введенiемъ избирательныхъ присутствiй, составленныхъ изъ представителей партiй, принимающихъ участiе въ выборахъ, съ простымъ участiемъ представителя правительства. А для нуждъ неграмотныхъ могутъ быть учреждены бюро изъ выборныхъ присяжныхъ засѣдателей.

Перехожу теперь къ тѣмъ улучшенiямъ представительства или поправкамъ къ всеобщему и равному избирательному праву, которыя дѣлаются возможными при организацiи представительства въ меньшихъ областяхъ, а въ приложенiи къ единому всероссiйскому парламенту перспектива чрезвычайнаго увеличенiя числа депутатовъ дѣлаетъ ихъ немыслимыми или чрезвычайно трудно достижимыми.

Однимъ изъ недостатковъ представительства, опирающагося на всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ, является то, что при немъ могутъ оставаться въ незначительномъ меньшинствѣ различные элементы общества, взгляды и интересы которыхъ, съ точки зрѣнiя культурнаго и общественнаго развитiя края, должны были бы

имѣть свое выраженіе въ представительствѣ страны. Старыя конституціи давали слишкомъ большое преобладаніе въ представительствѣ извѣстнымъ привилегированнымъ кругамъ, и какъ оппозиція этой тенденціи, развилось усиленное требованіе всеобщаго и равнаго голосованія. Но не слѣдуетъ впадать въ противоположную крайность: извѣстные элементы, хотя отличные отъ тѣхъ, о которыхъ такъ заботятся старыя конституціи, не должны быть лишаемы голоса при всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ.

Говорю это прежде всего объ интеллигенціи, т. е. кругѣ людей съ высшимъ научнымъ или культурнымъ цензомъ, которые въ значительной мѣрѣ стоятъ внѣ чисто-классовыхъ и сословныхъ интересовъ. Такіе круги, не связанные чисто-классовыми интересами, въ Россіи, существуютъ безспорно и своимъ участіемъ въ парламентской жизни могутъ служить полезнымъ нейтральнымъ, объективнымъ элементомъ среди борьбы матеріальныхъ и классовыхъ интересовъ, которая сама по себѣ не можетъ гарантировать справедливаго и разумнаго разрѣшенія вопроса. Далѣе нельзя отказать извѣстнымъ профессіямъ въ правѣ имѣть свой голосъ въ парламентской жизни. Представители либеральныхъ профессій, какъ врачи, учителя, духовенство, и такія группы, какъ купцы, ремесленники, промышленники, землевладѣльцы, рабочіе разныхъ типовъ должны имѣть своихъ представителей, избранныхъ соотвѣтственными организаціями, обществами, палатами, независимо отъ того, что нѣкоторые члены этихъ группъ и профессій могутъ пройти (а могутъ и не пройти) въ качествѣ избранниковъ опредѣленныхъ территоріальныхъ округовъ; тѣмъ болѣе, что въ роли представителей округовъ они нравственно обязаны представлять общіе интересы, а не свои профессіональные. Но такое представительство интеллигенціи и профессій должно оставаться въ извѣстномъ меньшинствѣ по отношенію къ числу представителей, избираемыхъ всеобщимъ голосованіемъ (напримѣръ, не больше 25% общаго числа представи-

телей); ихъ пропорціональное отношеніе долженъ былъ бы установить общій законъ.

Если кому-либо покажется невозможнымъ провести въ дѣйствительности представительство интеллигенціи, то я долженъ сказать, что на практикѣ это совсѣмъ не такъ трудно. Въ значительной мѣрѣ этой роли соотвѣтствовали бы представители университетовъ и иныхъ высшихъ школъ, представители учащихъ въ среднихъ и низшихъ школахъ, врачей, адвокатовъ и т. п., а кромѣ того можно было бы дать право представительства научнымъ, просвѣтительнымъ и культурнымъ обществамъ. Во всякомъ случаѣ, подобная система является въ моихъ глазахъ болѣе практичной и раціональной по сравненію съ тѣми, какія практиковались до сихъ поръ — какъ система куріальныхъ выборовъ; система плюральнаго голосованія, причемъ людямъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, напр., могутъ предоставляться при выборахъ два голоса вмѣсто одного; какъ система т. н. вирильныхъ голосовъ по должности. Напр., въ австрійскихъ сеймахъ засѣдаютъ по должности своей епископы, ректоры университетовъ, академій; но вѣдь выбранные данными профессіями специальные делегаты гораздо лучше могутъ представлять интересы этихъ профессій, чѣмъ такія должностныя лица. Наконецъ, участіе представителей интеллигенціи и профессій въ общемъ сеймовомъ представительствѣ гораздо предпочтительнѣе созданія второй, конкурирующей палаты, въ составъ которой должны входить или назначаемые правительствомъ выдающіеся люди науки, искусства, промышленники, собственники и т. д., какъ это практикуется въ различныхъ европейскихъ странахъ, или делегаты земствъ и городовъ (иначе говоря—дворянъ и капиталистовъ, по теперешней организаціи земствъ и городовъ), какъ предполагаютъ русскіе проекты.

Другой желательной поправкой я считаю представительство меньшинства. Теперешняя система выборовъ предоставляетъ представительство только большинству. Меньшинства, даже очень значительныя, лишаются

представителя,—хотя бы имъ не достало одного только голоса. Изъ этого возникаютъ сплошь да рядомъ такія явленія что партія, въ дѣйствительности наиболѣе многочисленная, можетъ оказаться въ парламентѣ или въ сеймѣ въ незначительномъ меньшинствѣ. Это можетъ казаться невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе это вполнѣ возможно. Напримѣръ, въ извѣстной области фабричные рабочіе, съ соціально-демократическими убѣжденіями, раскиданы по разнымъ избирательнымъ округамъ и по общей суммѣ поданныхъ при выборахъ голосовъ въ цѣлой области занимаютъ первое мѣсто. Но въ каждомъ отдѣльномъ округѣ большинство получаютъ кандидаты соединенныхъ либеральныхъ или консервативныхъ группъ, а соціалъ-демократы не могутъ вовсе провести своихъ депутатовъ или попадаютъ въ него въ очень незначительномъ меньшинствѣ. Въ подобномъ положеніи были, напримѣръ, когда-то галицкіе украинскіе радикалы, которые собственными силами ни въ одномъ округѣ не могли получить большинства, хотя въ общей суммѣ имѣли очень солидное число голосовъ. Такой недостатокъ представительства большинства ощущается, и давно уже выставленъ дезидератъ представительства меньшинства, по которая кромѣ большинства право имѣть своего депутата предоставляется также партіи, хотя не обладающей большинствомъ, но получившей значительное число голосовъ при выборахъ. Хотя такой порядокъ до сихъ поръ и не осуществленъ на практикѣ, но проведеніе его не такъ трудно [1]). Напр., признается, что данный избирательный округъ посылаетъ двухъ депутатовъ, одного отъ большинства,

---

[1]) Теперь, съ концомъ 1906 г., онъ даже вводится въ Галиціи, хотя не изъ соображеній справедливости, а въ интересахъ привилегированнаго польскаго меньшинства. Во всякомъ случаѣ это дастъ возможность провѣрить на практикѣ систему представительства меньшинства, если выборы будутъ производиться настолько свободно и законно, что дадутъ возможность судить о самомъ принципѣ.

а другого отъ меньшинства. Кромѣ представителя партіи, имѣющей за собою большинство, считается избраннымъ также тотъ кандидатъ, который послѣ кандидата большинства получилъ наибольшее число голосовъ, но при этомъ не менѣе $^1/_4$ части всѣхъ голосовъ. Можно сдѣлать представительство еще болѣе пластичнымъ, давши выборному округу трехъ депутатовъ, то есть, кромѣ представителя большинства, еще представителей двухъ меньшинствъ, которыя собрали бы въ пользу своихъ кандидатовъ не менѣе $^1/_5$ части всѣхъ голосовъ каждое, и т. п. [1]). Очевидно, такое представительство далеко точнѣе отображало бы въ себѣ настроенія и теченія въ обществѣ, а кромѣ того ослабляло бы и напряженность избирательной борьбы, въ которой часто не брезгаютъ никакими средствами, чтобы привлечь на свою сторону большинство.

Такія поправки, однако, возможны лишь при организаціи представительства въ меньшихъ областяхъ, такъ какъ, благодаря имъ, слишкомъ увеличивается число представителей. Напримѣръ, для Украины, принимая населеніе на ея территоріи въ 30 милл., а избирательный округъ въ 150 тыс., мы получимъ при двухъ представителяхъ отъ каждаго округа (одинъ для большинства и одинъ для меньшинства) 400 депутатовъ; прибавивъ къ этому около ста представителей обществъ и профессій, будемъ имѣть всего около 500 человѣкъ,—число вполнѣ возможное. Между тѣмъ всероссійскій парламентъ, организованный по такому принципу, имѣлъ бы около 2.500 депутатовъ. Принимая же норму, согласно которой четыре депутата сейма посы-

[1]) Не вхожу въ детали этой системы, такъ какъ я не увѣренъ, чтобы такія поправки имѣли шансы быть осуществленными теперь, когда вообще выбираются простѣйшія формы представительства, лишь бы достигнуть конституціонныхъ формъ. Эти поправки могутъ показаться несвоевременными осложненіями для дѣла. Но не нужно забывать, что строить заново легче, чѣмъ перестраивать позже, а усложненія не такъ велики и легко могутъ быть разрѣшены.

лаютъ въ парламентъ одного представителя, получимъ для всероссійскаго парламента число депутатовъ около 600—какъ и проектировали русскіе планы конституціи.

Съ образованіемъ такихъ автономныхъ областей исчезаетъ всякое основаніе для существованія губерній, какъ административныхъ и самоуправляющихся единицъ. Вообще, современныя губерніи, являясь совершенно случайными бюрократическими комбинаціями, не соотвѣтствующими ни національнымъ, ни экономическимъ, ни даже историческимъ особенностямъ, не имѣютъ никакихъ причинъ быть сохраненными. На національномъ принципѣ, т. е. чрезъ соединеніе общинъ въ извѣстныя группы на основѣ національной принадлежности населенія, должны быть организованы мелкіе округа самоуправленія и администраціи (какъ мелкая земская единица или всесословная волость). По тому же принципу, эти мелкіе округа должны быть объединяемы въ округа избирательные, а послѣдніе, если они будутъ не велики, въ болѣе обширныя территоріи (въ родѣ современныхъ уѣздовъ или болѣе), которыя служили бы административными округами и въ своихъ органахъ самоуправленія объединяли самоуправленіе болѣе мелкихъ самоуправляющихся группъ. Самоуправленіе общинъ должно быть обезпечено общимъ закономъ, равно какъ и самоуправленіе болѣе мелкихъ округовъ. Гдѣ былъ бы центръ тяжести самоуправленія—въ болѣе ли мелкихъ округахъ (волости), или въ болѣе значительныхъ (уѣзды), это зависитъ отъ величины округовъ и ихъ отношеній между собою. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что ихъ можно бы поставить въ тѣсную взаимную связь, допустивъ, что выборныя управы округовъ (уѣздовъ) составляются изъ депутатовъ управъ волостныхъ, чтобы не увеличивать числа прямыхъ выборовъ. Такимъ образомъ, получилось бы три ступени самоуправленія и представительства. Во-первыхъ—самоуправленіе общинъ. Во-вторыхъ—выборныя управы мелкихъ округовъ (волостей) и составленныя изъ ихъ делегатовъ управленія болѣе обширныхъ округовъ

(уѣздовъ). Наконецъ, въ-третьихъ—областные сеймы и составляемый изъ ихъ депутатовъ (по указанной выше нормѣ) центральный парламентъ.

Такъ представляются мнѣ вопросы дня вообще, и специально въ отношенiи Украинцевъ въ Россiи. Эти замѣтки пусть послужатъ отвѣтомъ на обращенные ко мнѣ запросы и пожеланiя, чтобы я высказалъ свои мысли относительно современныхъ конституцiонныхъ постулятовъ въ Россiи, въ примѣненiи къ интересамъ украинскаго народа.

Вопросъ дня.

(Аграрныя перспективы.)

Послѣ легко и дружно проведенныхъ резолюцій съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ характеромъ оппозиціи старому режиму или отрицанія безправія и произвола, царившихъ подъ его сѣнью, нашъ молодой парламентъ принужденъ былъ спѣшно приступить къ разрѣшенію огромной важности вопроса вполнѣ позитивнаго характера—къ проекту аграрнаго закона. И нѣсколько дней дебатъ по этому вопросу вполнѣ опредѣленно показали всю затруднительность положенія нашего нынѣшняго представительства въ этомъ вопросѣ, всѣ трудности, связанныя съ его вполнѣ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—всю настоятельность правильнаго его разрѣшенія.

Это понятно. Въ вопросахъ, связанныхъ съ обезпеченіемъ основъ гражданской свободы и организаціею представительнаго правленія, Дума могла опираться на примѣрахъ и формахъ, выработанныхъ конституціонной жизью, безъ опасенія очутиться въ тупикѣ. Не то въ сферѣ аграрнаго законодательства. Здѣсь приходится приступать къ рѣшеніямъ, почти не имѣющимъ прецендентовъ въ жизни современной Европы, безъ возможности учесть сколько нибудь опредѣленно послѣдствія такого или другого рѣшенія вопроса. Съ другой стороны приходится итти въ значительной степени на ощупь относительно желаній и настроеній самого на-

---

Украинскій вѣстникъ № 2 (28 мая 1906).

селенія Россіи. Всѣ недочеты тѣхъ условій, въ какихъ создано было нынѣшнее представительство Россіи, полное отсутствіе избирательной агитаціи, митинговъ и програмныхъ дебатъ, которыя единственно могли выяснить эти настроенія въ виду стѣсненій, тяготѣвшихъ дотолѣ на свободномъ словѣ,—даютъ себя чувствовать теперь. Въ связи съ неудовлетворительнымъ состояніемъ изученія экономическаго быта, для котораго наша бюрократія не потрудилась сдѣлать ничего, поставивъ народныхъ представителей предъ совершенною tabula rasa, эти недочеты не могутъ не вносить извѣстную неувѣренность въ среду и Думы и общества относительно того, насколько то или другое рѣшеніе вопроса будетъ соотвѣтствовать желаніямъ населенія и его экономическимъ условіямъ, и можетъ ли дума нынѣшняго состава и происхожденія рѣшать столь важные вопросы за населеніе. И въ то же время не только настроеніе крестьянскихъ депутатовъ Думы, но и то, что мы слышимъ о настроеніи массъ населенія, и то, наконецъ, что мы вполнѣ положительно знаемъ объ экономическихъ условіяхъ ихъ существованія, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что Дума должна безотлагательно рѣшить—по крайней мѣрѣ то, что можетъ быть сейчасъ рѣшено въ этомъ вопросѣ.

Условія экономическаго быта крестьянства настолько тяжелы, что длить ихъ, при возможности начать дѣло улучшенія, само по себѣ было бы преступно, и это одно обязываетъ Думу превозмочь свои сомнѣнія и, не отступая предъ трудностью задачи, сдѣлать возможное для ея рѣшенія. Этого же требуютъ и условія скорѣе тактическаго свойства. Несомнѣнно, что если бы Дума, въ виду выдвигающихся трудностей, отложила вовсе рѣшеніе аграрнаго вопроса, это безвозвратно скомпрометировало бы ее въ глазахъ народа. Скомпрометировало бы вообще конституціонный строй и увеличило бы еще болѣе рознь и недовѣріе народа къ интеллигенціи, ко всему не крестьянскому („панамъ“), безъ различія его стремленій и направленій,—недовѣріе, обоз-

начавшееся такъ рѣзко уже при нынѣшнихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ напр. украинскихъ.

Выдѣляя изъ состава аграрнаго вопроса то, что можетъ быть рѣшено безотлагательно, нужно имѣть въ виду и сторону техническую, то есть возможность составить большинство въ нынѣшней Думѣ, которое могло бы отстоять данную постановку вопроса, и сторону теоретическую—сознаніе, что данное рѣшеніе будетъ соотвѣтствовать желаніямъ народа и не создастъ какихъ либо затрудненій въ дальнѣйшемъ движеніи къ окончательному разрѣшенію аграрнаго вопроса. Подъ обѣ категоріи возможности прежде всего подходитъ принципіальное рѣшеніе, постановленіемъ общеимперскаго закона, о принудительномъ отчужденіи въ интересахъ земледѣльческихъ классовъ всякаго рода земельныхъ излишковъ, выходящихъ за предѣлы нормы владѣнія вообще и той максимальной нормы, какая будетъ установлена для собственниковъ, ведущихъ на своей землѣ хозяйство собственнымъ трудомъ и средствами. Для принципіальнаго рѣшенія этого вопроса несомнѣнно найдется огромное большинство въ нынѣшней Думѣ, если онъ будетъ поставленъ именно принципіально, не предрѣшая впередъ будущаго землеустройства и не вдаваясь въ детали, которыя могутъ быть разработаны только по мѣрѣ движенія вопроса, и то не для всей Россіи, а по отдѣльнымъ областямъ въ связи съ мѣстными условіями. Нѣтъ сомнѣнія также, что это рѣшеніе вопроса является единственнымъ выходомъ въ представленіяхъ народа и служитъ такимъ дѣйствительно въ нынѣшнихъ условіяхъ.

Оставляю въ сторонѣ разглагольствованія о священномъ характерѣ собственности, такъ какъ они совершенно расходятся съ дѣйствительностью—съ ограниченіями, на каждомъ шагу создаваемыми для него условіями современной государственной и экономической жизни и причиняющими существенные изъяны „священной“ полнотѣ этого права. Если отчужденіе будетъ произведено въ формѣ выкупа (а въ виду при-

нятія такой постановки вопроса даже трудовою группою, въ нынѣшней Думѣ о безвозмездномъ отчужденіи едва ли можетъ быть серьезный разговоръ), то претензіи собственниковъ могутъ расчитывать на возможное въ данныхъ условіяхъ удовлетвореніе, и такая развязка нынѣшнихъ напряженныхъ отношеній къ народу въ глазахъ всѣхъ сознающихъ нынѣшнее положеніе дѣлъ собственниковъ должна съ лихвою окупить непріятности и потери, связанныя съ ликвидаціей крупнаго землевладѣнія. Болѣе серьезныя на первый взглядъ возраженія, что крестьянство страдаетъ еще болѣе, чѣмъ отъ малоземелья, отъ плохихъ качествъ своего хозяйства, и что безъ улучшенія, безъ интенсификаціи нельзя достигнуть подъема экономическаго положенія его, не измѣняютъ также ничего въ данномъ вопросѣ. Вѣдь очевидно, что увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія за счетъ всѣхъ прочихъ категорій является единственнымъ реальнымъ рессуромъ подъема крестьянскихъ экономическихъ силъ, а безъ такого, хотя бы временнаго подъема, для крестьянской массы нѣтъ возможности перейти къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства. Благотворныя же вліянія крупнаго землевладѣнія въ смыслѣ интенсификаціи народнаго хозяйства, усиленно подчеркиваемыя нынѣшними защитниками крупнаго землевладѣнія, отчасти вполнѣ призрачны, отчасти могутъ быть замѣнены, съ несравненно большимъ успѣхомъ, общественными агрономическими учрежденіями.

Итакъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ настоящее время безъ колебаній. Второе положеніе, которое имѣетъ всѣ шансы на проведеніе и должно быть проведено, заключается въ томъ, что отчуждаемыя земли образуютъ земельные фонды, изъ котораго землед̆ѣльцы получаютъ въ пользованіе участки въ извѣстной нормѣ. Судя по тому, что это положеніе является общимъ для цѣлаго ряда большихъ и меньшихъ группъ (различаясь только въ дальнѣйшихъ подробностяхъ), оно въ этой болѣе общей формулировкѣ имѣетъ всѣ шансы

быть принятымъ, по крайней мѣрѣ, какъ промежуточная, переходная, не предрѣшающая своего окончательнаго разрѣшенія форма. Въ дальнѣйшее теоретическое развитіе этого положенія нѣтъ надобности пускаться, такъ какъ здѣсь неизбѣжно возникло бы разногласіе по цѣлому ряду вопросовъ, и по многимъ изъ нихъ необходимо выяснить точку зрѣнія самого народа въ различныхъ областяхъ и условіяхъ экономическаго быта. Вмѣсто того, удовлетворяя общему желанію, необходимо перейти отъ теоретическаго обсужденія къ практическому осуществленію этого вопроса въ тѣхъ границахъ, какія дастъ принятіе намѣченныхъ положеній. Въ этомъ смыслѣ третьимъ моментомъ въ осуществленіи реформы было бы учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ въ небольшихъ районахъ (уѣздныхъ или изъ нѣсколькихъ уѣздовъ или частей ихъ), опредѣленныхъ единствомъ условій экономическихъ, колонизаціонныхъ, этнографическихъ и т. п., причемъ эти комитеты затѣмъ были бы объединены въ болѣе значительныя областныя группы, опредѣляемыя совокупностью тѣхъ же экономическихъ, этнографическихъ и др. условій. Такіе комитеты, учрежденные общеимперскимъ закономъ и избранные всеобщимъ голосованіемъ, могли бы немедля приступить къ предварительнымъ работамъ, необходимымъ для проведенія реформы (измѣреніе земель, опредѣленіе земельныхъ нормъ и излишковъ). Попутно они разрабатывали бы частности земельной реформы примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и своею дѣятельностью приготовляли необходимый матеріалъ для рѣшенія болѣе общихъ вопросовъ, которые, особенно въ подробностяхъ, никакъ не могли бы быть рѣшены окончательно въ данный поментъ. Судя по обозначившимся точкамъ зрѣній различныхъ группъ, этотъ третій моментъ является также вполнѣ пріемлемымъ и осуществимымъ.

Если бы Дума захотѣла итти въ настоящее время дальше въ теоретической постановкѣ вопроса, онъ неизбѣжно усложнился бы разногласіями и затормозился бы

ими. Мы видимъ, что уже теперь противники реформы стараются запутать ее и запугать общество разными усложненіями, вытекающими изъ развитія той или другой окончательной формы, въ какой предполагаютъ отлить реформу отдѣльные проекты. И если бы въ Думѣ даже оказалось большинство, которое могло бы отстоять свою точку зрѣнія, едва ли было бы желательно проведеніе какой либо окончательной формулы реформы, въ виду тѣхъ сомнѣній и неясностей, съ которыми мы встрѣчаемся здѣсь на каждомъ шагу. Укажу, для примѣра, нѣкоторыя такія стороны въ данномъ вопросѣ.

Такъ, образованіе общегосударственнаго земельнаго фонда изъ отчуждаемыхъ земель, если бы и могло быть проведено, едва ли должно быть проводимо, въ виду тѣхъ опасностей, которое оно могло бы повлечь за собою. Какъ было неоднократно указываемо, передача въ ближайшемъ будущемъ въ руки правительства, такъ мало еще культурнаго, такъ мало демократизированнаго, огромнаго земельнаго фонда не можетъ не внушать серьезныя опасенія всѣмъ сторонникамъ свободы и народовластія. Оно грозитъ возможностью новой, еще небывалой бюрократической власти и совершенно безконтрольной для народныхъ представителей финансовой силы. Далѣе, осуществленіе этого проекта неизбѣжно создало бы новую прочную опору централистическому строю, что для всѣхъ сторонниковъ федеративнаго или автономнаго устройства является чрезвычайно опаснымъ препятствіемъ къ его осуществленію. Поэтому всѣ сторонники ближайшаго переустройства государства на началахъ національно-территоріальной и областной автономіи не могутъ допустить образованія общеимперскаго земельнаго фонда безъ такихъ оговорокъ, которыя бы обратили его въ пустой звукъ. Но не только они—и всѣ защитники федерализма въ будущемъ обнаружили бы непослѣдовательность или неискренность въ отношеніи къ этой идеѣ, если бы

захотѣли содѣйствовать созданію такого серьезнаго препятствія къ ея существленію.

Далѣе, мы замѣчаемъ значительное колебаніе относительно того, должна ли отчуждаемая земля отдаваться въ пользованіе или въ собственность земледѣльцевъ. Оно замѣтно среди теоретиковъ вопроса и среди самихъ крестьянъ. Въ частности это нужно сказать относительно представителей украинскаго крестьянства. Конечно, ссылки на привычки населенія къ владѣнію на правахъ собственности, дѣлаемыя какъ относительно Украины, такъ и другихъ областей, требуютъ еще болѣе широкой провѣрки, и эту задачу, могли бы лучше всего осуществить тѣ же мѣстные комитеты, о которыхъ сказано было выше. Все это заставляетъ быть очень сдержаннымъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса.

Рѣшеніе его въ смыслѣ раздачи въ собственность въ настоящее время недопустимо во всякомъ случаѣ, такъ какъ разъ навсегда закрѣпляло бы вопросъ и для послѣдующихъ коррективовъ создавало бы почти непреодолимыя затрудненія. Сами защитники раздачи въ собственность не будутъ отрицать, что она возможна была бы лишь при наличности цѣлаго ряда весьма существенныхъ ограниченій, которыя бы предотвратили повтореніе нынѣшняго положенія дѣлъ и которыхъ нѣтъ возможности предвидѣть напередъ. Вѣроятно, и они не будутъ оспаривать, что закрѣпленіе въ собственность надѣловъ могло бы произойти только послѣ провѣрки на практикѣ долговременнаго пользованія и осуществленія очень многихъ проблемъ. А пока взгляды по этому вопросу двоятся среди самихъ сторонниковъ централизаціи, трудно надѣяться на проведеніе закона объ образованіи автономныхъ земельныхъ фондовъ, защищаемаго многими представителями автономныхъ группъ. Поэтому было бы лучше ограничиться пока болѣе общею формулировкою въ указанномъ выше духѣ, не предрѣшая окончательнаго разрѣшенія вопроса, которое должно быть приготовлено съ одной

стороны, дѣятельностью упомянутыхъ мѣстныхъ и областныхъ комитетовъ, съ другой стороны—разработкою и уясненіемъ принциповъ мѣстнаго самоуправленія и автономіи областной и національно-территоріальной. Тотъ фактъ, что вопросы эти не получили еще надлежащей разработки, уже теперь даетъ себя очень непріятно чувствовать на каждомъ шагу въ обсужденіи аграрной реформы.

Работа мѣстныхъ комитетовъ введетъ насъ и въ кругъ вопросовъ народнаго хозяйства, для которыхъ расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія является только исходнымъ пунктомъ, а не развязкою. Обращеніе въ крестьянское пользованіе всѣхъ земельныхъ излишковъ едва способно удовлетворить земельный голодъ въ настоящемъ, и непосредственный подъемъ крестьянскаго благосостоянія долженъ лишь облегчить переходъ къ болѣе раціональнымъ и интенсивнымъ формамъ земледѣлія. Использовать этотъ моментъ съ этою цѣлью является задачей экономической политики ближайшаго времени. Съ другой стороны, надѣленіе крестьянъ новою землею должно быть использовано для проведенія цѣлаго ряда мѣръ по землеустройству, какъ, напр., уничтоженіе раздробленія и чрезполосицы крестьянскихъ участковъ, въ нѣкоторыхъ украинскихъ областяхъ парализующихъ всякіе успѣхи крестьянскаго хозяйства, какъ разселеніе крестьянъ по хуторамъ для сбереженія трудовой энергіи, и т. д.

Затѣмъ разработка принциповъ національно-территоріальной автономіи, которая должна выступить на ближайшую очередь вслѣдъ за обсужденіемъ аграрнаго вопроса, должна ввести насъ въ вопросы о сочетаніи аграрной реформы съ децентрализаціею государственнаго устройства на принципахъ областной и національно-территоріальной автономіи, объ организаціи уравнительнаго междуобластного землепользованія, объ участіи государства въ земельной рентѣ областей въ связи съ бюджетными условіями ихъ и отношеніями къ бюджету общегосударственному. Все

это вопросы, которые должны быть не только намѣчены, но и выяснены, въ интересахъ успѣшнаго рѣшенія аграрной проблемы, въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Національные моменты въ аграрномъ вопросѣ.

Совершающаяся теперь глухая и упорная борьба старой и новой Россіи на почвѣ аграрной реформы справедливо приковываетъ къ себѣ вниманіе Европы. Все очевиднѣе аграрный вопросъ становится той осью, около которой начинаетъ обращаться политическая эволюція Россіи, но этимъ не исчерпывается его значеніе. Можетъ звучать парадоксальнымъ, если я назову аграрный вопросъ въ его нынѣшней постановкѣ самымъ важнымъ изъ всего, что принесли съ собою нынѣшній кризисъ Россіи, все освободительное движеніе, борьба со старымъ режимомъ и революціонная буря послѣдняго года, — но мое глубокое убѣжденіе, что въ такой высокой оцѣнкѣ не будетъ преувеличенія. Отнынѣ вопросъ можетъ быть только относительно темпа осуществленія реформы, условій и подробностей экспропріаціи, способовъ и нормъ землепользованія. Устранить же вовсе этотъ вопросъ едва ли возможно будетъ для какихъ бы то ни было человѣческихъ силъ.

Но, оцѣнивая значеніе реформы, ограничиваются обыкновенно только экономическими соображеніями, между тѣмъ какъ она весьма сильно затрагиваетъ также и другія стороны общественныхъ, національныхъ и политическихъ отношеній. Такъ, среди народовъ, входящихъ въ составъ россійской имперіи, наряду съ народностями, болѣе или менѣе равномѣрно представлен-

---

Страна, 1906, № 154.

ными въ экономически-классовомъ отношеніи, есть, такъ сказать, народности аристократы и народности демократы. Демократизація земли, переходъ ея въ руки трудящихся, уничтоженіе крупнаго землевладѣнія весьма неодинаково, почему и отражается на національномъ балансѣ отдѣльныхъ народностей, и представляется съ національной точки зрѣнія весьма различно. Я позволю себѣ освѣтить это положеніе съ точки зрѣнія двухъ самыхъ большихъ изъ негосударственныхъ народностей Россіи.

Украинская народность принадлежитъ къ категоріи народностей демократическихъ par excellence. Историческія условія свели ея національный составъ почти исключительно до демоса, притомъ главнымъ образомъ демоса крестьянскаго, земледѣльческаго. Раннее прекращеніе государственной жизни (въ XIV вѣкѣ), возобновленной только отчасти и на короткое время (во второй половинѣ XVII вѣка), состояніе подъ властью и управленіемъ чужихъ инородныхъ правительствъ имѣли здѣсь своимъ послѣдствіемъ потерю высшихъ, имущественно сильнѣйшихъ классовъ. Отчасти они примкнули къ чужой привилегированной государственной народности, разорвавъ связь со своею народною стихіей, отчасти были оттѣснены и затерты представителями государственной народности. Старшіе кадры высшихъ украинскихъ классовъ ушли и устроились въ „станѣ торжествующихъ“ народности польской, младшіе—среди аристократіи великорусской. Въ результатѣ крупное землевладѣніе на украинской территоріи сдѣлалось достояніемъ народностей чужихъ. Представители его по происхожденію или по принятой ими культурѣ и національному сознанію стали элементомъ чуждымъ народу въ культурномъ и національномъ, а не только экономическомъ отношеніяхъ. Они являются здѣсь элементомъ ненаціональнымъ и даже антинаціональнымъ.

Въ виду этого, ликвидація крупнаго землевладѣнія и передача этихъ земель въ руки мѣстныхъ трудящихся

массъ (почти исключительно украинскихъ по составу) для каждаго сознательнаго Украинца является актомъ въ высокой степени желательнымъ не только съ точки зрѣнія экономической и соціальной, но и съ точки зрѣнія національной. Онъ заключаетъ въ себѣ не только гарантію экономическаго и культурнаго подъема народныхъ массъ и не только съ этой точки зрѣнія долженъ быть горячо привѣтствуемъ всѣмъ украинскимъ народомъ,—такъ какъ широкія демократическія стремленія составляли всегда основу украинскаго національнаго движенія, не отдѣлявшаго интересовъ національныхъ отъ интересовъ украинскаго демоса, представляющаго національную массу. Онъ — этотъ актъ, возвращаетъ въ національное достояніе земельный капиталъ, изъятый изъ него дезертирствомъ высшихъ классовъ, правительственными секвестрами, „легальными" и нелегальными, насильственными отчужденіями земель изъ рукъ трудящихся украинскихъ массъ, и освобождаетъ эти послѣднія отъ вліянія и власти чуженародныхъ владѣльческихъ элементовъ.

Онъ, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени изглаживаетъ неблагопріятныя послѣдствія, „историческую кривду", причиненную украинской народности, и все, что есть сознательнаго въ украинскомъ обществѣ, стоитъ на сторонѣ этого великаго акта—должно стоять и будетъ стоять! Къ мотивамъ демократическаго или соціалистическаго характера тутъ могущественно присоединяются мотивы національные.

Подобное же сочетаніе мотивовъ, насколько я знаю мѣстныя отношенія, должно имѣть мѣсто у Бѣлоруссовъ и Литовцевъ, у Эстовъ и Латышей. Въ обратномъ отношеніи комбинируются они у другихъ народностей, какъ остзейскіе Нѣмцы и еще болѣе Поляки. Ликвидація крупнаго землевладѣнія затрагиваетъ у нихъ интересы не только владѣльческаго класса, но и интересы національные. Въ предѣлахъ этнографической Польши это вопросъ, главнымъ образомъ, классовой, за ея предѣлами— вопросъ общенаціональный. На крупномъ землевладѣніи

зиждется наслѣдіе исторической Польши, вполнѣ реальное, далеко не пережитое. Только разрушеніе этого земельнаго фундамента можетъ нанести ему рѣшительный ударъ. Крупное землевладѣніе, сосредоточенное, главнымъ образомъ, а мѣстами—почти исключительно, въ рукахъ польскихъ лэндлордовъ и крупныхъ арендаторовъ въ Юго-западномъ краѣ, точно также въ губерніяхъ бѣлорусско-литовскихъ, служило до сихъ поръ тою незыблемою скалою, на которую опирались вліяніе, сила, значеніе польскаго элемента. Благодаря ему, этотъ польскій элементъ, несмотря на разныя правительственныя ограниченія, являлся въ этихъ краяхъ элементомъ привилегированнымъ, по сравненію съ мѣстною трудящейся массою. Это было меньшинство, но меньшинство, являвшееся господиномъ положенія, а въ будущемъ, благодаря той исключительной силѣ, какую даетъ прочное обладаніе землею, несомнѣнно имѣвшее быть меньшинствомъ правящимъ, если бы аграрная реформа не присоединилась къ политическому и общественному раскрѣпощенію.

Несомнѣнно, сохраненіе этихъ польскихъ позицій внѣ этнографической Польши въ глазахъ польскаго общества являлось и является, такъ сказать, національнымъ долгомъ. Въ противодѣйствіе грубымъ и неумѣлымъ правительственнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ ослабленію польскаго крупнаго землевладѣнія въ Юго-западномъ и Сѣверо-западномъ краяхъ, сохраненіе земли въ польскихъ рукахъ въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій пропагандировалось въ польской литературѣ и прессѣ, какъ высочайшій національный и гражданскій догматъ, какъ верхъ обязанности Поляка и гражданина. Нужно было бы чрезвычайное развитіе идей національной справедливости или слишкомъ большое напряженіе демократизма, чтобы отрѣшиться отъ всего этого. Тѣмъ болѣе, что представителями и носителями польской національности всегда считались высшія сословія, главнымъ образомъ тотъ же землевладѣльческій классъ, а интересы собственно демоса

въ сферѣ національныхъ запросовъ стояли на второмъ планѣ. Все это и здѣсь сложилось исторически, и трудно разсчитывать на отреченіе отъ всего этого со стороны польскаго общества, даже въ годину нынѣшняго общественнаго подъема.

Эти два примѣра, надѣюсь, достаточно освѣщаютъ значеніе національныхъ моментовъ въ аграрномъ вопросѣ. Неизбѣжность совершенно различнаго отношенія къ нему со стороны народностей, лишенныхъ собственнаго крупнаго землевладѣнія, и народностей, обладающихъ крупнымъ землевладѣніемъ на чужихъ національныхъ территоріяхъ, представляется совершенно ясно. Не только экономическія, но и національныя соображенія кардинальнымъ образомъ раздѣляютъ на аграрномъ вопросѣ представителей негосударственныхъ народностей Россіи, и весьма возможно, что мы даже скоро сдѣлаемся свидѣтелями раздѣленія представителей этихъ народностей на двѣ группы — народностей „владѣющихъ“ и „невладѣющихъ“.

Конецъ гетто!

Внесенный въ Думу законопроектъ о гражданскомъ равноправіи долженъ снять съ украинскихъ земель Россіи одинъ изъ позорнѣйшихъ пережитковъ средневѣковья, тяготѣющій на нихъ, безъ ихъ вины и воли— т. н. черту еврейской осѣдлости.

Когда путешественники съ венеціанскаго Большого канала разсматриваютъ съ острымъ любопытствомъ и отвращеніемъ неуклюжія громады „Стараго и новаго гетто“,—эти печальные памятники средневѣковаго варварства напоминаютъ, должны напомнить Украинцу, Бѣлоруссу, Поляку, всякому гражданину Россіи, что у нихъ тоже такими гетто все еще покрыта вся западная часть Россіи. Они должны знать, что сама она—эта пресловутая черта осѣдлости—представляетъ изъ себя одно болѣе обширное, но столь же печальное и позорное гетто, гдѣ скопленное въ городахъ и мѣстечкахъ и лишенное права свободнаго передвиженія и всякой возможности улучшить свое экономическое и культурное положеніе несчастное еврейство „объѣдаетъ себѣ хвосты“, какъ характерно выразился, помню, ведшій со мною объ этомъ разговоръ украинскій крестьянинъ, въ одну изъ давнихъ моихъ поѣздокъ по Украинѣ.

Рядъ беллетристическихъ произведеній послѣднихъ годовъ, посвященный жизни этихъ современныхъ гетто, далъ такую широкую скалу впечатлѣній ужаса и негодованія, оживающихъ при одномъ упоминаніи о чертѣ

„Украинскій Вѣстникъ“ № 7 (2 іюля 1906).

осѣдлости, что мнѣ нѣтъ надобности прибавлять подробностей къ этой страшной картинѣ поруганія человѣка и поруганія края, осужденнаго на это позорное заключеніе. Я хочу только напомнить, что къ чувствамъ негодованія, вызываемымъ этой картиной, и къ чувствамъ своего безсилія что-либо сдѣлать для уничтоженія этихъ позорныхъ порядковъ, которое долженъ былъ чувствовать всякій „полноправный обыватель“ Россіи,—у Украинца должны присоединяться горькія чувства обиды при воспоминаніи, что эти позорныя искаженія человѣческихъ отношеній своимъ существованіемъ были обязаны исключительно „попеченіямъ“ чужихъ правительствъ, сдѣлавшихъ предметомъ своего государственнаго домостроительства украинскую землю и украинскій народъ.

Старая, жившая самостоятельною политическою жизнью Украина X—XIV вѣковъ не знала „еврейскаго вопроса“. Его создалъ здѣсь позднѣйшій польскій режимъ, исказившій старый общественный строй системою сословныхъ и національныхъ привиллегій и разрушившій мѣстную экономическую жизнь политикою подавленія туземной украинской стихіи пришлыми польско-католическими элементами. Онъ-то на почвѣ полнаго экономическаго и культурнаго захуданія насадилъ здѣсь еврейство и сдѣлалъ его предметомъ спеціальнаго покровительства, какъ доходный источникъ казны,—всяческой эксплоатаціи съ этой точки зрѣнія и всякихъ ограниченій въ духѣ средневѣковой исключительности и изувѣрства. Земли Польскаго государства, въ томъ числѣ и его украинскія провинціи, благодаря этой политикѣ покровительства, сдѣлались резервуаромъ, куда стекалось еврейство изъ всей Европы, начиная съ XVI вѣка, и сплачивалось въ темную, тѣсно сбитую массу системою исключительныхъ мѣръ. Русское правительство, „возсоединивъ“ украинскія и бѣлорусскія земли Польши, созданіемъ правилъ объ еврейской осѣдлости превратило ихъ въ одинъ обширный еврейскій кварталъ, въ которомъ города и мѣстечки являлись ка-

кими-то исправительными домами, гдѣ былъ запертъ обреченный на безпросвѣтное прозябаніе еврейскій пролетаріатъ. Централистическая общественно-экономическая и національная политика, осудившая туземныя, украинскія массы населенія на безысходную темноту, на культурное и экономическое захуданіе и лишившая ихъ всякой возможности самоопредѣленія и развитія, создала другой полюсъ этого страшнаго вопроса, не перестающаго поражать насъ самыми ужасными конфликтами, передъ которыми не разъ въ отчаяніи останавливалась общественная мысль.

Мы далеки отъ иллюзій, что этотъ страшный еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ однимъ закономъ о гражданскомъ полноправіи. Послѣдствія дѣйствовавшаго въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій фискализма, системы національной и религіозной исключительности, не могутъ быть исправлены однимъ почеркомъ пера. Само уже чрезвычайное, болѣе нигдѣ не имѣющее мѣста скопленіе еврейскаго пролетаріата на территоріи исторической Польши создаетъ несомнѣнныя затрудненія. Но тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что первымъ шагомъ къ выходу изъ нынѣшняго положенія является полное устраненіе тяготѣющихъ теперь на еврейскомъ населеніи гражданскихъ ограниченій, уничтоженіе черты осѣдлости, допущеніе ихъ къ свободному выбору профессій, къ общему и спеціальному образованію. Все это неизбѣжно необходимо для устраненія нынѣшняго положенія дѣлъ, столь же пагубнаго для еврейства, какъ и для земель, населяемыхъ Евреями, и требующаго немедленной реформы въ интересѣ первыхъ такъ же, какъ и послѣднихъ. И всѣ сознательные элементы украинскаго общества несомнѣнно будутъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать закона, который откроетъ двери превращенію искусственно разъединенныхъ группъ населенія одной территоріи въ сограждань и сотрудниковъ въ дѣлѣ устроенія и преуспѣянія ихъ общей родины.

Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и нужды украинской науки.

Интересно и полно глубокаго значенія это явленіе—требованіе украинскихъ каѳедръ, университетскаго преподаванія на украинскомъ языкѣ, съ такой силой проявившееся въ послѣднее время на Украинѣ. Поднятое въ непосредственно заинтересованныхъ кругахъ студентами высшихъ учебныхъ заведеній, находящихся на территоріи Украины, требованіе это встрѣтило горячее сочувствіе въ кругу интеллигенціи, среди молодежи среднихъ учебныхъ заведеній, а теперь начинаетъ распространяться и вызывать живой интересъ также въ рабочихъ народныхъ массахъ, въ болѣе сознательныхъ слояхъ украинскаго мѣщанства и крестьянства. Такое же точно явленіе наблюдалось въ свое время и въ Галиціи, когда на событія въ львовскомъ университетѣ, имѣвшія мѣсто въ 1901 году—конфликтъ студентовъ-Украинцевъ съ университетскими властями по вопросу о правахъ украинскаго языка и затѣмъ коллективный выходъ украинскаго студенчества (сецессія) изъ львовскаго университета,—откликнулись необычайно горячо и сильно широкіе круги украинскаго общества и народныя массы Галичины. Требованіе украинскаго университета, какъ всенародный, непосредственно близкій всему украинскому населенію вопросъ, обсуждалось на крестьянскихъ со-

---

Літературно-науковий вістник 1907, I—III.

браніяхъ (вічах) ораторами изъ народа; деньги для помощи украинскимъ студентамъ, на университетскія цѣли собирались не только между интеллигенціей, но и среди крестьянъ, даже среди самыхъ бѣдныхъ элементовъ въ селѣ, буквально отказывавшихъ себѣ въ кускѣ хлѣба, чтобы дать „крайцар“ на университетскій фондъ. Такія явленія—это симптомы органичности, стихійной силы и значенія украинскихъ національныхъ запросовъ, это громкое свидѣтельство и указаніе на то, что украинскій вопросъ не исчерпывается ни требованіемъ политическихъ свободъ, ни экономическимъ поднятіемъ народныхъ массъ, но обнимаетъ всю сумму нуждъ и требованій, съ какими связана полнота національной жизни и развитія.

Въ Россіи не было общества, не было народа, который ближе принималъ бы къ сердцу, горячѣе сочувствовалъ, полнѣе отзывался бы всѣми фибрами души на дѣло раскрѣпощенія государственнаго и общественнаго строя, установленія основъ свободнаго гражданскаго и политическаго развитія и жизни, какъ общество украинское, отъ новыхъ формъ строя ожидавшее не только политической свободы, но и своего національнаго раскрѣпощенія. Не было народности, ближе заинтересованной въ великихъ соціальныхъ реформахъ, направленныхъ къ экономическому раскрѣпощенію рабочихъ массъ, созданію для нихъ условій человѣческаго существованія, просвѣтительнаго и экономическаго прогресса, общественно-политическаго самоопредѣленія. Послѣ того, какъ высшія сословія отреклись отъ своей народности, крестьянство стало основой въ понятіи украинской національности; нужды и задачи украинскаго крестьянства—это въ настоящее время нужды и задачи украинства Демократическія идеи, въ продолженіе вѣковъ служившія основнымъ мотивомъ въ развитіи украинства, подсказывали украинскому обществу особенное вниманіе ко всему тому, что могло служить къ улучшенію положенія и прогрессу экономически обдѣленныхъ массъ

городского и сельскаго пролетаріата. Поэтому то въ продолженіе всего минувшаго года украинское общество сосредоточивало свое вниманіе на политическомъ и соціальномъ процессѣ, развивавшемся въ Россіи, и ради него отодвигало на второй планъ иногда очень жгучіе вопросы изъ сферы современнаго національнаго развитія и движенія. Но органическое развитіе жизни съ стихійною силой поднимало отъ времени до времени и ставило на очередь рядомъ съ вопросами политическими и соціальными также нужды національнаго развитія, неотступно требовавшія своего разрѣшенія и удовлетворенія всякій разъ, какъ только ослабѣвали хоть немного внѣшнія препятствія, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ тормозившія развитіе народной жизни. И одно изъ такихъ стихійныхъ нуждъ была національзація просвѣщенія на всѣхъ ступеняхъ, начиная съ низшей школы и кончая наивысшею, между прочимъ введеніе украинскихъ дисциплинъ и украинскаго преподаванія въ высшія школы, прежде всего въ университеты, существующіе на территоріи Украины.

Требованіе ихъ введенія служило обычной составной частью уже первыхъ набросковъ украинскихъ національныхъ запросовъ, какіе стали появляться съ начала 1905 года. Осенью того же года это требованіе было вполнѣ конкретно поставлено студентами-Украинцами одесскаго университета, и изъ пожеланія включены были въ обще-студенческую резолюцію, поданную совѣту университета. Совѣтъ одесскаго университета высказался за введеніе въ университетскій курсъ предметовъ, указанныхъ студентами: украинскаго языка, исторіи литературы, исторіи и географіи Украины, причемъ языкъ преподаванія этихъ предметовъ поставленъ въ зависимость отъ національнаго состава большинства студентовъ—будутъ ли то Украинцы, или нѣтъ. Въ началѣ школьнаго года 1906/7 вопросъ объ украинскихъ курсахъ былъ поставленъ также въ харьковскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ фа-

культетѣ, гдѣ однако тогда не было принято никакого конкретнаго рѣшенія. Но наибольшую популярность этотъ вопросъ получилъ, когда его подняли студенты-Украинцы кіевскаго университета. Первые дебаты ихъ по этому вопросу дали поводъ выставить подобныя же желанія также и студентамъ-Полякамъ, такъ что почти одновременно были созваны студенческія собранія по одному и другому вопросу (по вопросу о польскихъ каѳедрахъ даже нѣсколькими днями раньше) и поданы были особыя петиція—по вопросу объ украинскихъ и польскихъ каѳедрахъ, причемъ студенты-Украинцы въ значительной степени поддерживали требованія студентовъ-Поляковъ и наоборотъ. Въ своей петиціи [1]) студенты-Украинцы напоминали совѣту профессоровъ, что различные отдѣлы украиновѣдѣнія не входятъ совсѣмъ въ кругъ университетскаго преподаванія, или преподаются лишь случайно, хотя настолько разработаны научно, что могутъ быть предметомъ университетскаго преподаванія и на самомъ дѣлѣ преподаются въ различныхъ заграничныхъ университетахъ; высказывали желаніе, чтобы предметы эти преподавались на ихъ родномъ языкѣ, а какъ на доказательство жизненности и важнаго значенія своихъ стремленій указывали на тѣ безчисленныя заявленія сочувствія и солидарности, какія сейчасъ же послѣ студенческой сходки, вынесшей резолюцію по вопросу объ украинскихъ каѳедрахъ, посыпались со всѣхъ концовъ Украины, изъ разныхъ круговъ общества. Резолюціи студентовъ университета были немедленно поддержаны аналогичными резолюціями студентовъ кіевской политехники и высшихъ женскихъ курсовъ, а также заявленіями и резолюціями студентовъ-Украинцевъ иныхъ университетовъ.

Вопросъ такимъ образомъ поставленъ очень серьезно и твердо, но, заключая изъ тѣхъ отвѣтовъ, какіе получили студенты-Украинцы отъ ректора кіевскаго уни-

---

[1]) Напечатана въ переводѣ въ газетѣ „Рада", № 64.

верситета и иныхъ подобнаго же рода заявленій и объясненій, трудно разсчитывать, чтобы требованія украинской академической молодежи были приняты и осуществлены. Очевидно, это дѣло затянется на долгое время, какъ и вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ въ Галичинѣ, и долго еще будетъ занимать и академическую молодежь и украинское общество, включая и болѣе сознательныя части народныхъ массъ. Это обстоятельство заставляетъ меня, какъ человѣка близко связаннаго уже долгое время и съ украинскимъ научнымъ движеніемъ въ послѣднія десятилѣтія, и съ вопросомъ объ украинскихъ каѳедрахъ и преподаваніи на украинскомъ языкѣ, высказаться по этому вопросу, въ надеждѣ послужить дѣлу нѣкоторыми поясненіями и наблюденіями.

Вопросъ вполнѣ естественно распадается на двѣ части; одна касается научныхъ нуждъ въ области украиновѣдѣнія, другая—преподаванія на украинскомъ языкѣ въ университетахъ и вообще въ высшихъ школахъ. Я остановлюсь сперва на первой части, чтобы перейти затѣмъ къ другой.

Что наука въ Россіи не процвѣтаетъ, что ея развитіе ни количественно, ни качественно не соотвѣтствуетъ вовсе потребностямъ общества, его численности и всякимъ инымъ коэффиціентамъ,—это вещь общеизвѣстная. Всѣмъ извѣстно также, что все научное движеніе и развитіе въ Россіи опирались до сихъ поръ почти исключительно на государственныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ — университетахъ и иныхъ высшихъ школахъ, государственныхъ научныхъ комиссіяхъ, экспедиціяхъ и т. п. Въ широкихъ кругахъ общества еще слишкомъ мало интересуются и цѣнятъ такъ называемую „чистую науку“, въ ея научной, не популяризованной и не примѣненной къ практическимъ потребностямъ жизни формѣ, для того чтобы поддерживать непосредственно, а не помощью налоговъ, уплачиваемыхъ въ государственную кассу, научную производительность, научныя изслѣдованія, подготовленіе

научныхъ дѣятелей. Спросъ все еще не покрываетъ, въ среднихъ числахъ, даже издержекъ печатанія научной книги, далекой отъ злобы дня, а различныя пожертвованія меценатовъ науки и учрежденные ими фонды и невелики по сравненію съ научными потребностями, и, что главное,—обыкновенно служатъ лишь вспомогательными средствами для государственныхъ учрежденій, либо составляютъ извѣстное дополненіе въ системѣ государственныхъ учрежденій, вообще переходятъ въ завѣдываніе государственныхъ властей, подпадаютъ правительственной регламентаціи. Слѣдствіемъ этого является, что твердыя основы для развитія имѣютъ лишь отрасли науки, включенныя въ систему государственныхъ просвѣтительныхъ и научныхъ учрежденій, имѣющія въ этихъ учрежденіяхъ опору и импульсъ, побужденіе къ развитію и прогрессу. А регуляторомъ научнаго движенія, поддерживающимъ па соотвѣтственной высотѣ его уровень, его методы изслѣдованія, удерживающимъ его въ курсѣ общей научной жизни и не дающемъ отставать,—для всѣхъ дисциплинъ, не имѣющихъ практическаго, прикладнаго характера, является университетская наука, университетское преподаваніе.

Научное украиновѣдѣніе, т. е. разныя отрасли науки, посвященныя изслѣдованію и познанію украинскаго народа и его территоріи въ прошломъ и настоящемъ, до настоящаго времени не имѣетъ въ Россіи почти никакой поддержки въ государственныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, и въ частности—въ университетской наукѣ. Собственно говоря, можно указать лишь на одно государственное учрежденіе, которое имѣетъ своею задачею освѣщеніе прошлаго Украины—это кіевская археографическая комиссія, основанная правительствомъ, подобно аналогичнымъ комиссіямъ въ Вильнѣ и Витебскѣ, съ политическими цѣлями (борьба съ польской государственной идеей), но поставленная ея сотрудниками на почву вполнѣ научнаго изслѣдованія. Другія научныя общества и комиссіи, болѣе старыя и новѣйшія, имѣвшія цѣлью, частью или вполнѣ, содѣй-

ствовать познанію исторіи, археологіи и этнографіи украинской территоріи и украинскаго народа, при своемъ полуофиціальномъ характерѣ часто были стѣснены въ свободѣ научнаго изслѣдованія; притомъ же и научный уровень изъ трудовъ стоялъ и стоитъ далеко неодинаково. Въ программу же высшей школы украинскія отрасли наукъ попадали только въ видѣ обрывковъ, включенныхъ въ курсы, имѣвшіе право гражданства въ университетской наукѣ, или появлялись въ университетскомъ преподаваніи, какъ рѣдкіе и случайные гости; поэтому импульсомъ и регуляторомъ, какимъ является университетская наука для научнаго движенія и развитія, для украинскихъ дисциплинъ она могла служить только отчасти для нѣкоторыхъ отдѣловъ украиновѣдѣнія,—и въ общемъ въ весьма незначительной степени.

Начнемъ съ такой основной, съ точки зрѣнія національнаго движенія и развитія, дисциплины какъ украинскій языкъ, — какъ она поставлена въ высшей школѣ въ Россіи? Языкознаніе, за исключеніемъ языковъ классическихъ, поставлено въ университетахъ Россіи вообще плохо; за исключеніемъ санскрита и сравнительнаго языкознанія, курсы по языкамъ возлагаются на профессоровъ, читающихъ курсы литературы, а по каѳедрамъ славистики они читаютъ еще и исторію славянскихъ народовъ. Между тѣмъ языкознаніе и исторія или теорія литературы—это сферы вполнѣ обособленныя, требующія отъ изслѣдователя совсѣмъ иного метода, интересовъ, даже склада ума, ведутъ его въ совершенно различныя области, въ иной кругъ свѣдѣній и матеріаловъ. Поэтому только исключительно разносторонніе ученые или совсѣмъ посредственныя профессорскія силы, являющіяся въ любой сферѣ лишь пассивными передатчиками чужихъ изслѣдованій, могутъ съ равнымъ интересомъ отдаваться обѣимъ отраслямъ, чувствовать себя болѣе или менѣе одинаково сильными въ этихъ областяхъ и отводить имъ одинаковое мѣсто въ своихъ курсахъ. Благодаря этому даже съ „рус-

скимъ языкомъ"—однимъ изъ основныхъ предметовъ университетской науки, даже въ наилучше обставленныхъ университетахъ, случается, что его не преподаютъ въ дѣйствительности въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, потому что каѳедру занимаетъ профессоръ, спеціализировавшійся по литературѣ, а если и преподаютъ, то лишь нѣкоторые отдѣлы, чаще всего — историческую грамматику „русскаго языка"; полная система науки— т. е. исторія языка, діалектологія и полный курсъ грамматики: фонетика, морфологія и синтаксисъ — не преподается никогда. Украинскій же языкъ является въ университетской практикѣ Россіи лишь второстепенной, болѣе или менѣе случайной составной частью вышеупомянутыхъ языковыхъ курсовъ: матеріалъ изъ исторіи украинскаго языка, или изъ украинской діалектологіи привлекается въ большей или меньшей степени для уясненія различныхъ явленій въ исторіи этого условнаго „русскаго языка"; курсы же, спеціально посвященные украинскому языку, появляются только изрѣдка, какъ рѣдкіе и случайные гости, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. За цѣлый рядъ лѣтъ можно услышать, что въ одномъ университетѣ прочитанъ обзоръ украинской діалектологіи, а въ другомъ—курсъ посвященный исторіи языка, такъ какъ случайно оказался профессоръ, занимавшійся украинскимъ языкомъ, а затѣмъ снова цѣлыми годами такіе курсы не читались. Почти все, что появилось въ этой области въ литературѣ,—труды болѣе или менѣе цѣнные, спеціально посвященные украинскому языку,—все вышло изъ круговъ, не причастныхъ къ университетскимъ кругамъ Россіи, таковы труды по исторіи украинскаго языка, діалектологіи и грамматикѣ Житецкаго [1]), Огоновскаго (проф.

---

[1]) Имѣю въ особенности въ виду его работы: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія" и „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.в."

львовскаго университета) [1]), Михальчука [2]), Науменка [3]), Верхратскаго [4]), Шимановскаго [5]), Крымскаго [6]) и др. Единственный, кажется, университетскій курсъ—это обзоръ украинской діалектологіи проф. Соболевскаго, очень краткій и далеко не полный.

Изъ исторіи украинской письменности литература старая, кіевскаго періода (XI—XII), включается въ понятіе „русской литературы" и какъ интегральная часть ея входитъ въ университетскіе курсы и имѣетъ право гражданства въ академической практикѣ: украинскіе памятники этого времени служатъ предметомъ университетскихъ диссертацій, кандидатскихъ работъ. Потому какъ со стороны филологической, такъ и со стороны литературной они могутъ похвалиться извѣстной (впрочемъ не особенно значительной) обработкой, хотя изслѣдованіе этой старой украинской письменности съ „обще-русской" точки зрѣнія, безъ связи съ общественной и культурной жизнью украинскихъ земель, бываетъ причиною значительныхъ неясностей и ошибокъ въ освѣщеніи, въ общихъ взглядахъ на эту письменность. Зато украинская книжность и письменность XIII, а въ еще большей мѣрѣ XIV—XV вв. и позднѣйшая, до начала религіозной полемики, остается внѣ

---

1) Особенно: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Shrache.

2) Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины (въ VII томѣ Трудовъ Чубинскаго).

3) Обзоръ звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи

4) Многочисленныя монографіи по діалектологіи Западной Украины (Галичины и Угорской Руси): „Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів", „Про говір галицьких Лемків", „Про говір доливськім" и др. (въ изданіяхъ Наукового товариства им. Шевченка и Archiv für slavische Philologie).

5) Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI—XVII в.в. (Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій).

6) „Филологія и погодинская гипотеза", „Деякі непевні крітерії для діалектольогичної клясифікації староруських рукописів"; начатый курсъ украинской грамматики.

границъ „русской литературы“, а результатъ этого таковъ, что если бы кто нибудь захотѣлъ познакомиться съ письменностью того времени, то нашелъ бы только скудныя разрозненныя указанія во всемъ томъ, что можетъ дать интересующемуся современная наука. Религіозная полемика и вообще религіозная украинская литература XVI—XVII вв. пользуется большимъ вниманіемъ со стороны оффиціальной науки—прежде всего благодаря общему интересу къ исторіи борьбы съ католицизмомъ и польскимъ элементомъ (интересъ этотъ поддерживался оффиціальными кругами, начиная уже съ извѣстнаго изслѣдованія объ уніи Бантыша-Каменскаго, написанной по порученію правительства), а отчасти также благодаря значенію, какое имѣла схоластическая украинская наука XVII в. на развитіе письменности и культуры Московскаго государства. Вотъ почему эта часть украинской письменности, хотя и не включаемая въ университетскіе курсы, можетъ похвалиться нѣкоторой обработкой, впрочемъ также небольшой; главнымъ же недостаткомъ является то, что вслѣдствіе пробѣла въ предыдущихъ столѣтіяхъ эта письменность XVI—XVII вв. является отособленной, висящей въ воздухѣ, безъ представленія о развитіи, эволюціи письменности. Затѣмъ все, выходившее за границы религіозно-полемической литературы, освѣщено еще слабѣе, и тутъ можно насчитать едва нѣсколько научныхъ работъ—какъ книга проф. Петрова о школьной драмѣ XVIII в., П. Житецкаго о книжной литературѣ XVIII в. въ связи съ Энеидой Котляревскаго, матеріалы и изслѣдованія по исторіи вирши и пѣсни проф. Перетца. Исключеніе украинской письменности изъ университетскихъ курсовъ является причиною того, что, не смотря на существованіе довольно солидныхъ работъ, ея исторія и развитіе въ теченіе XVI—XVIII вв. представляются весьма неясно, хаотически, а взгляды на письменность этого періода бываютъ весьма различны.

А ужъ совсѣмъ за флагомъ не только университетскихъ курсовъ, но и вообще университетской

науки Россіи остается возрожденная украинская литература. Она не существуетъ для университетской науки ни какъ часть „русской литературы", ни какъ часть „славянскихъ литературъ", занимающихся исторіей національнаго и литературнаго возрожденія у славянскихъ народовъ. Мнѣ извѣстенъ фактъ (изъ устъ самыхъ дѣйствовавшихъ лицъ), какъ одинъ молодой, способный ученый, уже заявившій себя выдающимся научнымъ трудомъ, хотѣлъ избрать для магистерской диссертаціи тему изъ исторіи галицко-украинскаго возрожденія въ первой половинѣ XIX в.; онъ обратился сперва къ профессору славянскихъ литературъ, но тотъ сказалъ ему, что галицко-украинское возрожденіе не относится къ его предмету; тогда онъ адресовался къ профессору „русской литературы", и получилъ такой же отвѣтъ. Помѣщенная такимъ образомъ „въ междувѣдомственномъ пространствѣ", новая украинская литература вообще считалась предметомъ не достойнымъ высокаго вниманія науки — очевидно въ связи съ враждебнымъ настроеніемъ правительственной политики по отношенію къ украинскому языку и украинскому „сепаратизму". Вполнѣ естественно, что она и оставалась въ совершенномъ пренебреженіи до настоящаго дня.

Въ подобномъ же положеніи находится и другая основная, съ точки зрѣнія національнаго сознанія, наука—исторія, это „національное самосознаніе", какъ называли исторію народники исторической науки [1]). Въ оффиціальную схему „русской исторіи", принятую, почти безъ различій, программою и средней и высшей школы, украинская исторія точно также какъ литература входитъ лишь въ видѣ разрозненныхъ обрывковъ,

---

[1]) „Исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ"—учили насъ въ гимназіи; „исторія есть народное самосознаніе",—учили насъ въ университетѣ". Такъ начиналъ свое университетское руководство „Русской Исторіи" Бестужевъ-Рюминъ (1872). Послѣ пережитой кампаніи историческаго матеріализма второе опредѣленіе звучитъ для насъ почти также архаично, какъ и первое.

поскольку они являются необходимыми для выясненія исторіи россійской имперіи и великорусскаго народа. Въ основаніи этой схемы лежатъ старыя генеалогическія идеи московскихъ книжниковъ и политиковъ, а въ практическомъ приложеніи эта схема увѣчитъ и представляетъ въ ложномъ свѣтѣ не только исторію украинскаго, но точно также и великорусскаго народа,— что не мѣшаетъ ея безраздѣльному господству и понынѣ [1]). Начиная съ доисторическихъ временъ Восточной Европы и славянской колонизаціи, она переходитъ затѣмъ къ Кіевскому государству, обозрѣваетъ его исторію до второй половины XII в., перескакиваетъ затѣмъ къ великому княжеству Владимірскому, далѣе Московскому и излагаетъ исторію Московскаго государства, а позже имперіи. Изъ исторіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель берутся нѣкоторые эпизоды, какъ галицкое государство Даніила, образованіе вел. княж. Литовскаго, унія его съ Польшею, церковная унія и религіозная борьба, войны Хмѣльницкаго и соединеніе Украины съ Москвою. Но въ университетскихъ курсахъ опускаются и эти эпизоды (поскольку не являются предметами отдѣльныхъ курсовъ, впрочемъ очень рѣдкихъ), чтобы не загромождать такими отступленіями курса и не вредить ясности основной темы—эволюціи государственной жизни, изъ которой выросли современныя политическія и общественныя или культурныя отношенія Россіи и великорусскаго народа. Въ результатѣ исторія Украины съ XIII—XIV вв. или вполнѣ или въ очень значительной степени остается внѣ университетскаго преподаванія. Спеціальные курсы никогда не обнимали ее во всей цѣлости, такъ что только теперь приходится устанавлять на-ново и аргументировать схему исторіи Украины. Вслѣдствіе того, что исторію Кіевскаго госу-

---

[1]) См. мою статью: „Звычайна схема „русскої історії", справа раціонального укладу історії Східнього Словянства", въ академическомъ сборникѣ „Статьи по славяновѣдѣнію", I.

дарства привыкли видѣть въ роли введенія въ „русскую исторію“, исторія Украины представлялась какимъ-то безформеннымъ обрубкомъ, который по мнѣнію однихъ долженъ быть выведенъ на сцену въ XIV—XV вв., по мнѣнію другихъ въ XVI—XVII вв. Не далѣе какъ три года тому назадъ, когда я приступилъ къ изданію своего „Очерка исторіи украинскаго народа“, въ которомъ эта исторія начинается съ доисторическихъ временъ украинской территоріи и отъ обзора ея славянской колонизаціи переходитъ къ исторіи Кіевскаго государства, то такая идея—включеніе княжескаго періода въ кругъ украинской исторіи—показалась настолько еретической людямъ, привыкшимъ къ принятымъ схемамъ „русской исторіи“, что я не могъ даже найти издателя для такой необычайной исторіи. Рецензентъ историческихъ изданій одной изъ крупныхъ издательскихъ фирмъ искренно признался въ своемъ опасеніи, что подобная концепція украинской исторіи можетъ встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію со стороны научной критики и потому фирма не можетъ принять на себя такого рискованнаго изданія.

Я позволилъ себѣ привести этотъ примѣръ, чтобы иллюстрировать то сильное вліяніе, какое оказываютъ подобныя научныя схемы. Съ точки зрѣнія историческаго развитія не можетъ быть ничего болѣе логическаго, какъ соединеніе исторіи кіевской эпохи на Украинѣ съ позднѣйшей исторической жизнью украинскихъ земель, и однако историческая мысль упорно шла по окольной дорогѣ и оспаривала даже возможность подобнаго перехода. Правда, когда эта связь была представлена конкретно (въ моемъ „Очеркѣ украинской исторіи)“,— то такое представленіе не встрѣтило уже той рѣзкой оппозиціи, какой можно было ожидать, и я увѣренъ, что популяризованная рядомъ изданій схема украинской исторіи, понимаемой какъ цѣлость, обнимающая всѣ эпохи исторической жизни украинскаго народа, очень скоро сдѣлается для всѣхъ понятіемъ вполнѣ логическимъ и простымъ, какова она въ дѣйстви-

тельности. Но сколько потеряла историческая наука вслѣдствіе такого непониманія связи и цѣлости исторческаго развитія!

Украинская исторіографія имѣла то рѣдкое счастье, что помимо представителей официальной науки она не терпѣла недостатка въ талантливыхъ, энергичныхъ изслѣдователяхъ, которые, побуждаемые или привязанностью къ прошлому своего народа или необычайнымъ интересомъ нѣкоторыхъ моментовъ въ исторіи Украины, усиленно работали надъ ея исторіей и очень много содѣйствовали уясненію извѣстныхъ сторонъ или періодовъ ея исторической жизни. Вспомнимъ хотя бы Костомарова, Лазаревскаго и другихъ не-университетскихъ историковъ. Историческія изслѣдованія проф. Антоновича сосредоточивались главнымъ образомъ тоже въ сферѣ, не охватываемой его унивеситетскими курсами (общественная и культурная исторія Украины подъ польскимъ владычествомъ—работы его въ этой сферѣ связаны съ его дѣятельностью въ кіевской археографической комиссіи, а не съ университетомъ). Но между этими, въ значительной мѣрѣ обработанными частями, оставались пробѣлы, черезъ которые и самые смѣлые изслѣдователи не отваживались перекинуть мосты [1]), а въ виду этого не могло быть цѣльныхъ представленій объ историческомъ развитіи украинскаго народа. Съ другой стороны, исключеніе украинской исторіи изъ сферы университетской науки, осужденіе ея на изслѣдованіе и обработку силами любителей, невниманіе къ украинской исторіи специалистовъ историковъ имѣло то очень вредное послѣдствіе, что въ изученіи ея долго не было того научнаго регулятора, какимъ является университетская наука. Не выработа-

[1]) Не дальше, какъ 15 лѣтъ тому назадъ, изъ устъ такого высоко компетентнаго человѣка, наилучшаго историка того времени—проф. Антоновича, мнѣ приходилось слышать убѣжденіе, что украинская исторія имѣетъ еще слишкомъ много пробѣловъ, чтобы ее можно было представить научно какъ цѣлое.

лись методическіе пріемы, не было положено прочныхъ основаній источниковѣдѣнія, не былъ въ надлежащей степени развитъ научный критицизмъ. Благодаря этому въ широкой публикѣ, рядомъ съ работами дѣйствительно научными, обращались и даже отодвигали ихъ на второй планъ совсѣмъ не научные фабрикаты, плохія компиляціи, съ очень сомнительными руководящими идеями. И даже въ ученыхъ кругахъ украинская исторія оставалась „землею незнаемой“ и ни для кого неинтересной, любительско-диллетантской сферой, въ которой любая несообразность могла сойти за вполнѣ научное явленіе, и наоборотъ [1]).

Точно такъ же, какъ на исторіи, тяготѣетъ традиціонная схема „русской исторіи“ на исторіи права. Право кіевское включено въ понятіе науки „исторіи русскаго права“, въ которой оно является предкомъ, предшественникомъ права московскаго, какъ въ свою очередь изъ послѣдняго развивается право имперіи. Правовыя основы украинской жизни въ позднѣйшіе вѣка оставались не выясненными. И только въ послѣднее время въ эту сферу стали вводить изслѣдованія надъ правомъ вел. кн. Литовскаго, развивавшаго наслѣдство стараго кіевскаго права въ XV—XVI вв. Но то, что было спеціальной особенностью права украинскихъ земель въ эти столѣтія, и до настоящаго времени почти не было предметомъ научнаго изслѣдованія. Совершенно нетронутымъ лежитъ право позднѣйшее, XVII—XVIII вв., даже право государственное, не говоря объ уголовномъ или гра-

[1]) Всего лишь десять лѣтъ тому назадъ въ московскомъ университетѣ, украшенномъ первыми свѣтилами исторической науки, была принята pro venia legendi лекція о началѣ Хмельничины, вполнѣ опирающаяся на такомъ псевдоисторическомъ измышленіи, какъ лѣтопись Величка. Не знаю, что тутъ больше обнаружило себя: невѣдѣніе или пренебреженіе къ украинской истори. Правда, лекція была обильно приправлена офиціозно-патріотическимъ соусомъ, но это, конечно, не могло оправдать небрежности или пренебреженія со стороны профессорской коллегіи къ основнымъ требованіямъ историческаго знанія.

жданскомъ, хотя оно представляетъ значительный интересъ не только для украинца, но и для всякаго историка-соціолога или юриста. Какъ оргинальнымъ, сильнымъ, колоритнымъ явленіемъ было все движеніе XVII в., такъ чрезвычайно интересенъ и этотъ процессъ творчества, которымъ общество, народъ, вытолкнутый изъ старой, проторенной колеи стихійной силой великаго соціальнаго переворота, наскоро, экспромптомъ творилъ формы государственной и общественной организаціи, комбинировалъ и приспособлялъ къ потребностямъ новой жизни, частной и общественной, элементы обычнаго права, традиціи стараго права и вліянія чужихъ, новѣйшихъ правовыхъ системъ. Чрезвычайно интересно слѣдить, какъ позже народные элементы права, не кодифицированные, не формулированные въ точныя нормы, слабѣли, приходили въ упадокъ, оттѣснялись вліяніями чужихъ кодексовъ: Литовскаго статута, нѣмецкаго городского права, законодательства Россійской имперіи. Между тѣмъ и до сихъ поръ, не считая нѣсколькихъ изслѣдованій въ области общественныхъ отношеній, мы ничего не имѣемъ въ этой области, хотя пережитками права Гетманщины, дѣйствующими и до настоящаго времени на лѣвобережной Украинѣ, русскіе юристы занимаются издавна (изслѣдованія Даневскаго, Боровиковскаго, Квачевскаго по мѣстному праву Черниговской и Полтавской губерній, и общіе курсы русскаго гражданскаго права).

Но достаточно! Я не стану далѣе проходить одну за другой всѣ прочія отрасли украиновѣдѣнія, чтобы вскрывать невниманіе къ нимъ со стороны офиціальной науки, со стороны высшей школы, и выяснять тотъ вредъ, какой терпѣло онѣ отъ этого пренебреженія. Вмѣсто этого я обращу вниманіе на то обстоятельство, что такая заброшенность различныхъ сторонъ украиновѣдѣнія есть явленіе вредное и печальное не только съ точки зрѣнія украинской, т. е. для Украинца, который бы хотѣлъ имѣть возможность изучить свой край и народъ, его прошлое и настоящее,—но и съ

точки зрѣнія чисто научной. Жизнь украинскаго народа заполнила слишкомъ большую страницу въ книгѣ историческаго развитія народовъ, чтобъ ее можно было вычеркнуть или обойти безъ вреда для прагматической связи, для пониманія исторической эволюціи и взаимныхъ вліяній различныхъ явленій. Исторія восточной Европы не сможетъ разрѣшить, или разрѣшитъ неправильно много вопросовъ, не обладая достаточнымъ знаніемъ исторіи Украины, или руководствуясь въ своемъ направленіи ложными взглядами, избитыми и непровѣренными общими мѣстами Такая же судьба постигнетъ историка культуры, филолога, фольклориста, этнолога, экономиста, принявшагося за какой-нибудь вопросъ, въ которомъ играютъ роль Украина, украинскій народъ, его культурная исторія, или современныя экономическія отношенія. Не имѣя точныхъ данныхъ относительно Украины, или обладая свѣдѣніями неправильными, неполными и неточными, онъ принужденъ будетъ или отступить предъ нѣкоторыми вопросами, или замѣнить недостатокъ точнаго знанія догадками и гипотезами. Имѣть такой пробѣлъ въ своей области представителямъ той или иной отрасли науки совсѣмъ невыгодно и непріятно.

Это чувствовали уже давно и неоднократно различные изслѣдователи, которымъ приходилось въ своихъ изслѣдованіяхъ попадать въ область укроиновѣдѣнія, и эта аномалія, что въ Россіи официальная, академическая наука ничего не дѣлаетъ для освѣщенія разныхъ сферъ знанія, связанныхъ съ огромнымъ народомъ, входящимъ въ составъ Россіи, издавна бросалась имъ въ глаза. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ правовѣрнѣйшихъ представителей оффиціальной русской науки, академикъ Погодинъ, наткнувшись на вопросъ объ отношеніи памятниковъ старорусской письменности къ украинскому языку и не находя точнаго выясненія этихъ отношеній въ современной ему филологической литературѣ, писалъ: „Малороссійскаго нарѣчія мы до сихъ поръ, къ стыду своему, основательно не знаемъ,

хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій“ [1]).

Дѣйствительно, фактъ, что въ русскихъ университетахъ преподаются исторія, исторія литературы, языкъ сербскіе, болгарскіе или чешскіе и не преподаютъ ни языка, ни литературы, ни исторіи, ни права украинскаго народа, наибольшаго въ славянской семьѣ послѣ народа великорусскаго и наиболѣе ему близкаго, наиболѣе тѣсно съ нимъ связаннаго историческими условіями и современными отношеніями,—это, разумѣется, аномалія неслыханная, невозможная. Что академическая наука въ Россіи не дѣлаетъ ничего для изученія большого народа, пять шестыхъ частей котораго живетъ въ Россіи, и не предпринимаетъ ничего, чтобы ввести въ кругъ преподаванія дисциплины, посвященныя этому народу,—это фактъ, едва ли имѣющій что либо ему подобное. Въ академическихъ кругахъ принято заботиться, чтобы предметы, даже наиболѣе пренебрегаемые, далекіе, чужіе, экзотическіе, по возможности не оставались „безъ хозяина“, безъ импульса, какой дается разработкѣ предмета существованіемъ особой кафедры, спеціальныхъ учрежденій, если не въ одномъ, то въ другомъ государствѣ. А въ университетскихъ сферахъ Россіи вопросъ объ украинскихъ курсахъ находился безъ всякаго движенія, и до нынѣшняго дня представители этихъ сферъ дѣлали такой видъ, какъ будто въ такомъ положеніи дѣла нѣтъ ничего необычайнаго. Когда же въ послѣднее время университетская молодежь и общество выступаютъ съ требованіемъ этихъ курсовъ, то такое требованіе считается какою то странною причудою, постороннею и чуждою съ точки зрѣнія интересовъ университетской науки. И не въ пользу современныхъ представителей университетской науки говоритъ сравненіе ихъ поведенія съ отношеніемъ къ дѣлу старомоднаго московскаго историка, взывавшаго къ „нашему стыду“.

---

[1]) Изслѣдованія, VII, стр. 426.

Тѣмъ болѣе, что такое апеллированіе „къ нашему стыду“ полно значенія. Если мы хотимъ видѣть въ государствѣ не только предпринимателя для содержанія полиціи и военныхъ командъ, но и культурное учрежденіе, на которое, взамѣнъ предоставляемыхъ ему полномочій и получаемыхъ съ населенія, отъ членовъ-согражданъ, средствъ возлагается также обязанность заботиться объ экономическомъ и культурномъ прогрессѣ тѣхъ общественныхъ классовъ и народовъ, которые входятъ въ составъ государства, — то является болѣе, чѣмъ удивительнымъ, если въ отношеніи народа, который держитъ на своихъ плечахъ болѣе, чѣмъ четвертую часть государственнаго бюджета [1]) правительство не считаетъ нужнымъ дѣлать ничего для содѣйствія его изученія и самопознанія, игнорируя исторію, языкъ, литературу этого народа. И при этомъ люди, стоящіе ближе всего къ дѣлу, держащіе въ своихъ рукахъ, такъ сказать, ключи къ университетской наукѣ, молча, а подчасъ даже громко, признаютъ такой порядокъ вещей нормальнымъ.

Правда, именно изъ этихъ круговъ можно теперь услышать иногда голоса, которые вину такого пренебреженія украиновѣдѣніемъ хотятъ свалить на другого, а именно на само украинское общество, на отсутствіе въ немъ, дескать, серьезнаго интереса къ своему прошлому, къ своему культурному развитію [2]). Но эти

---

[1]) См. статью Н. Соколова: „Украина въ государственномъ бюджетѣ Россіи“. (Украинскій Вѣстникъ, № 2). По его исчисленіямъ Украина даетъ государственному бюджету свыше 500 мил. рублей въ годъ, т. е., около 26% всѣхъ государственныхъ доходовъ, и при этомъ является наиболѣе надежнымъ и исправнымъ плательщикамъ, а получаетъ изъ государственнаго бюджета около 280 мил., т. е. 15% изъ общей суммы расходовъ.

[2]) См. работу Истрина: „Изъ области древнерусской литературы“, т. V. (Ж. М. Н. П. 1905, VIII, стр. 234): „Въ свое время, когда открывали въ Одессѣ при историко-филологическомъ обществѣ византійско-славянское отдѣленіе, я призывалъ прикосновенныхъ людей изучать малорусскую

упреки, если бы они были даже справедливы, могли бы имѣть значеніе въ чьихъ бы то ни было устахъ, но не въ устахъ представителей академическихъ круговъ, не въ устахъ обладателей ключей отъ университетской науки, и при томъ университетовъ южныхъ, стоящихъ на украинской землѣ. Если мѣстные профессора, совершенно чуждые мѣстной жизни, присланные изъ великороссійскихъ университетовъ (какъ это часто практиковалось и практикуется), лишенные всякаго интереса къ мѣстной исторіи, культурной жизни и т. п., или люди хотя и мѣстные, по старающіеся напередъ очистить себя отъ всякаго подозрѣнія въ какомъ либо мѣстномъ „патріотизмѣ", умышленно, а можетъ быть и неумышленно, въ своихъ лекціяхъ, семинаріяхъ и т. д. ведутъ украинскую молодежь въ иномъ направленіи, даютъ темы изъ исторіи или литературы великорусской, а къ украинскимъ темамъ относятся несочувственно, то странной является ихъ претензія къ университетской молодежи, чтобъ она шла не за ними, а противъ нихъ, чтобы эта молодежь сама искала путей въ наукѣ, безъ помощи профессоровъ, которые часто за недостаткомъ всякаго знакомства съ украинской отраслью своей дисциплины *и не могутъ* ни въ чемъ помочь студенту, который захотѣлъ бы вмѣсто Нила Сорскаго или Іосифа Волоцкаго заняться какимъ нибудь старымъ украинскимъ писателемъ.

Нѣтъ, стыдить нужно въ данномъ случаѣ прежде всего кое-кого иного, но не украинское общество, устраненное отъ всякихъ просвѣтительныхъ и научныхъ

литературу, но увы!—никто до сихъ поръ не откликнулся. Да, ея не изучаютъ. Малорусскіе журналы наполнены статьями по XVI—XVII вѣку, но ни древній періодъ, ни болѣе новый не находятъ себѣ, за ничтожными исключеніями, серьезныхъ изслѣдователей. Причина лежитъ вовсе не въ политическомъ положеніи Малороссіи, на которое любятъ ссылаться украинцы, а въ томъ, съ одной стороны, что иные не умѣютъ изучать, а съ другой—еще не ясно, что изучать".

учрежденій, лишенное возможности использовать ихъ для научнаго самопознанія. Представители офиціальной русской науки должны съ почтеніемъ склонить голову и передъ тѣмъ, что сдѣлано для украинской науки—не только безъ помощи со стороны этой оффиціальной науки, но даже наперекоръ всей оффиціальной тенденціи—сдѣлать украинскую народность непомнящимъ родства Иваномъ. Тамъ, гдѣ правительственная политика давала хоть какую-нибудь точку опоры для научнаго развитія украиновѣдѣнія, украинское общество умѣло использовывать эту возможность. И должно быть „стыдно" тѣмъ, кто беретъ на себя руководство, управленіе и опеку надъ свыше 25 милліоннымъ украинскимъ населеніемъ Россіи, если оказывается, что украинское общество обязано первыми курсами украинской исторіи украинской каѳедрѣ, основанной австрійскимъ правительствомъ во Львовѣ; если за разными трудами по исторіи, литературѣ, языку оно принуждено обращаться къ заграничнымъ изданіямъ; если вообще средоточіемъ украинскаго научнаго движенія въ послѣднее время стало заграничное „Ученое общество имени Шевченка", субсидируемое (правда, очень скупою рукой) правительствомъ австрійскимъ, на которомъ вѣшаютъ собакъ за его анти-славянскую, анти руссинскую и иную политику представители офиціальной „народности" въ Россіи, а русское правительство, этотъ идеальный опекунъ униженныхъ и оскорбленныхъ Славянъ, занималось лишь запрещеніями этой заграничной научной украинской литературы, отъ старыхъ цензурныхъ запрещеній и кончая самоновѣйшими таможенными.

Интенсивная и, по сравненію съ своими незначительными матеріальными средствами — необычайно успѣшная, полная самоотверженія работа украинскихъ ученыхъ, собранныхъ въ „Ученомъ обществѣ имени Шевченка", останется навсегда краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто вздумаетъ кидать упреки въ несостоятельности, индиферентизмѣ, невнимательности къ своимъ научнымъ и культурнымъ

интересамъ на голову всего украинскаго общества или цѣлаго украинскаго народа. А вмѣстѣ съ тѣмъ—свидѣтельствомъ того пренебреженія, какое терпѣли культурные интересы украинскаго народа въ Россіи, принужденные искать въ убогой, шляхтой и іезуитами задавленной Галичинѣ прибѣжища, какого не могли найти

на нашій славній Україні,
на нашій—не своїй землі.

Итакъ, эта сторона вопроса представляется, полагаю, послѣ всего сказаннаго вполнѣ ясной. Различныя отрасли украиновѣдѣнія должны быть введены въ кругъ университетской науки, университетскаго преподаванія. Онѣ должны получить особые органы для своей разработки въ видѣ университетскихъ каѳедръ. Этого требуютъ интересы науки вообще, весьма мало выигрывающіе отъ такого положенія дѣла, когда различныя сферы знанія, связанныя съ украинскимъ народомъ или украинской территоріей, осуждены оставаться совершенной пустыней или представлять мало обработанныя пространства, покрытыя разной сорной травой. Особенно заинтересованы въ этихъ требованіяхъ разныя „русскія" науки, включенныя въ университетскія программы,—каковы „русскій языкъ и литература", „русская исторія", „русское право", такъ какъ онѣ останутся кривобокими калѣками до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены въ надлежащемъ свѣтѣ украинскій языкъ, литература, исторія, право и т. д. Этого требуютъ, далѣе, научные интересы, научная любознательность украинской университетской молодежи, которую воспитываютъ и учатъ русскіе университеты. Этого требуютъ культурные интересы украинскаго общества въ Россіи и, наконецъ, самая репутація Россіи, какъ культурнаго государства въ составъ котораго входятъ $^5/_6$ украинскаго народа и территоріи—около 750 тыс квадратныхъ километровъ и до 30 милліоновъ украинской народности.

А такъ какъ невозможно требовать, чтобы курсы по разнымъ отраслямъ украиновѣдѣнія читались во всѣхъ университетахъ Россіи и чтобы всѣ университеты имѣли спеціальныя каѳедры для этихъ предметовъ, то очевидно, потребность въ украинскихъ каѳедрахъ и курсахъ должны прежде всего удовлетворить университеты и другія высшія школы, находящіяся на украинской территоріи, такъ какъ здѣсь украинскія дисциплины будутъ имѣть особенно живое и жизненное значеніе и, связанныя безчисленными нитями съ мѣстной жизнью и мѣстными интересами, будутъ привлекать къ себѣ живое вниманіе академической молодежи. Въ Петербургѣ или Москвѣ каѳедры украинской исторіи, языка, литературы и т. д. могутъ быть, могутъ и не быть, но въ университетахъ кіевскомъ, харьковскомъ, одесскомъ и въ другихъ мѣстныхъ высшихъ школахъ онѣ обязательно должны существовать. Мѣстные университеты и высшія школы прежде всѣхъ должны обезпечить и научную разработку различныхъ отраслей украиновѣдѣнія и ихъ преподаваніе. Если невозможно, чтобы каждый изъ этихъ университетовъ, не говоря о другихъ высшихъ школахъ, теперь же, немедленно получилъ полный кругъ украинскихъ каѳедръ и давалъ полную систему курсовъ по разнымъ отраслямъ украиновѣдѣнія, то необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы каждый изъ нихъ обязательно имѣлъ каѳедры и курсы по всѣмъ важнѣйшимъ, основнымъ украинскимъ дисциплинамъ (такъ точно и другія мѣстныя высшія школы). Иныя—второстепенныя такъ сказать—отрасли украиновѣдѣнія могутъ быть пока раздѣлены между мѣстными университетами, но такъ чтобы эти университеты въ совокупности все-таки давали мѣсто всѣмъ отраслямъ украиновѣдѣнія, имѣющимъ войти въ кругъ университетской науки (ниже поговоримъ о томъ, какія именно), такъ чтобы ни одна область не оставалась безъ органа, безъ каѳедры, „безъ хозяина“. Напримѣръ, если бы оказалось невозможнымъ преподавать во всѣхъ университетахъ укра-

инскую этнологію и археологію, фольклоръ или вспомогательныя историко-филологическія науки (палеографію, дипломатику и археологію), то на первыхъ порахъ будетъ достаточно, если народная украинская словесность (фольклоръ) будетъ имѣть каѳедру въ Харьковѣ, этнологія въ Кіевѣ, дипломатика въ Одессѣ, студентъ или иное лицо, желающее подготовиться къ научной дѣятельности въ извѣстной сферѣ, будетъ имѣть возможность поѣхать на семестръ или два въ университетъ, гдѣ преподается тотъ предметъ, котораго онъ не могъ прослушать въ своемъ университетѣ. Такіе перелеты студентовъ въ Россіи вообще не практикуются, вслѣдствіе казеннаго однообразія университетскихъ программъ, мертвенности всей университетской ученой жизни и умышленныхъ затрудненій для такихъ переходовъ. Но въ нѣмецкихъ университетахъ, гдѣ нѣтъ однообразныхъ шаблоновъ, гдѣ каждый университетъ самъ творитъ и расширяетъ свои программы, сообразно потребностямъ, научнымъ силамъ и т. д.,— тамъ такіе переходы широко практикуются людьми съ болѣе серьезными научными запросами.

Оставляя въ сторонѣ всякую политику и руководясь объективными интересами науки, никто не выставитъ какихъ-либо аргументовъ противъ этихъ требованій каѳедръ для разныхъ отраслей украиновѣдѣнія въ университетахъ Украины. Всякій аргументъ противъ этого требованія будетъ уже политиканствомъ—примѣшиваніемъ къ интересамъ научнымъ и культурнымъ, которымъ должна служить высшая школа, мотивовъ полицейскаго, централистическаго, обрусительнаго характера. Могутъ быть нѣкоторыя практическія препятствія и трудности, о которыхъ скажемъ ниже, но не можетъ быть никакихъ аргументовъ принципіальныхъ, по существу.

Впрочемъ, въ Россіи понятіе „политики" обыкновенно является довольно неяснымъ, и даже болѣе— „политикою" называется то, что не имѣетъ въ себѣ никакой политики, а служитъ только объектомъ по-

литики государственной или административной, и лишь благодаря активному или пассивному сопротивленію такой государственной политикѣ пріобрѣтаетъ политическое значеніе, стаетъ политическимъ факторомъ. Получается политика на изнанку, lucus a non lucendo. Политиканы упрекаютъ въ „политикѣ" противящихся ихъ политиканству,—желающихъ охранить отъ него и его пагубныхъ вліяній извѣстныя стороны жизни. Они переносятъ на политическую почву споры, которые въ глазахъ объективнаго наблюдателя не должны имѣть въ себѣ ничего политическаго. Правда, это имѣетъ мѣсто не только въ Россіи, но и вездѣ, гдѣ государство начинаетъ вести политику національную или религіозную, создаетъ для себя государственную національность или государственную религію и начинаетъ развивать ихъ на счетъ другихъ народностей и религій.

Я считалъ необходимымъ напомнить это прежде, чѣмъ сказать, что и другая половина вопроса—введеніе преподаванія въ университетахъ и иныхъ высшихъ школахъ на Украинѣ на украинскомъ языкѣ, если взглянуть на дѣло объективно, освободившись отъ политиканскихъ, предвзятыхъ взглядовъ,—также является вполнѣ ясной, естественной, не могущей вызывать противъ себя какихъ-либо принципіальныхъ возраженій.

Украинская народность существовала и существуетъ, не выдуманная, не созданная ни нами, ни нашими предками Ея зарожденіе выходитъ за всякія историческія границы, восходя къ отдаленнымъ временамъ дифференціаціи славянства, а дальнѣйшій процессъ ея формированія былъ точно также дѣломъ не какихъ-нибудь сознательныхъ факторовъ, а слѣпыхъ, стихійныхъ силъ—вліянія географическихъ, колонизаціонныхъ, экономическихъ и политическихъ условій въ ихъ разнородныхъ комбинаціяхъ и скрещеніяхъ. Разъ сложившись, сумма признаковъ, отличавшихъ украинскую народность отъ другихъ близкихъ народностей, имѣла

тенденцію увеличиваться, становиться все болѣе опредѣленной въ процессѣ расхожденія признаковъ этнографическихъ или національныхъ видовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ народность эта сознала свою національную способность, свою индивидуальность,—инстинктъ самосохраненія велѣлъ ей поддерживать эту индивидуальность, охранять ее отъ упадка и гибели, развивать ея внутреннее содержаніе. Этотъ инстинктъ самосохраненія теперь, когда эта народность выходитъ изъ состоянія летаргіи, въ которомъ держали ее запрещенія и репрессіи, велитъ намъ заботиться о ея дальнѣйшемъ всестороннемъ развитіи, если мы не желаемъ осудить ее на разложеніе и смерть. И однимъ изъ основныхъ требованій, наиболѣе естественно и логически вытекающихъ изъ стремленія къ развитію своей національной индивидуальности, является культура языка, какъ перваго признака народной особности и показателя культурной цѣнности народа.

Въ наши времена, когда нѣтъ болѣе старыхъ универсальныхъ культурныхъ языковъ, и каждая народность старается развивать на народномъ языкѣ культурную работу, необходимую для удовлетворенія своихъ культурныхъ запросовъ, и на родномъ языкѣ имѣть весь культурный запасъ, нужный для жизни и развитія своего общества,—культура языка стаетъ вопросомъ жизни и смерти, „быть или не быть" національнаго существованія. Отъ разрѣшенія этой задачи зависитъ, перейдетъ ли данный народъ въ ряды націй культурныхъ или останется въ положеніи низшихъ (minderwrthige) народностей, могущихъ удовлетворять собственными средствами лишь низшія культурныя потребности своего общества, а для удовлетворенія высшихъ запросовъ принужденныхъ обращаться къ чужой культурѣ, чужому языку, чужимъ учрежденіямъ. И каждая народность, пока она чувствуетъ въ себѣ необходимыя силы, сознательно и даже безсознательно, руководимая стихійною силой инстинкта, будетъ всегда стремиться къ тому, чтобы расширить сферу и гра-

ницы своей культуры (я говорю не о территоріальной, а идеальной сферѣ—стремленіи обнять возможно широкія области культурной жизни и ея проявленій), и поднять уровень, интенсивность, качество этой культуры. И пока эти стремленія народа къ поднятію своей культуры не затрагиваютъ интересовъ другихъ народовъ, не осуществляются на чужой счетъ,—они вполнѣ похвальны и законны. Наоборотъ, всякія стремленія со стороны правительства или общества задержать культурное развитіе какой нибудь народности, умышленно оставлять ее въ стадіи низшей культуры, чтобы на ея счетъ, ея средствами развивать собственную культуру,—являются злоупотребленіемъ, эксплоатаціей, актомъ насилія надъ самой благородной сферой человѣческаго существованія, грѣхомъ противъ человѣка и человѣческаго духа. Противъ нихъ должна всѣми силами бороться не только заинтересованная народность, не допуская столкнуть себя насильно въ положеніе менѣе культурныхъ, низшихъ народностей,—такія попытки должны бы встрѣчать осужденіе и порицаніе во всякомъ культурномъ человѣкѣ,—если бы сфера этики личной не была до сихъ поръ такъ рѣзко ограничена отъ этики классовой и національной. Во всякомъ случаѣ, и въ наше время въ глазахъ объективнаго свидѣтеля такія стремленія къ эксплоатированію болѣе слабыхъ народностей не могутъ не встрѣтить рѣшительнаго осужденія.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія этой культуры языка и достиженія полноты національной культурной жизни является вопросъ о роли даннаго языка въ высшей школѣ. Пока языкъ не нашелъ мѣста въ высшей школѣ, пока онъ не служитъ органомъ преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пока онъ не сталъ орудіемъ научной работы въ преподаваніи и литературѣ, до тѣхъ поръ общество, народность, говорящая на этомъ языкѣ, будетъ чувствовать себя въ положеніи „низшей“, культурно неполноправной націи. Она будетъ подозрѣ-

вать у всѣхъ такое оскорбительное мнѣніе о ней, предполагать, что ее не считаютъ за культурную народность, а ея языкъ за культурный языкъ. Академическая, университетская наука на данномъ языкѣ даетъ извѣстное свидѣтельство культурности, печать, са· he! культурной полноправности данной народности въ глазахъ современнаго человѣка. Независимо отъ численности этой націи, степени ея политическихъ, экономическихъ и культурныхъ силъ, практическихъ или духовныхъ дарованій, она чувствуетъ себя тогда культурной націей и сознаетъ за собою нравственное право требовать и отъ другихъ такого же отношенія къ себѣ: чтобы ее уважали и относились къ ней, какъ къ націи культурной, равноправной съ другими. Вотъ почему у всѣхъ народностей, добивавшихся на нашихъ глазахъ или и до сихъ поръ добивающихся своихъ національныхъ правъ или репутаціи культурной націи, видимъ мы стремленіе къ тому, чтобы имѣть *свою* высшую школу, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ, а если это является невозможнымъ, то по меньшей мѣрѣ добиться преподаванія въ университетахъ хоть нѣкоторыхъ предметовъ на родномъ языкѣ.

У украинскаго общества эти стремленія имѣютъ уже довольно длинную исторію. Оставляя въ сторонѣ украинскія (русинскія) каѳедры въ львовскомъ университетѣ при императорѣ Іосифѣ II, уже въ 1848 г. возникаетъ планъ преобразованія львовскаго университета въ университетъ украинскій, и хотя планъ этотъ впослѣдствіи заглохъ, но все-таки съ 1848 г. вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и преподаваніи въ львовскомъ университетѣ, а затѣмъ также и въ черновецкомъ сталъ живымъ и реальнымъ. Онъ не переставалъ интересовать украинское общество и подвигался впередъ, хотя и очень медленно, встрѣтившись съ оппозиціей со стороны beati possidentes. Во Львовѣ поляки захотѣли сохранить, лучше сказать—придать исключительно польскій характеръ университету, по идеѣ двоязычному, украинско-польскому. Въ Черновцахъ профессорскіе

сферы ревниво оберегали нѣмецкій характеръ своего университета. При томъ въ черновецкомъ университетѣ украинскій элементъ былъ до сихъ поръ слишкомъ слабъ для того, чтобы выступить въ этомъ вопросѣ сколько нибудь энергично. Наоборотъ, львовскій университетъ сталъ ареной упорной борьбы между украинской университетской молодежью и украинскимъ обществомъ—съ одной стороны, и польской профессорской корпораціей, шовинистически настроенной частью польской молодежи и польскимъ обществомъ—съ другой. Украинская сторона домогалась въ принципѣ основанія отдѣльнаго украинскаго университета, а пока это осуществится—учрежденія параллельныхъ украинскихъ каѳедръ по всѣмъ главнымъ предметамъ университетскаго курса. Польская сторона сочла своимъ долгомъ стать на стражѣ status quo, польскаго stanu posiadania, считая посягательствомъ на свое господство одинаково какъ требованія открытія новыхъ украинскихъ каѳедръ, такъ и планъ основанія отдѣльнаго украинскаго университета.

Но какъ ни малы были до сихъ поръ пріобрѣтенія австрійской Украины въ этой области, все же и тѣ десять украинскихъ каѳедръ, которыхъ она добилась, а еще болѣе — эта упорная борьба за украинскій университетъ, разгорѣвшаяся въ послѣдніе годы,—не переставали поддерживать у Украинцевъ въ Россіи сознаніе необходимости университетской украинской науки. Сознаніе это вытекало вполнѣ логически уже изъ самаго стремленія къ полнотѣ національнаго культурнаго развитія и жизни. Сознательная часть украинскаго общества въ послѣднія десятилѣтія проявила эти стремленія вполнѣ опредѣленно. Но все же существованіе готовыхъ уже украинскихъ каѳедръ по ту сторону Збруча и горячая борьба за полный украинскій университетъ, поднявшаяся тамъ,—не могутъ не служить импульсомъ для подобныхъ же стремленій у россійскихъ Украинцевъ. То, чего добилась уже и чего добивается небольшая часть украинскаго народа, поставленная въ значительно худшія экономическія,

культурныя и иныя условія, не могло не стать предметомъ стремленій огромнаго украинскаго населенія въ Россіи. И какъ только здѣсь явилась возможнось добиваться вообще чего-нибудь украинскаго, такъ сейчасъ же выступило требованіе введенія украинскаго языка въ высшую школу, а прежде всего—преподаванія на украинскомъ языкѣ въ университетахъ Украины предметовъ наиболѣе интересныхъ съ національной точки зрѣнія (языкъ, литература, исторія).

Что можно противоставить этому требованію? Доказывать невозможность такихъ курсовъ принципіально, съ научной точки зрѣнія, нельзя никоимъ образомъ, разъ въ австрійскихъ университетахъ преподаваніе на украинскомъ языкѣ украинской исторіи, литературы, языка, права ведется уже десятки лѣтъ вполнѣ успѣшно, на высотѣ научнаго уровня этихъ университетовъ. Могутъ встрѣтиться практическія препятствія, но ихъ легко устранить при отсутствіи непріязненнаго отношенія въ компетентныхъ сферахъ; о нихъ я скажу ниже. А внѣ этихъ чисто практическихъ затрудненій противъ требованія украинскихъ каѳедръ можно выступать, лишь отвергая вообще всякія стремленія украинской культурно-національной жизни. Требованіе допущенія украинскаго языка въ университетскомъ преподаваніи является настолько органическою составною частью украинскаго культурнаго развитія, что бороться съ этимъ требованіемъ—значитъ выступать противъ стремленій Украинцевъ къ культурному самоопредѣленію, культурно-національному развитію. Можно утверждать, какъ это и утверждаютъ, что введеніе украинскихъ дисциплинъ, украинизація высшей школы на Украинѣ вредно отразится на научной жизни, на культурѣ „общерусской“ (т. е. великорусской), такъ какъ отвлечетъ отъ нея украинскія силы. Можно повторять старыя, затасканныя фразы о томъ, что украинство не имѣетъ почвы для національной культурной жизни и стремленіе къ такой высшей культурѣ искусственно раздуто незначительной группой украинскихъ фанта-

стовъ, и т. д. Подобныя рѣчи будутъ, несомнѣнно, еще долго повторяться среди людей, вообще враждебно настроенныхъ по отношенію къ украинскому культурному движенію.

Можно предоставить свободному усмотрѣнію—вѣрить этимъ фразамъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, на основаніи ихъ ставить препятствія украинскому культурному движенію, а въ частности—стремленіямъ къ проведенію украинскаго языка въ стѣны школы—это значитъ ставить препятствія украинской общественной жизни, нарушать ея права, насиловать ея органическія потребности. Кто можетъ требовать отъ украинскаго общества, чтобы въ интересахъ развитія великорусской культуры оно отказалось отъ своей собственной культурной жизни и ея развитія? Кто уполномоченъ отказать украинскому обществу въ моральномъ правѣ на извѣстныя національныя требованія, объявить эти требованія искусственными, а не реальными, въ то время какъ они логически вытекаютъ изъ стремленій къ развитію народности существующей, сложившейся путемъ тысячелѣтняго процесса?

Когда тысячи студентовъ Украинцевъ домогаются отъ своихъ университетовъ, чтобы извѣстные предметы преподавались имъ по-украински,—то это для безпристрастнаго человѣка, не ослѣпленнаго „посторонними соображеніями", вполнѣ рѣшаетъ вопросъ. Требованіе предъявляютъ люди, интересамъ которыхъ университетъ долженъ служить прежде всего.

И требованіе не какого-либо экстравагантнаго характера, а вполнѣ понятное, логическое, съ точки зрѣнія культурнаго развитія самой университетской молодежи и того общества, которое она представляетъ,—вполнѣ оправдываемое и законное. Ставить препятствія осуществленію этого требованія, выдвигать затрудненія, обнаруживать несочувствіе къ нимъ—значитъ политиканствовать, вносить въ ясное и чистое культурно-научное дѣло элементы національнаго шовинизма или полицейскихъ соображеній. Это значитъ политику от-

крытыхъ запрещеній всякихъ проявленій украинской національной жизни замѣнять системою мелкихъ барьеровъ и придирокъ. Профессорскимъ корпораціямъ и университетскимъ сферамъ такая роль безусловно не къ лицу.

Очень часто противъ требованія университетскаго преподаванія на украинскомъ языкѣ аргументируютъ тѣмъ, что въ университетахъ въ Россіи преподаваніе должно, дескать, вестись исключительно на государственномъ—русскомъ языкѣ. Что допущеніемъ разноязычія нарушается универсальный характеръ университетской науки. Что университетскія лекціи должны быть доступны для всѣхъ студентовъ, а это возможно лишь при преподаваніи на государственномъ, русскомъ языкѣ. Что составъ студентовъ въ университетахъ на Украинѣ не однообразный—украинскій, а смѣшанный, и изъ этого возникаютъ непреодолимыя затрудненія для преподаванія на украинскомъ языкѣ.

Я умышленно привелъ эти аргументы вмѣстѣ, такъ какъ ихъ обыкновенно высказываютъ, поддерживая одинъ другимъ. Очевидно, сами представители этихъ соображеній чувствуютъ слабость этихъ аргументовъ и потому выдвигаютъ ихъ не въ отдѣльности, какъ разрозненные прутья, а цѣлымъ пучкомъ, въ той надеждѣ, что въ такомъ случаѣ ихъ труднѣе будетъ сломить. А то обстоятельство, что эти аргументы повторяются такъ часто, какъ только заходитъ рѣчь объ украинскомъ языкѣ въ университетѣ, наилучшимъ образомъ показываетъ, какъ трудно найти какой нибудь сильный аргументъ противъ него, если приходится прибѣгать къ помощи такихъ несерьезныхъ, неубѣдительныхъ соображеній.

Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну имѣетъ аргументъ что наука въ университетѣ должна вестись на языкѣ государственномъ, спеціально въ Россіи по-русски? Развѣ во времена наибольшаго напряженія абсолютизма въ Россіи, во второй четверти и въ серединѣ XIX в. не существовалъ нѣмецкій университетъ въ Дерптѣ,

польскій—въ Вильнѣ и Варшавѣ? Преподаваніе на этихъ языкахъ было уничтожено въ то время, когда на школу вообще въ бюрократическихъ сферахъ стали смотрѣть, какъ на орудіе обрусѣнія, національной нивелляціонной политики. Но едвали кто нибудь рѣшится доказывать, что такой взглядъ на школу есть неизбѣжный атрибутъ государственности.

И если правительственные взгляды на школу и школьную систему теперь вообще довольно значительно отступили отъ прежней системы абсолютнаго однообразія и исключенія мѣстныхъ языковъ и мѣстныхъ предметовъ, то почему въ отношеніи высшей школы нельзя говорить вполнѣ серьезно о допущеніи преподаванія на языкахъ украинскомъ, польскомъ и иныхъ? Утверждать, что университетская наука должна преподаваться только на государственномъ языкѣ—значитъ обнаруживать только полное собственное незнаніе или разсчитывать на незнаніе публики. Развѣ мы не видимъ цѣлыхъ университетовъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на мѣстныхъ языкахъ, а не на языкѣ государственномъ? Въ сосѣдней Австріи государственный языкъ нѣмецкій, но Чехи имѣютъ чешскій государственный университетъ, Поляки—польскіе университеты, Русины и Румыны отдѣльные курсы, преподаваемые по украински, по-румынски. Вопросъ о языкѣ преподаванія въ школахъ низшихъ или высшихъ не зависитъ отъ вопроса о государственномъ языкѣ и его должно разрѣшать съ точки зрѣнія просвѣтительныхъ и культурныхъ интересовъ мѣстнаго населенія.

Что до универсализма университетской науки, то съ формальной точки зрѣнія—со стороны языка преподаванія, она утратила этотъ универсальный характеръ давнымъ-давно,— съ того времени, какъ мѣсто одного универсальнаго языка—латинскаго, заняли различные культурные языки. Въ средніе вѣка студентъ слушалъ науку на одномъ, латинскомъ языкѣ одинаково въ Англіи, Германіи, Италіи и въ западно-славянскихъ земляхъ. Теперь, отправляясь въ Германію, онъ слушаетъ лекцію

на нѣмецкомъ языкѣ, во Франціи—по французски, и такъ точно не будетъ ничего удивительнаго, если и въ предѣлахъ одного государства исчезнетъ однообразіе въ университетской наукѣ, въ языкѣ преподаванія. Политическое единство нисколько не связано съ культурымъ, а школьный языкъ, очевидно, принадлежитъ къ области культуры. Никого не удивляетъ и не поражаетъ, когда студентъ, прослушавши въ теченіе одного двухъ лѣтъ украинскіе или польскіе курсы во Львовѣ, ѣдетъ на годъ въ Прагу и слушаетъ лекціи на чешскомъ языкѣ, ѣдетъ въ Вѣну, гдѣ слушаетъ нѣмецкія лекціи, точно также какъ, отправившись въ Парижъ, онъ слушалъ бы лекціи французскія, а въ Петербургѣ—русскія. Это дѣло студента, и онъ идетъ туда, куда влекутъ его интересы или личныя обстоятельства. Если онъ понимаетъ тамошній языкъ преподаванія, то ему не представляется никакихъ затрудненій, если нѣтъ—онъ отправляется туда, гдѣ найдетъ понятный языкъ. Съ того времени, какъ универсальный научный языкъ замѣненъ различными культурными языками, отъ самого человѣка стало зависѣть—знаніемъ культурныхъ языковъ расширять область, изъ которой онъ можетъ почерпать для себя культурный матеріалъ, и этимъ достигается универсализмъ, а не заботами объ однообразіи въ границахъ даннаго государства и искусственнымъ развитіемъ въ немъ государственной культуры и языка.

Разноязычіе въ преподаваніи, какъ извѣстнаго рода компромиссъ культурныхъ потребностей различныхъ народовъ, населяющихъ данный край, или какъ компромиссъ культурныхъ запросовъ мѣстной народности съ интересами народности государственной культуры, покровительствуемой правительствомъ, практикуется теперь очень часто. Компромиссъ перваго рода неизбѣженъ, когда данную страну заселяютъ нѣсколько народностей въ довольно сильно выраженной пропорціи, при этомъ нѣтъ возможности основать для каждой изъ нихъ особые университеты. Компромиссъ государственныхъ интересовъ съ культурными потребностями мѣст-

ной народности вытекаетъ изъ неправильнаго принципа преимущественнаго покровительства государственной культурѣ за счетъ развитія культуры народностей не государственныхъ, и потому не имѣетъ подъ собою такихъ реальныхъ основаній, какъ компромиссъ, осуществляемый въ интересахъ мѣстныхъ народностей. Но по тѣмъ или инымъ мотивамъ, разноязычность въ университетскомъ преподаваніи практикуется широко и сама по себѣ не вредитъ интересамъ университетской науки и не вноситъ какого нибудь нежелательнаго броженія въ отношенія студентовъ или профессоровъ. Правда, она не всегда способна и нейтрализовать національные ферменты, если представители одной народности умышленно держатъ въ черномъ тѣлѣ представителей другой и въ университетской сферѣ, противятся выдѣленію иноязычныхъ каѳедръ въ особые факультеты, и т. п.,—но вызываются эти ферменты не разноязычностью.

Въ своемъ практическомъ осуществленіи разноязычность также вовсе не такъ страшна. Въ университетское преподаваніе вводятся мѣстный языкъ или нѣсколько мѣстныхъ языковъ) рядомъ съ государственнымъ. Мѣстнымъ жителямъ, при нормальныхъ условіяхъ, благодаря совмѣстной жизни, мѣстные языки въ извѣстной степени знакомы. Если нѣтъ предвзятой враждебности, умышленнаго пренебреженія одной народностью другой, то мѣстные студенты могутъ слушать лекціи на различныхъ мѣстныхъ языкахъ. Но обыкновенно на практикѣ бываетъ такъ, что всѣ главные, обязательные предметы факультетскихъ программъ преподаются на какомъ-нибудь одномъ языкѣ—будетъ ли это языкъ государственный, или одинъ изъ мѣстныхъ, по какимъ-либо причинамъ занявшій мѣсто основного языка въ университетскомъ преподаваніи. Рядомъ съ такимъ основнымъ языкомъ преподаются на другомъ языкѣ извѣстные курсы—или посвященные дисциплинамъ, такъ сказать, національнымъ (языку, литературѣ, исторіи

данной народности), или параллельные курсы по главнѣйшимъ предметамъ программы, съ цѣлью дать возможность студентамъ другой народности выслушать на своемъ языкѣ хотя главнѣйшіе предметы избранной спеціальности. Такимъ образомъ, если студентъ не имѣетъ желанія слушать лекціи на другомъ языкѣ, а только на основномъ такъ сказать, то ничто его и не принуждаетъ къ тому. Съ него будетъ вполнѣ достаточно тѣхъ курсовъ, какіе преподаются на основномъ языкѣ, и остается дѣломъ его доброй воли и охоты выслушать какіе-нибудь курсы на другомъ университетскомъ языкѣ или нѣтъ. Если онъ захочетъ ихъ слушать, то его дѣло позаботиться о томъ, чтобы понимать лекціи, точно также какъ въ томъ случаѣ, если бы этотъ студентъ пожелалъ выслушать нѣкоторые курсы въ другомъ, иноязычномъ университетѣ. Но, повторяю, для мѣстныхъ людей обыкновенно и второй языкъ, употребляемый въ университетскомъ преподаваніи, въ извѣстной степени всегда знакомъ.

Послѣ сказаннаго станетъ очевидною неосновательность и того аргумента, будто-бы университетскія лекціи должны быть понятны для каждаго студента, и если составъ студентовъ даннаго университета не однороденъ, то не можетъ быть иного языка преподаванія, какъ только всѣмъ доступный государственный языкъ: если въ университетахъ Украины только часть студентовъ Украинцы, а другіе принадлежатъ къ инымъ націямъ, то не можетъ быть украинскихъ курсовъ, такъ какъ они будутъ недоступны другимъ студентамъ. Если мы видимъ, что возможны цѣлые университеты съ мѣстнымъ, а не государственнымъ языкомъ въ преподаваніи, то тѣмъ болѣе мыслимы отдѣльныя каѳедры и курсы на мѣстномъ языкѣ, наряду съ преподаваніемъ на языкѣ государственномъ. При такомъ порядкѣ обязательные предметы преподаются на государственномъ языкѣ, а рядомъ съ ними имѣютъ мѣсто нѣкоторые спеціальные или параллельные курсы на языкѣ мѣстномъ; если этотъ языкъ представляетъ трудности для

кого-нибудь изъ студентовъ, то онъ можетъ пройти свой обще-университетскій курсъ безъ нихъ, точно также какъ онъ можетъ не выслушать того или иного спеціальнаго, необязательнаго курса на доступномъ ему языкѣ. Когда въ какомъ-либо изъ университетовъ на Украинѣ будутъ преподаваться по-украински исторія, языкъ, литература Украины, то студенты, непонимающіе украинскаго языка, смогутъ проходить и впредь университетъ, не слушая этихъ предметовъ, точно также, какъ не слушали ихъ до сихъ поръ. Цѣлые вѣка существовали эти университеты на Украинѣ, и профессорскія корпораціи не замѣчали, что ихъ студентамъ слѣдовало бы прослушать курсъ исторіи Украины, или курсъ украинскаго языка, или исторію украинской литературы. И только теперь, когда поставлено требованіе, чтобы эти предметы преподавались на украинскомъ языкѣ, въ профессорскихъ кругахъ слышатся опасенія: а что, если окажутся студенты, не знающіе украинскаго языка, но желающіе прослушать эти предметы?

Очевидно, что если эти студенты серьезно интересуются украинскими дисциплинами, то они сумѣютъ усвоить украинскій языкъ на столько, чтобы понимать лекціи на украинскомъ языкѣ,—точно также какъ усвоитъ чешскій или польскій языкъ тотъ студентъ, который захочетъ познакомиться съ какими-нибудь чешскими или польскими дисциплинами въ одномъ изъ чужихъ университетовъ. Разница только въ томъ, что студенты изъ мѣстныхъ уроженцевъ и безъ изученія обладаютъ обычно нѣкоторымъ знаніемъ украинскаго языка. А если этотъ интересъ не такъ серьезенъ, чтобы для этой цѣли студентъ рѣшился расширять свои свѣдѣнія въ украинскомъ языкѣ, то очевидно, что о такихъ несерьезныхъ интересахъ вовсе нечего заботиться профессорской корпораціи. Если она не тревожилась тѣмъ, что всѣ студенты не могли слушать украинскихъ дисциплинъ, то пусть не тревожитъ ее, что кому-либо изъ студентовъ украинскія дисциплины будутъ не

достаточно доступны въ будущемъ. А если бы на самомъ дѣлѣ оказалось, что украинскіе предметы привлекаютъ много студентовъ, мало понимающихъ украинскій языкъ, то на это есть иной способъ. Тогда рядомъ съ преподаваніемъ извѣстныхъ украинскихъ дисциплинъ по-украински нужно ввести преподаваніе тѣхъ курсовъ, на которые есть много желающихъ, также по-великорусски. Но нѣсколько смѣшно говорить объ этомъ, если до сихъ поръ украинскія дисциплины не считались необходимыми совсѣмъ, а теперь такъ считается желательнымъ обезпеченіе возможности слушать ихъ не-Украинцамъ.

Нельзя во всякомъ случаѣ стать на такой точкѣ зрѣнія, на какой стала одесская профессорская корпорація въ своемъ отвѣтѣ на студенческія петиціи по вопросу объ украинскихъ каѳедрахъ—что о языкѣ преподаванія рѣшаетъ составъ аудиторіи: если большинство будутъ составлять Украинцы, преподаваніе должно вестись по-украински, если будутъ преобладать не-Украинцы, преподаваніе будетъ вестись на великорусскомъ языкѣ. Я имѣлъ случай тогда же [1]) указать на нераціональность подобнаго условія. Ставить дѣло такимъ образомъ—это значитъ не понимать значенія требованій преподаванія на украинскомъ языкѣ и смѣшивать ихъ съ требованіемъ преподаванія украинскихъ дисциплинъ вообще, независимо отъ языка, на которомъ онѣ будутъ преподаваться. Изъ вышесказаннаго вполнѣ ясно, что это двѣ совершенно различныя вещи. Преподаваніе извѣстныхъ университетскихъ курсовъ на украинскомъ языкѣ—это постулатъ культурно національнаго развитія. Если университетъ хочетъ быть лояльнымъ по отношенію къ этому постулату украинской народности и признаетъ въ принципѣ потребность, желательность преподаванія по-украински, то онъ не долженъ ставить дѣло въ зависимость отъ того обстоятельства найдутся или не найдутся среди

[1]) Статья: „Українські кафедри“. Громадська Думка № 23.

студентовъ желающіе слушать тотъ же самый украинскій курсъ по-русски. Если было бы рѣшено ввести преподаваніе украинской литературы по-украински и нашлось бы для этого извѣстное число слушателей, а другіе заявили бы желаніе выслушать тотъ же курсъ по-русски, то никакъ нельзя ради послѣднихъ пожертвовать украинскимъ курсомъ. Хотя бы даже ихъ было больше, чѣмъ желающихъ слушать лекціи на украинскомъ языкѣ, а не два-три только (мнѣ приходится слышать и такіе голоса, что хотя бы два-три студента заявили, что они по-украински не понимаютъ, а хотятъ слушать лекціи на русскомъ языкѣ, то ужъ нельзя читать ихъ по-украински). Если бы университетъ захотѣлъ удовлетворить ихъ желаніе, то могъ бы дать параллельный курсъ по-великорусски. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя лишать Украинцевъ украинскихъ курсовъ въ университетахъ Украины ради того, чтобы удовлетворить желающихъ выслушать тотъ-же курсъ на великорусскомъ языкѣ.

Повторяю еще разъ то, что я указалъ уже въ началѣ настоящей статьи: это двѣ совершенно различныя вещи—преподаваніе украинскихъ дисциплинъ, независимо отъ языка преподаванія, и преподаваніе на украинскомъ языкѣ. Первое—это постулатъ не только украинскій, а и общенаучный, второе—это требованіе украинскаго культурно-національнаго развитія. Каждый Украинецъ, сознающій культурно-національные интересы своего народа, долженъ въ принципѣ стоять за то, чтобы въ университетахъ Украины всѣ курсы университетской программы преподавались на украинскомъ языкѣ. Но идеямъ свободнаго національнаго развитія негосударственныхъ народностей нужно сдѣлать еще большіе успѣхи въ Россіи, прежде чѣмъ требованіе украинскихъ университетовъ можно будетъ ставить, какъ требованіе настоящаго, имѣющее осуществиться немедленно, въ данный моментъ. Политическій кризисъ затягивается, а съ нимъ затягивается и принципіальное рѣшеніе національнаго вопроса. Не касаясь

поэтому принципіальной стороны, Украинцы въ университетскомъ вопросѣ ставятъ на очередь тѣ минимальныя требованія, которыя, такъ сказать, должны послужить пробнымъ камнемъ доброй воли университетскихъ и иныхъ профессорскихъ корпорацій по отношенію къ культурнымъ нуждамъ украинской народности. Это требованія введенія въ высшихъ школахъ Украины, прежде всего въ университетахъ, преподаванія на украинскомъ языкѣ извѣстныхъ предметовъ, наиболѣе интересныхъ и цѣнныхъ съ точки зрѣнія украинской культурной жизни.

Съ другой стороны, въ интересахъ не только студентовъ-Украинцевъ, но и въ интересахъ университетской науки, научнаго движенія и прогресса вообще необходимо созданіе каѳедръ для различныхъ украинскихъ дисциплинъ. Не претендуя на абсолютную полноту, я, на основаніи своихъ наблюденій надъ университетской практикой и современнымъ научнымъ движеніемъ, считалъ бы желательнымъ осуществленіе такихъ каѳедръ и курсовъ въ университетахъ Украины— если не въ каждомъ изъ нихъ, то, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы всѣ они въ совокупности давали постоянные курсы по этимъ предметамъ:

Украинскій языкъ—фонетика, морфологія, синтаксисъ, исторія языка, діалектологія, исторія украинской филологіи.

Украинская литература—исторія письменности и книжности на Украинѣ отъ древнѣйшихъ временъ; исторія устнаго творчества; развитіе національной литературы.

Украинскій фольклоръ, его исторія, въ тѣсной связи съ исторіей письменности (какъ выше) и культуры, и фольклоръ современный. Если бы на практикѣ это оказалось возможнымъ, фольклоръ могъ бы быть соединенъ въ одну каѳедру съ литературой. Но эта возможность довольно сомнительна, и лучше было бы, въ интересахъ этой науки, выдѣлить ее, хотя бы въ

нѣкоторыхъ университетахъ, какъ предметъ необычайно важный, обширный и богатый матеріаломъ.

Исторія украинскаго народа и украинской территоріи съ древнѣйшихъ временъ. Въ виду негосударственнаго характера украинской народности, въ исторіи ея на всемъ протяженіи необходимо придавать особенное значеніе общественной, экономической и культурной сторонѣ жизни, даже въ періоды государственной жизни Украины. Обзоръ источниковъ. Исторіографія.

Вспомогательныя историческія науки: палеографія, дипломатика, сфрагистика и т. п., въ приложеніи къ рукописямъ и актовому матеріалу Украины. Обзоры библіотекъ и архивовъ, важныхъ для украинской исторіи и филологіи.

Исторія украинскаго искусства—въ курсъ ея должны быть включены обзоры элементовъ искусства въ современной жизни украинскаго народа.

Археологія Украины, этнологія и антропологія украинскаго населенія. Эти три дисциплины въ современной научной разработкѣ стоятъ въ тѣсной и нераздѣльной связи между собою и трактовать ихъ слѣдуетъ въ такой же связи. Въ совокупности онѣ представляютъ огромное поле для изслѣдованія и имѣютъ высокій интересъ для историка культуры и всякаго, интересующагося жизнью украинскаго народа. Если на практикѣ эти науки не могутъ быть представлены однимъ профессоромъ, то должны быть раздѣлены между нимъ и доцентами.

Украинское право—кодифицированное и обычное: исторія права кодифицированнаго и обычнаго; кодификаціи украинскія; чужіе кодексы, примѣнявшіеся на Украинѣ; кодификаціи, стоявшія подъ вліяніемъ украинскаго права и его традицій; современное обычное право. При тѣсной связи оффиціальнаго права съ обычнымъ (законодательство очень часто имѣетъ своимъ источникомъ нормы обычнаго права, и наоборотъ —въ обычномъ правѣ сохраняются нормы прежнихъ законовъ, уже утратившихъ обязательную силу) ихъ

изслѣдованіе должно идти параллельно, какъ въ исторіи, такъ и въ современномъ обзорѣ.

Не знаю, можно ли будетъ на практикѣ соединить съ этой каѳедрой или пришлось бы выдѣлить особо очень важный курсъ: обзоръ политическаго и административнаго строя разныхъ частей украинской территоріи, входящихъ въ составъ разныхъ государствъ и дѣйствующихъ въ нихъ законодательствъ.

Далѣе—географія (физическая) украинской территоріи. Климатологія. Метеорологія.

Экономика и статистика Украины, въ связи съ экономической исторіей и экономической географіей.

Статистика и географія медицинскія; народная жизнь въ медицинско-санитарномъ отношеніи; медицинская климатологія Украины.

Повторяю, я не претендую ни на полноту, ни на точность системы и классификаціи перечисленныхъ дисциплинъ—я высказываю эти дезидераты, какъ результатъ личныхъ наблюденій. Но, можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ скорѣе защищаться противъ иного упрека—что я изобрѣлъ массу дисциплинъ и среди нихъ каѳедры неслыханныя, неизвѣстныя вообще въ университетской практикѣ. Однако, приглянувшись ближе, въ этомъ рядѣ дисциплинъ нельзя найти ни одной, которая не входила бы, по крайней мѣрѣ отчасти, если не прямо, то косвенно въ университетскіе курсы, или же не проникала бы въ эти курсы теперь, подъ давленіемъ новыхъ направленій въ наукѣ, въ современной культурѣ,—не являлась дезидератомъ современной университетской науки или не преподавалась, въ дополненіе къ университетскимъ программамъ, въ иныхъ, спеціальныхъ школахъ—какъ, напр., школы антропологическія, археологическіе институты и т. п. Нѣтъ надобности держаться университетскихъ шаблоновъ въ созданіи такой новой области, какой будетъ система украинскихъ дисциплинъ, наоборотъ—нужно использовать тѣ указанія на новыя сферы изслѣдованія и науки, какія представляетъ современная научная жизнь. Съ

другой стороны, въ виду основного характера украинства, какъ теченія негосударственнаго и въ основѣ своей глубоко демократическаго, связаннаго всѣми нервами съ народной жизнью,—украиновѣдѣніе должно выйти за тѣ границы, въ какихъ держатся традиціонныя системы университетскихъ дисциплинъ, выросшія на почвѣ государственной жизни и привыкшія обращать главное вниманіе на проявленія этой жизни, на ея офиціальныя, казовыя стороны.

Далѣе, выходя изъ того положенія, что университеты на Украинѣ должны дать полную систему украиновѣдѣнія, я поставилъ эти дезидераты. Но это не значитъ, что непремѣнно долженъ быть созданъ такой рядъ изъ 12 (или сколько бы ихъ ни было) каѳедръ. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ украинскихъ дисциплинъ, возможно, найдутъ себѣ мѣсто въ видѣ спеціальныхъ курсовъ при общихъ каѳедрахъ. Особыя каѳедры придется создать для нихъ въ томъ лишь случаѣ, если вслѣдствіе соединенія съ общими курсами онѣ окажутся въ пренебреженіи. Необходимо, чтобы такіе курсы существовали, и это уже дѣло факультетовъ позаботиться объ обезпеченіи ихъ путемъ выдѣленія въ особыя каѳедры въ томъ случаѣ, если бы оказалось невозможнымъ обезпечить имъ постоянное и опредѣленное мѣсто въ университетскомъ преподаваніи въ связи съ общими курсами. Затѣмъ, какъ я сказалъ выше, на первыхъ порахъ университеты Украины могли бы подѣлить между собою дисциплины, менѣе разработанныя, менѣе необходимыя: однѣ дисциплины имѣли бы свои каѳедры или обезпеченные курсы въ одномъ университетѣ, другія—въ другомъ и т. д. Такимъ образомъ на практикѣ для каждаго университета дѣло сводилось бы къ основанію четырехъ—пяти каѳедръ (или доцентуръ) и обезпеченію нѣкоторыхъ курсовъ путемъ порученія лицамъ, занимающимъ иныя, уже существующія каѳедры.

Актомъ лойяльности по отношенію къ стремленіямъ украинскаго общества и украинской молодежи со сто-

роны университетскихъ корпорацій будетъ немедленное введеніе преподаванія хотя нѣкоторыхъ украинскихъ дисциплинъ на украинскомъ языкѣ. На первую очередь должны быть выдвинуты наиболѣе важные и интересныя въ національномъ отношеніи предметы какъ украинскій языкъ, литература и исторія.

Практическія препятствія при этомъ вовсе не такъ велики, чтобы предъ ними останавливаться, и во всякомъ случаѣ они не должны и не могутъ удерживать университетскія корпораціи отъ почина въ этомъ направленіи.

Каѳедры учреждаетъ министерство, но иниціатива, проекты, планы—дѣло факультетовъ, университетовъ, и отъ нихъ они должны исходить. Когда всѣ университеты Украины энергично возьмутся за осуществленіе украинскихъ курсовъ, министерство, навѣрное, не долго устоитъ въ сопротивленіи, если бы и сопротивлялось вначалѣ. Но ждать, пока министерство само займется этимъ вопросомъ, и уклоняться отъ инціативы—университетамъ въ высокой степени не къ лицу.

Еще болѣе могутъ сдѣлать профессорскія корпораціи въ томъ случаѣе, когда вопросъ идетъ лишь о выдѣленіи нѣкоторыхъ дисциплинъ изъ существующихъ университетскихъ курсовъ и порученіи ихъ спеціальнымъ преподавателямъ. Напримѣръ, если изъ русской исторіи „выдѣляется“ исторія Украины, изъ „русскаго языка“ языкъ украинскій и т. д. Также точно, если рядомъ съ какой либо каѳедрой образуется доцентура для украинской отрасли этой науки. Съ формальной стороны университетъ здѣсь обладаетъ гораздо большею свободой дѣйствій, а между тѣмъ такіе „выдѣленные“ курсы служатъ осованіемъ для отдѣльныхъ самостоятельныхъ каѳедръ. Даже и извѣстныя средства для вознагражденія лицъ, которымъ будетъ поручено преподаваніе украинскихъ дисциплинъ, университеты обыкновенно имѣютъ на лицо въ видѣ остатковъ отъ содержанія личнаго состава. Такимъ образомъ при доброй волѣ университетскія корпораціи безусловно могутъ сдѣлать

очень много для того, чтобы дать движеніе этому дѣлу и осуществить,—если не каѳедры, то доцентуры или курсы по разнымъ украинскимъ предметамъ и даже—на украинскомъ языкѣ. Всякія препятствія упадутъ, если университеты дѣйствительно возьмутся за это дѣло искренно и энергично.

Еще меньше можно говорить о препятствіяхъ, возникающихъ изъ недостатка подготовленныхъ профессорскихъ силъ. Просматривая вышеприведенный, довольно длинный реестръ желательныхъ каѳедръ, я не могу найти ни одной, для которой не возможно было бы найти преподавательской силы, даже при преподаваніи на украинскомъ языкѣ. Не говорю уже о тѣхъ дисциплинахъ, которыя ставятся въ первую очередь—каковы языкъ, литература, исторія. Профессора для нихъ въ достаточномъ числѣ найдутся и въ Россіи, не говоря о заграницѣ. И наряду съ кандидатами уже извѣстными готовыми. признанными, найдется не мало людей, которые охотно посвятили бы себя спеціальнымъ занятіямъ въ томъ или иномъ направленіи, зная, что для данной дисциплины нужны профессора, что извѣстная каѳедра рѣшена хотя бы въ принципѣ и для нея требуются преподавательскія силы. Планъ каѳедръ, предложенный выше, составляетъ задачу не одного дня, и пока онъ осуществится вполнѣ, будетъ достаточно времени для того, чтобы пріискать силы для этихъ каѳедръ, и для того, чтобы кандидатамъ подготовиться къ этимъ каѳедрамъ. А пробѣлы въ самой научной обработкѣ дисциплинъ будутъ заполнены лишь съ введеніемъ ихъ въ кругъ академическихъ занятій. Всѣ эти дисциплины уже настолько подготовлены, что введеніе ихъ въ программу университетовъ и другихъ высшихъ школъ вполнѣ возможно, а „прочее приложится“.

И вообще все „прочее приложится“, лишь бы университетскія корпораціи Украины обнаружили добрую волю въ этомъ дѣлѣ, оказали ему искреннее сочувствіе, принявъ рѣшенія относительно введенія украинскихъ курсовъ и украинскаго преподаванія и употребивъ

всѣ усилія къ тому, чтобы эти постановленія были осуществлены. Пусть это будутъ каѳедры, доцентуры или спеціальные курсы при существующихъ каѳедрахъ, главное въ томъ—чтобы такіе курсы были. Гдѣ возможно—пусть читаются они по-украински, гдѣ дѣйствительно невозможно—хоть по великорусски на первыхъ порахъ. Нужна только добрая, искренняя охота! Невозможнаго не требуетъ отъ университетскихъ корпорацій Украины ни украинское общество, ни украинская академическая молодежь. И профессорскія корпораціи должны дать доказательство того, что онѣ принимаютъ къ сердцу ихъ желанія и заботятся объ ихъ осуществленіи. Въ интересахъ самой высшей школы необходимо, чтобы ихъ профессорскія корпораціи были не бюрократическими присутствіями по университетскимъ дѣламъ, а живыми органами, чуткими къ научнымъ нуждамъ и культурнымъ запросамъ мѣстнаго общества. Школа, утрачивающая живую связь съ жизнью, неизбѣжно осуждаетъ себя на мертвенность, упадокъ, безсиліе, утрату всякаго вліянія на жизнь и общество.

Надѣемся, что этого не случится съ высшей школой Украины, и въ настоящемъ критическомъ вопросѣ объ украинскихъ каѳедрахъ она въ концѣ концовъ выйдетъ изъ своей нерѣшительности и колебаній и засвидѣтельствуетъ свою живую связь съ почвой, на которой живетъ.

Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи.

(Нѣсколько иллюстрацій къ вопросу: автономія областная или національно-территоріальная).

I.

Галиція—ея политическія, соціально-экономическія и національныя отношенія—представляютъ крупный интересъ для всякаго, интересующагося вопросами политической и соціальной перестройки Россіи. Составляя непосредственное продолженіе областей, входящихъ въ составъ Россіи—т. н. Югозападнаго края и Царства Польскаго, и до сихъ поръ, послѣ почти полуторавѣковаго отдѣленія отъ нихъ сохраняя очень много сходства или близкихъ аналогій, очень много общаго и тождественнаго съ условіями этихъ областей Россіи,—она вотъ уже почти полвѣка живетъ въ условіяхъ конституціонной жизни. Участвуетъ въ общей парламентской жизни государства, имѣетъ областную автономію, пользуется—de jure по крайней мѣрѣ всяческими „равноправіями" и „гарантіями" общественнаго и экономическаго развитія. И въ высшей степени интересно и поучительно слѣдить за сочетаніями этихъ конституціонныхъ формъ и факторовъ съ условіями старой жизни—какъ искажались принципы конституціоннаго строя на почвѣ старыхъ сословныхъ и національныхъ отношеній, какъ обращало ихъ въ пустой звукъ господство традиціонной польской „общественной іерархіи", оставшейся безраздѣльнымъ господиномъ края, и какъ, какими дорогами

шло въ борьбѣ съ нею оппозиціонное движеніе обдѣленныхъ массъ и непривиллегированныхъ народностей.

Галиція прославилась крайними злоупотребленіями, извращеніями конституціонныхъ формъ, крайнимъ напряженіемъ національной борьбы, парализующей всякое культурное и экономическое движеніе ея. Для всѣхъ, интересующихся проблемою политическаго и соціальнаго обновленія Россіи, весьма полезно принять къ свѣдѣнію моменты, приведшіе къ этимъ печальнымъ явленіямъ край, поставленный въ столь аналогическія условія съ Западною Россіею подъ конституціоннымъ режимомъ, и использовать политическій опытъ Галиціи для предстоящаго переустройства Россіи, въ особенности—ея западныхъ частей. Не имѣя намѣренія исчерпать всѣ причины тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ живетъ населеніе Галиціи, я укажу только нѣкоторые „уроки", какіе даетъ она устроителямъ будущихъ отношеній Россіи.

Самъ конституціонный режимъ, безъ улучшенія соціально-экономическихъ условій существованія народныхъ массъ, при наличности всего наслѣдства старыхъ сословныхъ, феодальныхъ отношеній, принесъ весьма мало пользы населенію.

Теоретическое признаніе равноправія народностей безъ всякихъ серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію нестѣсняемаго культурно національнаго развитія и самоопредѣленія для народностей политически и экономически обдѣленныхъ, къ защитѣ ихъ отъ притязаній народностей, занявшихъ привиллегированное положеніе, лишь обострило національную борьбу и затормозило экономическое и культурное развитіе края.

Широкая областная автономія, съ устраненіемъ почти всякаго вліянія центральнаго управленія, служитъ только къ укрѣпленію вліянія господствующихъ классовъ и эксплоатаціи ими экономически и политически обдѣленныхъ, если она не основана на широкихъ демократическихъ началахъ, не гарантируетъ широкаго контроля надъ органами самоуправле-

нія и отвѣтственности администраціи, находящейся подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ тѣхъ же привиллегированныхъ группъ, въ рукахъ которыхъ находится самоуправленіе.

Областная автономія въ областяхъ, составленныхъ изъ разноплеменныхъ территорій, должна уступить мѣсто автономіи національно-территоріальной, если не желаетъ служить эксплоатаціи слабѣйшихъ народностей сильнѣйшими; принципъ исторической группировки территорій рѣшительно долженъ уступить мѣсто группировкѣ этнографической.

Предлагаемыя статьи имѣютъ въ виду дать матеріалъ для уясненія этихъ положеній, главнымъ образомъ въ приложеніи къ Галиціи Восточной, украинской (русинской), которой собственно принадлежитъ это имя и которая, главнымъ образомъ, является ареною національной польско-украинской борьбы, почти не затрогивающей Галиціи западной (польской) [1]. Людямъ, интересующимся какъ общими вопросами будущаго устроенія Россіи, такъ и частнѣе—вопросами національныхъ и соціально-общественныхъ отношеній сѣверо—и юго-западной Россіи, такъ много аналогій представляющихъ съ отношеніями Галиціи,—эти матеріалы могутъ сослужить хорошую службу. Это соображеніе заставляетъ меня повторить изданіе этихъ статей теперь, черезъ два года послѣ ихъ появленія, въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Поводомъ къ написанію ихъ послужила статья, появившаяся въ одной изъ кіевскихъ газетъ [2]) и имѣвшая цѣлью, по словамъ ея автора, устранить „весьма обидное для Поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ Русиновъ“ и „способствуя выясненію

---

1) Западная Галиція, старое Краковское воеводство, при присоединеніи къ Австріи было совершенно механически соединено съ украинской Галиціей —т. н. „Русскимъ воеводствомъ“ старой польской государственной терминологіи.

2) „Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи“—„Кіевскіе Отклики“ 1905, № 127. Статья подписана была буквой К.

истины“, послужить „дѣлу примиренія родственныхъ между собою народностей, населяющихъ и юго-западный край“. Самая статья впрочемъ представляла изъ себя лишь сокращенный переводъ болѣе старой статьи, появившейся въ галицкомъ органѣ такъ называемыхъ „всеполяковъ“—духовныхъ отцовъ и предшественниковъ нынѣшнихъ „народовыхъ демократовъ“—и выражавшей взгляды на польско-украинскія отношенія этой политической партіи, такъ могущественно господствующей теперь въ польскомъ обществѣ Австріи и Россіи [1].

Помѣщая статью, кіевская редакція высказала пожеланіе, чтобы она вызвала спокойный и безпристрастный обмѣнъ мнѣній и послужила выясненію взаимныхъ отношеній двухъ народностей, населяющихъ Галицію. Я поспѣшилъ тогда откликнуться и на этотъ призывъ. Какъ кіевлянинъ по происхожденію и воспитанію, силою обстоятельствъ перенесенный въ центръ галицкихъ, польско-русинскихъ отношеній, я считалъ своимъ долгомъ посильно посодѣйствовать выясненію польско-украинскихъ отношеній Галиціи, тѣмъ болѣе, что я всегда интересовался національными отношеніями вообще и польско-украинскими въ частности, и изученію ихъ исторіи посвятилъ немало труда, а проживъ много лѣтъ въ центрѣ галицкой жизни, имѣлъ достаточно возможности ознакомиться съ ихъ настоящимъ. Установленіе справедливыхъ національныхъ отношеній на моей родинѣ—Украинѣ правобережной (т. н. юго-западномъ краѣ) является для меня вопросомъ чрезвычайнаго значенія и интереса, и вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ автора статьи, что уясненіе галицкихъ національныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія можетъ быть весьма полезно, я постарался съ цифрами въ рукахъ провѣрить положенія польскихъ апологетовъ

---

[1]) T. Gierałtowski Kwestya ruska w cyfrach -Przegląd Wszechpolski, 1902. Статья г. К. сокращаетъ первую изъ двухъ статей г. Гералтовскаго, изданныхъ подъ этимъ заглавіемъ; вторая имъ оставлена въ сторонѣ.

галицкаго statu quo и установить на нихъ правильный взглядъ. Напечатанныя въ той же кіевской газетѣ [1]) статьи мои были перепечатаны въ журналѣ „Кіевская Старина“ [2]) и вышли тогда же отдѣльной брошюрой [3]), скоро разошедшейся. Теперь я придалъ этимъ статьямъ нѣсколько болѣе общій характеръ, устранивъ болѣе детальную полемику съ взглядами польскаго публициста, и въ этой обновленной формѣ предлагаю вниманію читателя [4]).

II.

Защитники польскаго господства въ Галиціи, въ своей апологіи галицкаго statu quo исходятъ обыкновенно изъ современнаго соотношенія культурныхъ силъ Поляковъ и Украинцевъ (Русиновъ) [5]), то есть изъ того, что называется „состояніемъ владѣнія“ (status possidendi, Bes tzstand). Они указываютъ, напр., на то, что если взять отношеніе учениковъ, студентовъ, профессоровъ Русиновъ и Поляковъ, и вообще культурныхъ силъ и средствъ русинскихъ и польскихъ, то сравнительно съ числомъ учениковъ или студентовъ число школъ, гимназій, каѳедръ съ русинскимъ языкомъ вполнѣ достаточно, даже слишкомъ велико; что Русинамъ не ставится никакихъ препятствій къ достиженію ученыхъ степеней, къ занятію должностей;

---

[1]) „Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи“— Кіевскіе Отклики, 1905, № 141, 148, 161, 189 и дополнительная замѣтка въ № 201.

[2]) Кіевская Старина, 1905, кн. VII—VIII.

[3]) Къ польско-украинскимъ отношеніямъ, I—IV, Кіевъ 1905, ст. 112, 16°.

[4]) Кое въ чемъ ихъ можетъ дополнить XXV глава моего „Очерка исторіи украинскаго народа“, посвященная современному положенію украинства въ Галиціи, и гл. XXIV, заключающая очеркъ національнаго возрожденія австрійской Украины.

[5]) Въ Галичинѣ по старой традиціи термины „Русь“, „Русин“, „руський“ обозначаютъ національность украинскую.

что они въ большомъ числѣ встрѣчаются среди преподавателей гимназій, а судебный отдѣлъ положительно ими переполненъ. Словомъ, если взять пропорцію культурныхъ силъ Русиновъ и Поляковъ, то Русины оказываются въ положеніи привиллегированномъ, такъ что можно говорить даже объ „угнетеніи Русинами Поляковъ", ucisk Polaków przez Rusinów. Если же Русины не имѣютъ больше, чѣмъ сколько имѣютъ въ настоящее время, то виною тому только слабость ихъ собственныхъ силъ, недостатокъ культурности, „равнодушіе къ наукѣ", словомъ, ихъ собственная несостоятельность, обезоруживающая ихъ претензіи и непозволяющая имъ использовать даже тѣ средства и возможности, которыя имъ уже предоставлены.

Другіе защитники польскаго господства переносятъ эту аргументацію и на почву экономическихъ отношеній. Они указываютъ, что Поляки, въ качествѣ представителей крупной собственности и капиталистической буржуазіи, представляютъ, сравнительно съ Русинами, болѣе значительную платежную силу и съ точки зрѣнія буржуазно-конституціонной должны пользоваться бо́льшимъ вліяніемъ, бо́льшимъ голосомъ въ управленіи края и его представительствѣ. И эти апологеты отчасти пользуются статистическими данными, отчасти общими соображеніями о неспособности Русиновъ использовать ту возможность самоопредѣленія и развитія, которыя имъ предоставляется, о „болѣе высокой культурѣ" Поляковъ, вслѣдствіе которой Русины подпадаютъ культурному вліянію польскаго элемента, и т. д.

Какъ мы будемъ имѣть случай видѣть, даже исходя изъ такой сравнительной оцѣнки современныхъ культурныхъ и экономическихъ силъ обѣихъ народностей, нынѣшнее состояніе господства (stan posiadania) Поляковъ въ Галиціи совершенно не находитъ себѣ оправданія ни въ цифрахъ, ни въ фактахъ, могущихъ служить мѣрою силъ и средствъ обѣихъ народностей. Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, мы должны

напомнить, что такой учетъ современныхъ отношеній далеко не является единственнымъ принципомъ, съ точки зрѣнія котораго можетъ и должна быть произведена оцѣнка національныхъ отношеній Галиціи. Существуютъ другія точки зрѣнія, гораздо болѣе существенныя, и прежде всего точка зрѣнія историческая, на которую я позволю обратить вниманіе читающаго эти строки. Это, впрочемъ, не исторія хартій и привиллегій, а исторія общественныхъ и культурныхъ отношеній.

Русины и Поляки въ восточной Галиціи не представляютъ изъ себя двухъ незнакомцевъ, встрѣтившихся въ настоящее время на новой, нейтральной почвѣ и устанавливающихъ на ново modus vivendi, на основаніи учета численныхъ отношеній, экономическихъ и культурныхъ средствъ обѣихъ національностей. Національныя польско-украинскія отношенія въ этомъ краѣ, со времени славянскаго разселенія заселенномъ южною (украинскою) вѣтвью восточнаго славянства, имѣютъ исторію весьма длинную. Я говорю здѣсь объ отношеніяхъ національныхъ внутри края, оставляя въ сторонѣ предшествующую политическую борьбу Руси и Польши за пограничныя земли. Такія отношенія ведутъ свое начало съ половины XIV в., когда въ 1349 г. Поляки явились въ Галиціи какъ завоеватели, подъ предводительствомъ Казимира Вел. Какъ свидѣтельствуютъ современники и болѣе поздніе писатели, въ тѣ времена Галичина представляла богатый, изобильный дарами природы, благоустроенный край, съ могущественною туземною аристократіею, богатыми городами, оживленными сношеніями съ Западной Европой и Востокомъ. Экономически и культурно она стояла если не выше, то во всякомъ случаѣ едва ли ниже современной Польши [1]). Съ тѣхъ поръ, съ не-

---

1) Объ этомъ всемъ писалъ я подробно въ своей „Історії України Руси", т. III, IV, V и VI; потому не считаю нужнымъ входить въ детали и цитировать источники; вкратцѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ моемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа".

большимъ интерваломъ послѣ перваго раздѣла Польши, когда австрійская бюрократія взяла было администрацію Галиціи въ свои руки, въ продолженіи слишкомъ пятисотъ лѣтъ Галичина находилась во власти Поляковъ: сначала во владѣніи Польши, позже подъ владѣніемъ Австріи, но подъ фактическимъ польскимъ господствомъ. Въ продолженіи пятисотъ лѣтъ Поляки исполняли здѣсь, среди туземнаго украинскаго населенія, свою „историческую культурную миссію", о которой все еще очень серьезно, съ энтузіазмомъ говоритъ польская исторіографія и польская публицистика. И что сдѣлалось съ этою „текущею медомъ и млекомъ" землею, чаровавшею своею роскошью и богатствомъ средневѣковыхъ польскихъ историковъ, за эти пятьсотъ лѣтъ польской опеки, польской культурной миссіи?

Состояніе, въ которомъ получила Галицію австрійская бюрократія въ 1772 г., подводитъ итоги польскаго управленія, польской культурной работы въ этомъ краѣ [1]). Австрія получила край страшно бѣднымъ и отсталымъ. Торговля и ремесла были въ упадкѣ; города наполнены полуголодными Евреями; крестьянство забито, подавлено, разорено; туземный элементъ представленъ полуграмотнымъ духовенствомъ, польскій—своевольною, малокультурною шляхтою. Столѣтіе дальнѣйшаго господства Поляковъ въ краѣ увѣнчалось тѣмъ состояніемъ, въ какомъ видимъ восточную Галичину теперь. Край наиболѣе запущенный, наиболѣе бѣдный, наиболѣе темный во всей западной Европѣ; край безъ торговли, безъ промышленности, совершенно пассивный въ своемъ балансѣ; край, гдѣ голодный тифъ является совершенно обычнымъ и регулярнымъ гостемъ; край, въ которомъ дневной заработокъ взрослаго работника колебался между 15—20 кр. (12—15 коп.) до послѣднихъ крестьянскихъ стачекъ, подавленныхъ, впрочемъ, „желѣзною рукою" польской

[1]) Memoriał Antoniego hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi o stanie kraju—Kwartalnik histor. 1906.

бюрократіи; край, по числу безграмотныхъ составляющій настоящее черное пятно на картѣ Европы; край, прославленный самоуправствомъ своей администраціи и неслыханными „разбоями" при выборахъ, производимыхъ искусною рукою той же администраціи, однимъ словомъ, ославленный край нищеты, эпидемій и безправія, широко популярный съ этой стороны у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

На днѣ послѣдняго круга этой юдоли горя и мрака очутились старые хозяева края—Русины. Передъ своимъ пробужденіемъ, совершившимся въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIX в., они представляли почти исключительно этнографическую массу, состоявшую изъ совершенно подавленнаго, темнаго и до крайняго экономическаго истощенія доведеннаго крестьянства; между тѣмъ какъ единственную интеллигенцію (весьма невысокаго качества) составляло духовенство. И представители господствующей народности, польскіе шляхтичи въ 1860-хъ гг. торжественно заявляли въ галицкомъ сеймѣ, что они не знаютъ русинскаго народа—знаютъ только мужиковъ и поповъ (nie ma Rusi, sa popi i chłopi).

Старое боярство Галичины, подорванное конфискаціями и отобраніемъ имѣній, сразу отодвинуто было на дальній планъ привиллегированными пришельцами, и его остатки утонули въ морѣ польской шляхты. Всевозможными запрещеніями и исключеніями Русины были оттиснуты отъ муниципальной жизни, отъ торговли и ремеслъ. Крестьяне, съ развитіемъ барщины и доминіальной власти, обращены въ безгласный рабочій инвентарь польскихъ помѣщиковъ. Земля и угодья перешли въ руки польской шляхты (послѣднимъ актомъ этого обезземеленія крестьянства было присвоеніе помѣщиками, послѣ упраздненія подданства въ 1848 г, угодій, находившихся въ общемъ пользованіи помѣщика и крестьянъ: безчисленные процессы крестьянъ съ помѣщиками за эти „лїси і пасовиска", лѣса и пастбища, были проиграны крестьянами

въ галицкихъ судахъ). Лишенное образовательныхъ средствъ духовенство упало до уровня полуграмотныхъ „луцаковъ", пока не подняли его уровня мѣры австрійскаго правительства. Духовная жизнь народа низведена была до убогихъ остатковъ церковной литературы и устной словесности. До такого убожества дошла галицкая Русь предъ своимъ возрожденіемъ—и, несмотря на геройскія усилія послѣднихъ десятилѣтій, она и теперь недалеко ушла отъ этого печальнаго положенія.

Состояніе, несомнѣнно, жалкое. Но вмѣсто того, чтобы на этомъ фактѣ основывать права на дальнѣйшее господство Поляковъ въ Галиціи, права держать въ черномъ тѣлѣ Русиновъ и пользоваться всѣми экономическими и культурными средствами края (находящагося въ безконтрольной власти польскихъ правящихъ сословій) исключительно въ интересахъ своей народности и ея національныхъ интересовъ, какъ это дѣлаютъ апологеты польскаго господства,—вопросъ, очевидно, долженъ быть поставленъ иначе. Если сравнительно съ польскимъ элементомъ, господствовавшимъ въ этомъ краѣ въ продолженіе пяти столѣтій и сохраняющимъ по сіе время свою привиллегированную позицію, элементъ русинскій оказывается болѣе слабымъ экономически и культурно (самъ по себѣ польскій элементъ впрочемъ также не высоко шагнулъ въ экономическомъ и культурномъ преуспѣяніи и можетъ соперничать только съ подавленнымъ вѣковымъ гнетомъ элементомъ русинскимъ), если послѣ пятисотъ лѣтъ польскаго управленія и „культивированія" края русинское населеніе и весь край вообще находится въ самомъ жалкомъ положеніи, то въ оцѣнкѣ нынѣшнихъ отношеній отъ этого тѣмъ хуже для Поляковъ, а не для Русиновъ. Мы должны спросить: господа Поляки, вы пять столѣтій господствовали въ этомъ краю и насаждали въ немъ культуру, какъ говорятъ ваши историки и публицисты,—почему же этотъ край вообще и его туземное населеніе въ частности очутилось въ такомъ невозможномъ состояніи? Что сдѣлали вы за время

вашего господства для поднятія его изъ этого жалкаго состоянія? Вы овладѣли его землями и водами—что дали вы ему взамѣнъ? Вы сдѣлались господами на его землѣ и Русины стали „наймитами“, работающими на дворахъ и поляхъ вашихъ, лишенными самыхъ элементарныхъ условій человѣческаго существованія—чѣмъ оправдаете вы свое привиллегированное положеніе? Ваша „культурная миссія“ обнаружила свою полную несостоятельность, ваши притязанія на роль руководящаго, правящаго класса выказали вашу полную неспособность къ ней,—какой выводъ можно вывести изъ этого кромѣ того, что единственное, что вы можете сдѣлать—это оставить свои притязанія на преобладаніе, на преимущество въ этомъ краѣ, вопіющемъ о вашихъ историческихъ грѣхахъ, и дать полную свободу угнетенному и обобранному вами населенію самому заботиться объ улучшеніи своего положенія и созданія условій культурнаго и экономическаго развитія?

Это одна точка зрѣнія. Въ связи съ нею стоитъ другая, которую тоже никакъ нельзя упускать изъ виду для правильнаго пониманія польско-украинскаго спора въ Галичинѣ и оцѣнки здѣшнихъ національныхъ отношеній.

Русины въ восточной Галиціи составляютъ коренное автохтонное населеніе [1]). До сихъ поръ, несмотря на многовѣковую денаціонализацію русинскаго элемента, вольную и невольную, они и теперь составляютъ крупное большинство въ этомъ краѣ. Даже по официальной галицкой статистикѣ, вообще представляющей процентъ Поляковъ большимъ сравнительно съ дѣйствительностью, Русины по переписи 1900 г. [2]) изъ 50 повѣтовъ восточной Галиціи въ 35 повѣтахъ составляли болѣе 60 проц. населенія, въ 18 повѣтахъ болѣе 70 проц.,

---

[1]) То есть—они живутъ здѣсь со времени славянскаго разселенія; болѣе давней метрики не имѣетъ никакое другое славянское населеніе.

[2]) Пользуюсь оффиціальнымъ изданіемъ: Podręcznik statystyki Galicyi т. VII, 1903,

въ 7 болѣе 80 проц., а въ дѣйствительности, вѣроятно, составляютъ около 70 проц. всего здѣшняго населенія, между тѣмъ какъ остальные 30 проц. дѣлятся между Евреями и Поляками[1]).

Читатель, однако, долженъ помнить, что цифры этой оффиціальной статистики не даютъ настоящаго понятія о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, такъ какъ: 1) онѣ въ рубрику Поляковъ зачисляютъ Евреевъ, которыхъ австрійская статистика не выдѣляетъ въ особую національную категорію, разсматривая ихъ не какъ національность, а какъ исповѣданіе; 2) въ рубрику Поляковъ вносятся обыкновенно Русины римско-католическаго исповѣданія, на основаніи этой конфессіи, хотя по національности они остаются Русинами; 3) при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она производится, эта статистика даетъ, вообще, болѣе благопріятные результаты для господствующей національности. Эти соображенія постоянно нужно будетъ имѣть въ виду и далѣе, при оцѣнкѣ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ.

Внося необходимыя поправки въ данныя этой статистики, мы должны констатировать далѣе, что и своею безотносительною численностью Русины представляютъ очень замѣтную величину среди народовъ Австріи: они

---

1) Въ моментъ присоединенія Галиціи къ Австріи первый губернаторъ ея гр. Пергенъ считалъ населеніе цѣлой Галиціи (восточной и западной, нѣсколько отличавшейся, однако, своими границами отъ нынѣшней) въ 2 милліона, въ томъ числѣ $^2/_3$ Русиновъ, и около $^1/_4$ Поляковъ. По переписи 1900 г., Русиновъ въ цѣлой Галиціи было 3,074 т. Поляковъ 3 988 тыс., но изъ этого числа Поляковъ нужно въ дѣйствительности исключить 800 т. Евреевъ и перечислить изъ польской въ русинскую категорію не менѣе, вѣроятно, 200 т. Русинъ римско-католическаго исповѣданія. Такимъ образомъ, въ настоящее время число Русиновъ въ Галиціи почти равняется числу Поляковъ (лишь нѣсколько превосходитъ). Если за сообщеніемъ Пергена признать только приблизительную вѣрность, все же приходится констатировать большія потери русинскаго элемента за послѣднее столѣтіе. Причины ихъ отчасти будутъ ясны изъ дальнѣйшаго.

занимаютъ третье мѣсто среди народовъ Цислейтаніи, уступая численностью только Нѣмцамъ и Чехамъ и превосходя Поляковъ [1]). Являясь кореннымъ населеніемъ одной изъ обширнѣйшихъ провинцій Австріи, составляя и теперь большинство въ населеніи этой провинціи, представляя по численности своей одну изъ крупнѣйшихъ національностей Австріи, Русины, конечно, имѣютъ право требовать, чтобы государство, берущее съ нихъ подати и рекрутъ, заботилось и объ ихъ экономическихъ и культурныхъ нуждахъ.

Болѣе или менѣе равняясь по численности съ Поляками (собственно—превосходя ихъ), русинская народность имѣетъ право требовать отъ государства, чтобы оно удѣляло ея нуждамъ болѣе или менѣе столько же попеченія и вниманія, сколько удѣляетъ его Полякамъ. Тотъ фактъ, что Русины стоятъ экономически и культурно слабѣе Поляковъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ ихъ правъ на вниманіе. Наоборотъ, народности отставшія, поставленныя въ менѣе выгодныя для своего развитія условія, имѣютъ право на усиленное вниманіе правительства,—если понимать роль государства не въ формѣ пресса, выжимающаго изъ своихъ членовъ подати и рекрутовъ, и даже не банкира, ведущаго текущіе счета своихъ кліентовъ и выплачивающаго имъ проценты соотвѣтственно ихъ вкладамъ въ государственный бюджетъ. Принципъ, который проводятъ Поляки и который сводится, собственно, къ словамъ:

---

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 4.259 тыс. Поляковъ и 3.375 тыс. Русиновъ (въ Галиціи и Буковинѣ). Сообразно вышесказанному, исключивъ 811 тыс. галицкихъ Евреевъ и перенеся изъ польской категоріи въ русинскую римо-католиковъ Русинъ, мы получили отношеніе 3,2 милл. Поляковъ и 3,5 милл. Русиновъ, но цифра Русинъ все еще, несомнѣнно, ниже дѣйствительной. Къ этой русинской территоріи Цислейтаніи примыкаетъ еще территорія Угорской Руси (входящая уже въ составъ другого политическаго организма) съ русинскимъ населеніемъ не менѣе 450 тыс., такъ что русинская территорія Австро-Венгріи въ общемъ заключаетъ свыше 4 милліоновъ украинскаго (русинскаго) населенія.

кто имѣетъ много, тому будетъ еще дано, а у неимущаго будетъ взято и то, что онъ имѣетъ—вовсе не соотвѣтствуетъ современному прогрессивному понятію о государствѣ. Но по отношенію къ Галиціи онъ примѣнялся постоянно и примѣняется доднесь, и даетъ поводъ къ справедливымъ жалобамъ со стороны Русина по отношенію къ правительству и правящимъ польскимъ кругамъ.

Въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ правительствомъ для Галиціи фактически была польская шляхта. Начиная съ 1860-хъ гг. и до нынѣшняго дня, она играла роль лейбъ-гвардіи вѣнскаго правительства и династіи, и за это требовала отъ правительства сохраненія своего господства въ Галиціи, неприкосновенности преобладанія польской національности, невмѣшательства центральныхъ органовъ въ управленіе Галиціи. Составляя тѣсно сплоченную, хорошо организованную группу, преслѣдующую собственно свои сословные (феодальные) интересы и лишь прикрывающую ихъ программой польскаго національнаго господства, во имя которой она требуетъ солидарности и отъ польской буржуазіи и отъ прочихъ польскихъ общественныхъ элементовъ,—польская шляхта, дѣйствительно, оказываетъ существенныя услуги вѣнскому правительству, поддерживая его во всемъ и служа оплотомъ бюрократическо-феодальныхъ элементовъ, и зато дѣйствительно безконтрольно и всевластно правитъ Галиціей. Всѣ высшія позиціи въ управленіи края замѣщаются по рекомендаціи польско-шляхетскаго парламентскаго клуба, а спеціальный министръ для Галиціи и рядъ польскихъ директоровъ департаментовъ въ вѣнскихъ министерствахъ, назначаемые по рекомендаціи того же клуба, тщательно слѣдятъ, чтобы изъ правительственныхъ круговъ не вышло ничего, что могло бы нарушить польскій stan posiadania въ Галиціи; въ противномъ же случаѣ кладутъ свое veto и пускаютъ въ дѣло могущественное вліяніе польскаго клуба.

Поэтому по адресу Поляковъ и въ частности поль-

ской шляхты обращаютъ Русины тѣ претензіи, которыя они считаютъ себя вправѣ предъявить правительству и государству. Ее дѣлаютъ они отвѣтственными за то, что для подъема и развитія украинской (русинской) народности дѣлается такъ мало, что ее держатъ въ подневольномъ положеніи, и даже всѣ намѣренія центральнаго правительства сдѣлать что нибудь для Русиновъ разбиваются о сопротивленіе польской шляхты. Поляковъ считаютъ они отвѣтственными за то, что управленіе краемъ сводится лишь къ поддержанію польскаго господства въ немъ всякими средствами, въ ущербъ не только русинскому населенію, но и экономическому и культурному развитію края вообще. Ихъ обвиняютъ они въ томъ, что къ бюрократической косности Австріи присоединяются еще тормазы національнаго и сословнаго характера, и русинскія народныя массы безплодно бьются о стѣны этой тюрьмы въ своихъ стремленіяхъ къ экономическому, культурному и политическому развитію.

Русины требуютъ раздѣла этнографическихъ территорій—отдѣленія восточной (украинской) отъ западной (польской) Галиціи, установленія національно-территоріальной автономіи и предоставленія украинскому (русинскому) элементу въ восточной Галиціи такой роли, какая слѣдуетъ ему какъ національности, превосходящей болѣе чѣмъ въ три раза польское населеніе. Они требуютъ, чтобы украинской (русинской) народности были предоставлены тѣ культурныя и образовательныя средства, какими пользуется польская народность въ западной, польской части Галиціи; чтобы было обращено вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскихъ массъ, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ русинское населеніе восточной Галиціи; чтобы были устранены тѣ искусственно созданныя и поддерживаемыя условія, которыя держатъ ихъ въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ—польской шляхты, и тормозятъ всякую возможность экономическаго культурнаго развитія.

Поляки противятся раздѣлу этнографическихъ территорій. Соединеніе восточной и западной Галиціи скрѣпляетъ положеніе польскаго элемента въ восточной Галиціи, обезпечиваетъ ему (особенно при нынѣшней системѣ представительства) полное преобладаніе въ мѣстномъ сеймѣ, даетъ возможность держать въ рукахъ управленіе обѣихъ частей Галиціи и вообще пользоваться всѣми средствами края для усиленія польской національности.

Утративъ, можетъ быть, надежду денаціонализировать вполнѣ русинское населеніе, польская правящая партія (поддерживаемая, впрочемъ, въ этихъ стремленіяхъ и польскимъ обществомъ) рядомъ искуссно обдуманныхъ мѣръ, слагающихся въ цѣльную систему, стремится къ тому, чтобы ослабить русинскій элементъ численно и качественно, задержать его по возможности въ состояніи этнографической массы, не дать развиться національной жизни. Этой цѣли служитъ весь автономный механизмъ и вся огромная машина мѣстнаго управленія. Администрація, напр., наводняетъ восточную Галицію Поляками чиновниками, учителями и пр. изъ западной Галиціи, между тѣмъ какъ чиновники, учителя и пр. русинской народности, особенно почему либо „неудобные", назначаются въ польскія мѣстности западной Галиціи, гдѣ они не могутъ быть полезными, дѣятельными членами украинскаго общества. Система эта не утратила практическаго значенія и доселѣ, несмотря на громкіе протесты Русиновъ. Школы, финансовыя учрежденія, экономическія институціи—все служитъ польскимъ національнымъ цѣлямъ. Какъ откровенно признаются сами Поляки въ болѣе искренніе моменты, руководители этой „органической работы" (praca organiczna) стремятся къ тому, чтобы вознаградить утраты, понесенныя польскою народностью въ Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, усиленіемъ ея въ Галиціи,— и это усиленіе можетъ произойти только за счетъ народности украинской (также и еврейской).

Тутъ лежитъ центръ тяжести національнаго спора

Галиціи. Русины домогаются, чтобы съ ними считались какъ съ національностью, наравнѣ съ польскою, и дали имъ то мѣсто въ восточной Галиціи, какое Поляки занимаютъ на своей этнографической территоріи Галиціи. Поляки поддерживаютъ принципъ неравноцѣнности національностей и ссылаются на культурное и экономическое превосходство Поляковъ, скромно умалчивая о томъ, что до своего экономическаго и культурнаго упадка Русины доведены Поляками, польскимъ господствомъ, и имъ же удерживаются въ этомъ состояніи. Для польской національности они желаютъ сохранить положеніе народности господствующей (nacyi dominującei w kraju) а украинскую держать въ положеніи подчиненной и низшей.

Съ точки зрѣнія національнаго эгоизма—политика понятна. Но теперь національный эгоизмъ обыкновенно не рѣшается выходить на свѣтъ божій безъ прикрытія. Такимъ прикрытіемъ и служатъ толки о высшей и низшей культурности, о культурныхъ миссіяхъ и даже о высшихъ и низшихъ расовыхъ качествахъ. Приходится обращаться къ такимъ прикрытіямъ и Полякамъ Галиціи, тѣмъ болѣе, что толками объ угнетеніи Русиновъ Поляками компрометируются протесты Поляковъ противъ національнаго безправія польской народности въ Россіи и Пруссіи. Тамъ безправіе также оправдывается разговорами о низшей культурѣ Поляковъ, низшей славянской расѣ вообще, или о неспособности Поляковъ къ политической жизни. отсутствіи у нихъ государственнаго инстинкта и т. п., и Полякамъ въ свою защиту приходится обращаться тамъ къ аргументамъ національной справедливости и естественныхъ правъ человѣка. Но эти аргументы роковымъ образомъ обращаются противъ нихъ, когда выдвигаются для ихъ переоцѣнки польско-украинскія отношенія Галиціи.

По отношенію къ этимъ послѣднимъ польскіе защитники польскаго режима Галиціи, положимъ, будутъ заявлять, что отношенія Поляковъ къ Русинамъ совершенно не нарушаютъ „національной справедливости“, и единственною причиною превалирующаго положенія

Поляковъ является ихъ высшая культурность въ сравненiи съ Русинами, и что эта высшая культурность своею собственною силою, безъ давленія извнѣ, создаетъ привилегированное положеніе для Поляковъ и непривиллегированное положеніе для русинской народности. Но болѣе детальное разсмотрѣніе отношеній покажетъ намъ, насколько основательны эти утвержденія, бросающія такой невыгодный свѣтъ на украинскую народность, и откроетъ намъ тѣ дѣйствительные устои, на которыхъ опирается польское господство. Къ этому детальному разсмотрѣнію я и перехожу теперь.

III.

Въ послѣдніе годы университетскій вопросъ, какъ показатель польско-украинскихъ отношеній Галиціи, пріобрѣлъ особую популярность, и при оцѣнкѣ этихъ отношеній очень часто прежде всего обращаются къ этому больному мѣсту. Въ ходъ пускается университетская статистика, а защитники галицкаго режима обыкновенно заявляютъ, что университетскій вопросъ ими разсматривается „исключительно съ точки зрѣнія народной справедливости".

A la bonne heure! Будемъ и мы въ обсужденiи этого вопроса имѣть въ виду эту точку зрѣнія „національной справедливости". А такъ какъ унивеситетскій вопросъ дѣйствительно сильно наболѣлъ и выросъ до значенія національнаго вопроса, да и извѣстность пріобрѣлъ большую, благодаря поголовному выходу студентовъ Русиновъ изъ львовскаго университета въ 1901 г. и послѣднимъ бурнымъ событіямъ вплоть до недавней демонстраціи, окончившейся массовымм арестами, голодовкою студентовъ-Русиновъ и „чисткой" университета студентами Поляками, то и мы тоже дадимъ ему приличное мѣсто и начнемъ съ него. Разсмотрѣніе его разъяснитъ намъ и то, какъ понимаютъ національную справедливость польскія сферы, мнѣнія которыхъ отражаютъ

статьи, берущія на себя защиту польскаго режима Галиціи.

Какъ и въ другихъ вопросахъ, и здѣсь апологеты польскаго режима оставляютъ въ сторонѣ исторію вопроса, хотя она имѣетъ существенное значеніе для его пониманія [1]).

Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. австрійскимъ правительствомъ и съ перерывомъ въ 1805—1818 годахъ существуетъ съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. До 1870 г. онъ имѣлъ характеръ нѣмецкій, но несомнѣнно имѣлъ въ виду культурныя потребности русинскаго населенія восточной Галиціи; для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ при немъ былъ учрежденъ лицей съ богословско-философскими предметами, преподававшимися профессорами-Русинами. Въ 1818 году, послѣ упомянутаго перерыва (въ теченіе котораго существовалъ только лицей, а университета не было), лицей преобразованъ былъ въ университетъ, а мѣсто его заняла т. н. академическая гимназія (первая львовская гимназія, по традиціи ставшая русинскою при націонализаціи школъ). Свой взглядъ на національное, такъ сказать, назначеніе львовскаго университета вѣнское правительство высказало въ изданномъ въ 1848 году распоряженіи о преподаваніи въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ „въ русинской части Галиціи". Въ этомъ распоряженіи преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ объявлялось временнымъ,—пока не найдутся профессора, способные преподавать предметы на мѣстномъ языкѣ, т. е. русинскомъ. Обращеніе львовскаго университета въ русинскій въ ближайшемъ будущемъ считалось вопросомъ рѣшеннымъ, и такъ смотрѣла на это тогда сама университетская корпорація. И это, конечно, было совершенно

1) Подробнѣе исторія вопроса изложена въ моей брошюрѣ: „Справа українського унїверситета у Львові, 1899 г. (перепечатка изъ журнала: „Лїтерат.-науковий Вістникъ" съ подписью: Observator). Большая (оффиціальная) исторія Львовскаго университета: Finkel i Starzynski—Historya uniwersytetu lwowskiego, Львовъ, 1894.

справедливымъ и разумнымъ планомъ, такъ какъ Поляки имѣли свой университетъ въ Краковѣ, а въ восточной, русинской части Галиціи нужно было имѣть въ виду культурные и образовательные интересы мѣстнаго—русинскаго (украинскаго) населенія.

Но, заявивъ эти благія намѣренія, австрійская бюрократія ничего не сдѣлала для ихъ осуществленія—для подготовки „способныхъ и соотвѣтственно приготовленныхъ" профессоровъ и преподавателей и постепеннаго введенія преподаванія на русинскомъ языкѣ. Учреждены были только (въ 1848—1849 гг.) каѳедры русинскаго (украинскаго) языка и литературы (на философскомъ факультетѣ) и пастырскаго богословія (на богословскомъ факультетѣ) съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ. Во всемъ остальномъ „временное" преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ продолжалось дальше. и правительство вспомнило о русинскомъ языкѣ снова лишь въ 1860 годахъ, когда снова всплылъ на очередь вопросъ о націонализаціи галицкихъ университетовъ. Въ 1861 г. введено въ краковскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ, вмѣсто нѣмецкаго (сначала, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями). Львовскій университетъ правительство предназначало опять-таки для Русиновъ, но въ виду отсутствія въ немъ профессоровъ Русиновъ (кромѣ богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе происходило, главнымъ образомъ, на нейтральномъ латинскомъ языкѣ, сохраненномъ и позже), оно не ввело тутъ русинскаго языка въ тѣхъ размѣрахъ, какъ сдѣлало это въ Краковѣ съ польскимъ, а учредило только нѣсколько параллельныхъ каѳедръ съ русинскимъ языкомъ на юридическомъ факультетѣ. Оно поручило факультету замѣстить двѣ изъ нихъ (гражданскаго судопроизводства и уголовнаго права и судопроизводства) наличными кандидатами безъ представленія диссертаціи, учрежденіе же дальнѣйшихъ русинскихъ каѳедръ обусловливало наличностью кандидатовъ, которые бы удовлетворяли университетскимъ требованіямъ.

Если мы припомнимъ сказанное въ предшествующей статьѣ о глубокомъ упадкѣ, въ который къ этому времени былъ приведенъ русинскій элементъ въ Галиціи вѣковою опекою польской народности и ея руководящихъ круговъ; съ другой стороны, если мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ въ это время польская шляхта, смѣнивъ политику фронды по отношенію къ австрійскому правительству на политику ультра-правительственную, вполнѣ захватываетъ съ свои руки управленіе краемъ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Вѣнѣ начинаетъ тормозить все, что могло бы содѣйствовать развитію русинскаго элемента,—то мы не будемъ удивляться, что среди Русинъ не много нашлось лицъ, рѣшившихся воспользоваться возможностью университетской карьеры. Приготовленіе къ профессурѣ вещь очень не легкая, требующая не только способностей, энергіи, но и средствъ, а правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить приготовленіе къ профессурѣ кандидатамъ-Русинамъ — ничего того, что всегда практикуется въ такихъ случаяхъ (раздача стипендій, ученыя командировки и т. п.). Между тѣмъ, на пути къ университетской дѣятельности кандидатовъ-Русиновъ стояли такія недоброжелательныя инстанціи, какъ нѣмецкая профессорская корпорація, польская администрація и представительство края, оказывавшія существенное вліяніе въ такой же мѣрѣ на вопросъ университетскій какъ и на всякіе другіе вопросы мѣстныхъ отношеній. И неудивительно, что среди слабой еще тогда и количественно, и качественно русинской интеллигенціи, подавленной польскимъ господствомъ, лишенной вѣры въ возможность достичь чего либо и занятой заботой о кускѣ хлѣба, не находилось смѣльчаковъ, готовыхъ плыть между Сциллой и Харибдой къ такой проблематической цѣли, какою были эти „могущія быть учрежденными“ русинскія каѳедры.

Между тѣмъ, Поляки, обезпечивъ себѣ господство въ краѣ и достигнувъ того, что польскій языкъ введенъ былъ уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во-

сточной (украинской) Галиціи, безъ устали штурмовали центральное правительство, домогась введенія польскаго языка и во львовскомъ университетѣ. Польская администрація края и его предстаяительство были проводниками этихъ требованій и по отношенію къ центральному правительству, и по отношенію къ университетскимъ властямъ, подъ этимъ давленіемъ дѣлавшимъ разныя уступки польскому элементу. Но австрійское правительство не рѣшалось все-таки разстаться съ мыслью, что львовскій университетъ принадлежитъ Русинамъ, хотя и не дѣлало ничего для осуществленія этой мысли. Наконецъ, уступая давленію, оно предоставило рѣшить вопросъ самимъ борющимся національностямъ (другими словами—предоставило сильнѣйшей оттѣснить слабѣйшую собственными средствами). Въ 1871 г. императорскій рескриптъ отмѣнилъ во львовскомъ университетѣ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ; профессора, которые не могли преподавать на одномъ изъ языковъ края" (Landessprache), въ продолженіе трехъ лѣтъ имѣли быть перемѣщены въ другіе университеты, и къ препо даванію въ университетѣ должны были на будущее время допускаться только лица, владѣющія однимъ изъ языковъ края, т. е. русинскимъ или польскимъ.

Это распоряженіе, такимъ образомъ, не рѣшало вопроса о языкѣ преподаванія. Но при тогдашнемъ положеніи обѣихъ народностей результатъ очень легко можно было предвидѣть. Въ продолженіе трехъ лѣтъ факультеты философскій и юридическій [1]) были замѣщены Поляками, благодаря дружнымъ усиліямъ польской администраціи, университета и министерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно. Отысканы были подающія надежды лица польской народности и имъ дана возможность подготовиться къ преподаванію; за неимѣніемъ мѣстныхъ силъ были приглашены Поляки-

[1]) Богословскаго факультета реформа не касалась, а медицинскаго тогда во Львовѣ еще не было.

преподаватели или заявившіе себя въ наукѣ люди изъ Россіи, изъ Германіи и т. д. Въ 1874 г. львовскій университетъ былъ уже фактически польскимъ и, разъ завладѣвъ университетомъ, Поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія, благодаря университетской автономіи.

Въ Австріи автономія университетовъ и de jure довольно значительна; если же за профессорскою корпораціею, какъ въ данномъ случаѣ—за польскою корпораціею львовскаго университета, стоитъ и мѣстная администрація, и могущественное вліяніе польскаго шляхетскаго клуба и другія связи, то университетъ является твердынею, можно сказать, неприступной. Вакантныя кафедры замѣщаются министерствомъ кандидатами, предложенными факультетомъ; факультетъ иногда предлагаетъ нѣсколькихъ кандидатовъ на выборъ, иногда только одного; замѣщенія помимо предложенія факультета случаются рѣдко и принимаются съ неудовольствіемъ, какъ нарушеніе автономіи. Допущеніе къ преподаванію (venia legendi) зависитъ вполнѣ отъ факультета. Чтобы получить званіе приватъ-доцента, кандидатъ, имѣющій степень доктора даннаго факультета, долженъ представить самостоятельную научную работу [1]), а по принятіи ея факультетомъ—подвергнуться устному испытанію въ засѣданіи факультета (colloquium) и прочесть двѣ пробныя лекціи. Признавъ всѣ эти стадіи испытанія удовлетворительными, факультетъ представляетъ кандидата министру къ утвержденію въ званіи приватъ-доцента: министръ запрашиваетъ мѣстную администрацію относительно политической благонадежности кандидата и утверждаетъ его, получивъ благопріятный отвѣтъ. Приватъ-доценты или профессора, желающіе перенести свое преподава-

---

[1]) Отъ диссертаціи на степень доктора философіи полной самостоятельности изслѣдованія не требуется, по крайней мѣрѣ – не въ большой степени. Докторатъ же правъ и медицины дается на основаніи только устныхъ испытаній, безъ диссертаціи,

ніе въ другой университетъ, нуждаются также въ согласіи факультета этого университета.

Я нарочно остановился на этихъ порядкахъ, чтобы дать понять, какое значеніе имѣетъ факультетъ при замѣщеніи каѳедръ и допущеніи къ университетской дѣятельности, какимъ полнымъ хозяиномъ и въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ является онъ въ этихъ вопросахъ. Противъ воли факультета почти нѣтъ возможности проникнуть въ университетъ (если министерство не имѣетъ намѣренія ему насолить—чего при галицко-вѣнскихъ отношеніяхъ нѣтъ возможности допустить). Оцѣнка научнаго качества диссертаціи, удовлетворительности устнаго испытанія, лекторскихъ достоинствъ при пробныхъ лекціяхъ—все это вещи, почти не поддающіяся учету, и на судъ факультета здѣсь нѣтъ апеляціи. Провалиться же при габилитаціи, получить неблагопріятную оцѣнку своей диссертаціи отъ факультета и т. п.—все эти вещи очень тяжелыя для каждаго лица, дорожащаго своей научной репутаціей, и поэтому очень трудно разсчитывать на смѣльчаковъ, которые бы рисковали искать veniam legendi, зная, что для факультета они являются нежелательными гостями.

И вотъ мы видимъ, что завладѣвъ фактически университетомъ, польская корпорація удерживаетъ его въ полномъ своемъ обладаніи. За исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ, учрежденныхъ спеціально для преподаванія на русинскомъ языкѣ,—ихъ въ 1840—1860 гг. было учреждено четыре [1]), а потомъ явилось еще двѣ [2]),—всѣ остальные каѳедры замѣщались исключительно Поляками. За все это время факультетами

1) Каѳедра украинскаго (русинскаго) языка и литературы—на философскомъ факультетѣ, гражданскаго права, уголовнаго права и процесса—на юридическомъ, пастырскаго богословія—на богословскомъ.

2) Каѳедра всеобщей исторіи (съ 1894 г.) и вторая каѳедра украинскаго языка съ присоединеніемъ церковнославянскаго языка и украинской церковной литературы (съ 1899 г.)—на философскомъ факультетѣ.

не было предложено министерству на эти каѳедры ни одного кандидата русинской народности. Зная настроеніе факультетовъ, права преподаванія во львовскомъ университетѣ обыкновенно искали только лица, надѣявшіяся проплыть благополучно подъ исключительно-счастливыми созвѣздіями 1). Остальные уходили въ другіе университеты—чешскіе, хорватскіе, нѣмецкіе. Такъ изъ Русинъ-Галичанъ, преподававшихъ въ другихъ университетахъ въ 1880—90 гг., извѣстны мнѣ: извѣстный физіологъ Горбачевскій—въ пражскомъ университетѣ, извѣстный физикъ и электротехникъ Пулюй въ пражской политехникѣ, извѣстный окулистъ Борисикевичъ въ грацскомъ университетѣ, славистъ Калужняцкій и историкъ Мильковичъ въ черновецкомъ, юристъ Зобковъ въ загребскомъ и т. д.

Даже во львовской политехникѣ, гдѣ не было національнаго вопроса, такъ какъ ей съ самаго основанія, въ 1870-хъ гг., правительствомъ былъ сообщенъ польскій характеръ, и вслѣдствіе того, что среди студентовъ было мало Русинъ, вопросъ о преподаваніи на украинскомъ языкѣ и не подымался—даже здѣсь получали кафедры Русины (минералогъ Медведскій, ботаникъ Волощакъ, механикъ Маринякъ, технологъ Залозецкій и т. п.). Но въ двери львовскаго университета стучаться обыкновенно не дерзали. Если же кто либо, „не спросясь броду", пробовалъ счастья во львовскомъ университетѣ, то результатъ часто былъ неблагопріятный. Такъ неудачны были пробы д-ра Зобкова, отъ котораго факультетъ сначала не принялъ прошенія, потомъ забраковалъ диссертацію на основаніи

---

1) Этимъ объясняется „огромный" процентъ Русиновъ, допущенныхъ къ чтенію лекцій, который фигурируетъ у апологетовъ польскаго режима: изъ кандидатовъ Русиновъ получило veniam legendi 75%, а Поляковъ только 40%. Нужно только прибавить, что всѣхъ кандидатовъ Русиновъ при этомъ было 4 (позднѣйшія забраковки, о которыхъ я говорю, здѣсь не приняты въ разсчеты), а Поляковъ нѣсколько десятковъ...

которой онъ однако получилъ затѣмъ veniam docendi въ Загребѣ, и, наконецъ, отклонилъ его просьбу о допущенiи къ преподаванiю въ качествѣ суплента [1]) на вакантной тогда каѳедрѣ гражданскаго права. Такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Франко, искавшiй veniam legendi по исторiи литературы и этнографiи (онъ былъ принятъ факультетомъ, но не утвержденъ вслѣдствiе неблагопрiятной аттестацiи галицкой польской администрацiи), и не возобновлялъ послѣ того уже попытокъ къ университетской дѣятельности. Такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Мильковичъ, занявшiй затѣмъ каѳедру въ черновецкомъ университетѣ. Такъ не принята была диссертацiя д-ра Студинскаго, который вслѣдъ затѣмъ на основанiи ея же получилъ veniam legendi въ Краковѣ и немного позже, когда заблистало благопрiятное созвѣздiе, былъ приглашенъ на каѳедру изъ Кракова во львовскiй университетъ. Такъ, наконецъ, недавно былъ принужденъ взять назадъ свое прошенiе математикъ д-ръ Левицкiй...

Для Русиновъ оставались доступными (и то при наличности благопрiятныхъ созвѣздiй) только упомянутыя каѳедры съ русинскимъ языкомъ. Но и тутъ не обходилось безъ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Въ 1880 г. юридическiй факультетъ предложилъ министру упразднить каѳедры съ русинскимъ языкомъ (въ то время было ихъ двѣ, обѣ экстраординатуры), а вмѣсто нихъ учредить вторую ординатуру гражданскаго права общаго характера, т. е. безъ ограниченiя русинскимъ языкомъ, а съ правомъ преподаванiя или по русински или по польски (какъ мы знаемъ, такая альтернатива существовала для всѣхъ общихъ каѳедръ, на этомъ основанiи фактически обращенныхъ въ каѳедры польскiя). Министерство однако на это не согласилось. Въ 1890-хъ гг. была попытка, забраковавъ кандидата Ру-

---

[1]) Суплентами называются лица безъ званiя приватъ-доцента, допущенныя временно къ чтенiю лекцiй по вакантной каѳедрѣ впредь до ея замѣщенiя.

сина, провести на вакантную каѳедру гражданскаго права доцента Поляка, но попытка эта также не удалась, и въ концѣ концовъ пришлось назначить Русина. Наличныя каѳедры были сохранены.

Такой характеръ университетскихъ отношенiй началъ возбуждать въ украинскихъ (русинскихъ) кругахъ Галицiи все болѣе рѣшительное неудовольствiе съ подъемомъ нацiональной жизни, съ ростомъ интеллигенцiи, съ увеличенiемъ ея культурныхъ и научныхъ запросовъ, начинающихся особенно съ 1890 хъ годовъ.

Культурныя силы наростали. Число студентовъ-Русиновъ все увеличивалось. Потребность въ украинскихъ курсахъ чувствовалось все живѣе, и сознавалась возможность ихъ созданiя. Началась замѣтная научная работа въ реорганизованномъ „Науковомъ товариствѣ iмени Шевченка“. Указывали на лицъ, которыя могли бы вполнѣ удовлетворить требованiямъ университетскаго преподаванiя. Въ Россiи указывались лица, которыя были не прочь взять на себя преподаванiе тѣхъ или иныхъ курсовъ на украинскомъ языкѣ во львовскомъ университетѣ...

На эти или подобныя представленiя съ русинской стороны—со стороны польской обыкновенно отвѣчали увѣренiями, что Поляки готовы удовлетворять всѣ *дѣйствительныя* (по оцѣнкѣ Поляковъ) культурныя (но не политическiя!) потребности Русиновъ, и увеличенiе русинскихъ каѳедръ зависитъ только отъ наличности научныхъ силъ, а университетъ не будетъ дѣлать никакихъ препятствiй имъ въ достиженiи veniae legendi, и т. п. Но дѣйствительность плохо гармонировала съ этими увѣренiями. Сильное впечатлѣнiе въ украинскомъ обществѣ Галицiи произвелъ упомянутый выше эпизодъ, когда по смерти профессора гражданскаго права-Русина, занимавшаго каѳедру съ преподаванiемъ на русинскомъ языкѣ, искавшiй доцентуры д-ръ Зобкивъ былъ забракованъ, а преподаванiе было поручено доценту-Поляку. Нѣсколько другихъ проваловъ кандидатовъ-Русиновъ около этого же времени

усилили впечатлѣніе. Стали появляться голоса, все болѣе и болѣе настойчивые, что пока вопросъ о русинскихъ доцентурахъ и каѳедрахъ будетъ рѣшаться факультетами, состоящими изъ профессоровъ-Поляковъ, онъ будетъ безнадежнымъ. Единственнымъ выходомъ признавалось основаніе отдѣльнаго украинскаго университета, для котораго отчасти нашлись бы готовыя силы, отчасти могли бы быть приготовлены впродолженін двухъ-трехъ лѣтъ, если бы это дѣло поведено было при участіи учрежденій, интересующихся культурными успѣхами Русиновъ, какъ „Наукове товариство ім. Шевченка“, которое въ этомъ смыслѣ обращалось съ записками въ министерство, и т. п. Но на эти представленія изъ министерскихъ и другихъ сферъ опять получился отвѣтъ, что нужно прежде всего имѣть готовыя силы—профессоровъ и доцентовъ; рекомендовалось пріобрѣтать veniam legendi во львовскомъ университетѣ, а предложеніе—обратиться къ вызову преподавательскихъ силъ изъ за границы пропускалось мимо ушей, какъ бы невозможное и неисполнимое, хотя такія замѣщенія заграничными кандидатами практикуются вездѣ сплошь да рядомъ, и постоянно практиковались и практикуются при замѣщеніи каѳедръ польскими силами.

Вопросъ дѣлался жгучимъ. Напряженное состояніе разрѣшилось кризисомъ: осенью 1901 г. произошло столкновеніе съ университетскими властями студентовъ-Русиновъ. Послѣдніе впродолженіе нѣсколькихъ семестровъ напрасно домогались расширенія правъ украинскаго языка въ сношеніяхъ студентовъ съ университетскими органами, наконецъ, раздраженные поведеніемъ университетскихъ властей, они рѣшили коллективно и солидарно выйти изъ львовскаго университета и дѣйствительно поголовно, въ числѣ около 600, выписались изъ львовскаго университета и перешли въ другіе — вѣнскій, пражскій, краковскій. Эпизодъ былъ громкій, со временъ сецессіи студентовъ Нѣмцевъ изъ пражскаго университета—небывалый. Въ русинскихъ

кругахъ онъ вызвалъ цѣлое движеніе. Вопросъ дебатировался цѣлые мѣсяцы во всевозможныхъ формахъ, включительно до крестьянскихъ „віч“ (митинговъ). Была собрана очень значительная для убогаго русинскаго населенія Галичины сумма (ок. 60.000 кронъ), чтобы доставить студентамъ-сецессіонистамъ средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ; немало жертвовали при этомъ и крестьяне. Предлагались даже проекты основанія русинскаго университета по подпискѣ, но это, конечно, было неосуществимо, даже независимо отъ огромныхъ необходимыхъ для этого средствъ также и потому, что получить права для такого университета было бы немногимъ легче, чѣмъ добиться основанія государственнаго русинскаго университета. Сочувствія Русинамъ-сецессіонистамъ выражались также прогрессивными элементами среди польской и еврейской университетской молодежи.

Но тѣ польскія сферы, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе этого вопроса, перенесли этотъ эпизодъ чрезвычайно стоически. Никакихъ уступокъ, чтобы впредь не повадно было! Въ этомъ смыслѣ были сдѣланы надлежащія представленія правительству, — и на всѣ запросы, депутаціи, меморіалы съ русинской стороны министръ отвѣчалъ: пока продолжается сецессія, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо уступкахъ; когда студенты-Русины вернутся во львовскій университетъ, тогда правительство и университетъ сдѣлаютъ все возможное въ смыслѣ исполненія русинскихъ требованій. Студенты дѣйствительно вернулись во львовскій университетъ съ зимнимъ семестромъ 1902 г., — но въ смыслѣ расширенія правъ украинскаго языка въ сферѣ администраціи или въ сферѣ преподаванія въ университетѣ не было сдѣлано *ничего*, ни тогда, ни позже.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три года — вопросъ стоялъ на мертвой точкѣ. На повторяющіяся отъ времени до времени представленія, депутаціи, запросы о

необходимости отдѣльнаго украинскаго университета, о невозможности нынѣшняго положенія вещей и т. п. давались старые отвѣты. Впрочемъ, ихъ нѣсколько разнообразили: иногда министръ указывалъ на недостатокъ средствъ у государства, иногда повторялся совѣтъ—прежде всего позаботиться приготовленіемъ доцентовъ (взять на себя эту работу правительство, очевидно, не считало себя обязаннымъ), и высказывалась увѣренность, что львовскій университетъ съ своей стороны не будетъ дѣлать никакихъ препятствій, и т. д. Но въ русинскихъ кругахъ надежда достигнуть этимъ путемъ чего либо давно исчезла. Съ польской стороны не переставали высказываться соображенія и аргументы и противъ умноженія русинскихъ каѳедръ въ нынѣшнемъ университетѣ, и противъ учрежденія отдѣльнаго русинскаго университета, и на каждомъ шагу Русинамъ приходилось натыкаться на непроницаемую стѣну при *всякой* попыткѣ подвинуть впередъ этото вопросъ. Если находились смѣльчаки, пожелавшіе испробовать счастья на университетскомъ поприщѣ — то... о результатахъ попытокъ говорилъ я выше.

Всѣ попытки расширить кругъ преподаваній на русинскомъ языкѣ или сферу употребленія этого языка въ университетской практикѣ разбивались о заявленія, что университетъ этотъ польскій, и о расширеніи правъ русинскаго языка не можетъ быть рѣчи. И только какъ выраженіе отчаянія въ виду невозможности достигнуть чего либо путемъ представленій, петицій, жалобъ и т. д.,—должны быть оцѣниваемы рѣзкія демонстраціи со стороны русинскаго студенчества, имѣвшія мѣсто въ послѣдніе годы—почти ежегодно.

Какіе же аргументы противоставлялись этимъ требованіямъ и желаніямъ Русиновъ имѣть свой особый русинскій (украинскій) университетъ, а пока онъ будетъ учрежденъ—добиться расширенія круга украинскаго преподаванія въ теперешнемъ университетѣ? Разсматривая этотъ вопросъ „исключительно съ точки зрѣнія національной справедливости“, защитники поль-

скаго владѣнія приводятъ такія соображенія противъ этого требованія. Студенты-Русины составляютъ весьма малую величину сравнительно со студентами-Поляками, какихъ нибудь 200 студентовъ—для отдѣльнаго университетъ это слишкомъ мало; бюджетъ русинскаго университета пропорціонально числу своихъ слушателей долженъ быть весьма ничтоженъ, и потому самый университетъ, въ случаѣ учрежденія, будетъ такъ жалокъ, что Русины предпочтутъ идти въ чужіе университеты, какъ и теперь будто бы предпочитаютъ параллельные польскіе курсы русинскимъ. Панегиристы польской культурной миссіи, повидимому, склонны думать, что преподаваніе на русинскомъ языкѣ не можетъ стоять на такомъ уровнѣ, какъ преподаваніе на языкѣ польскомъ, и не прочь отъ предположеній, что всякія учебныя заведенія съ украинскимъ языкомъ приносятъ весьма сомнительную пользу благодаря русинскому языку. Наконецъ, пророчествуютъ они, для украинскаго университета не найдется и профессоровъ, такъ какъ, несмотря на то, что Русины во львовскомъ университетѣ не испытываютъ никакихъ препятствій и процентъ русинскихъ диссертацій, принятыхъ факультетомъ, превосходитъ процентъ польскихъ [1]), Русины до сихъ поръ „открыли лишь 7 русинскихъ каѳедръ“, что, по мнѣнію польскихъ публицистовъ, вполнѣ очевидно доказываетъ ихъ „равнодушное отношеніе къ наукѣ“.

Эти ходячіе доводы галицко-польскихъ шовинистовъ однако довольно сильно расходятся съ дѣйствительностью, не говоря уже о „національной справедливости“.

Такъ, число студентовъ-Русиновъ вовсе ужъ не такъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ Поляковъ какъ представляютъ польскіе публицисты. Число Поляковъ и здѣсь выше дѣйствительнаго, такъ какъ включаетъ въ себѣ и Евреевъ, bongré-malgré фигурирующихъ въ рубрикѣ польской народности университетской, какъ и всякой другой здѣшней статистики и

[1]) Объ этомъ блистательномъ процентѣ я говорилъ уже выше.

поднимающихъ ея численность ad majorem Poloniae gloriam; требованія студентовъ-Евреевъ, чтобы ихъ выдѣлили въ особую національную категорію, до сихъ поръ оставались безуспѣшными. Оставляя въ сторонѣ число Русиновъ и Поляковъ въ другихъ университетахъ, приводимое польскими публицистами, но не идущее къ дѣлу, такъ какъ ни Русины, ни Поляки не имѣютъ претензій на учрежденіе своихъ университетовъ въ Вѣнѣ или Прагѣ, я обращусь лишь къ цифрамъ студентовъ львовскаго университета. Польскіе публицисты для зимняго семестра 1896—97 г. отмѣчаютъ: Поляковъ 1.094; Русиновъ 443.

Въ дѣйствительности въ числѣ Поляковъ фигурируютъ въ этой табличкѣ 316 Евреевъ, не считая нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ группъ (Армянъ, Русиновъ изъ категоріи непомнящихъ родства и т. п.), и въ дѣйствительности главныя составныя части львовскаго студенчества 1896—97 г. представлялись такъ: Поляковъ около 770, Русиновъ ок. 450, Евреевъ 316, на общее число 1551 Въ зимнемъ семестрѣ 1905 г. во Львовѣ русиновъ было ок. 800 (вписалось въ рубрику русинской народности 792). По факультетамъ распредѣлялись они такъ: богословскій 300, юридическій 278, медицинскій 12, философскій 202. Какъ видимъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета (вообще малочисленнаго) цифры Русиновъ-студентовъ были уже тогда вполнѣ достаточны для того, чтобы изъ нихъ хоть сейчасъ сформировать отдѣльный университетъ изъ трехъ факультетовъ [1]). Въ Австріи и внѣ ея были и есть университеты гораздо менѣе людные. Такъ напр., университетъ въ Черновцахъ только въ послѣдніе годы началъ приближаться къ числу 400 студентовъ на всѣхъ трехъ своихъ факультетахъ, а въ прежніе годы имѣлъ гораздо меньше.

1) Теперь число студентовъ-Русиновъ львовскаго университета доходитъ до тысячи, или переходитъ за тысячу: точныхъ цифръ не можемъ указать, такъ какъ съ 1906 г. рубрика національностей вовсе исключена изъ отчетовъ львовскаго университета. Очевидно, эта статистика національностей становится неудобной кое кому.

Итакъ, совершенно напрасно говорить, что для русинскаго университета нѣтъ студентовъ. Не болѣе основательно утвержденіе, что для такого университета не нашлось бы профессоровъ. Можно указать среди галицкихъ Русиновъ цѣлый рядъ людей, заявившихъ себя научными работами, которые могли бы и занимали бы несомнѣнно каѳедры во львовскомъ университетѣ при иныхъ условіяхъ. Рядъ Галичанъ занимаетъ каѳедры въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи; несомнѣнно, нашлись бы желающіе занять каѳедры съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ и изъ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ три года, назначенные для націонализаціи львовскаго университета въ 1870 гг., можно бы теперь сформировать украинскій университетъ во Львовѣ, въ качественномъ отношеніи не уступающій вовсе тому, какой былъ сформированъ въ 1871—4 гг. Какими причинами вызывается нынѣшнее, усматриваемое польскими публицистами „равнодушіе“ Русиновъ къ университетской дѣятельности, вслѣдствіе котораго Русины „открыли“ лишь семь кафедръ,—достаточно выяснено предшествующимъ. Слѣдуя этой аргументаціи, я могъ бы подобнымъ образомъ вывести заключеніе о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ Поляковъ въ Россіи въ виду того, что число профессоровъ Поляковъ въ Варшавѣ въ 1870—1890 гг. постоянно убывало, и ихъ мѣста занимали Великороссы и Украинцы. Я могъ бы съ такимъ же совершенно основаніемъ говорить о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ Евреевъ въ Россіи также точно и по точно тѣмъ же причинамъ, что и въ Галиціи, и, въ концѣ концовъ, пользуясь этимъ методомъ, могъ бы придти къ заключенію о болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ Поляковъ и Евреевъ въ Россіи сравнительно съ Великороссами и Украинцами...

Къ наукѣ и галицкіе Украинцы не равнодушны, даже очень. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, они интересуются ею и заявляютъ себя научною дѣятельностью (см. ученыя изданія „Наукового товариства

ім. Шевченка", давно обратившія на себя вниманіе въ ученыхъ сферахъ, и весьма значительныя, несмотря на стѣсненное матеріальное положеніе этого единственнаго высшаго ученаго учрежденія Галицкой Руси). При весьма стѣсненномъ матеріальнюмъ положеніи они ухитряются предпринимать ученыя экскурсіи, ѣздятъ въ большіе ученые центры и за границу для усовершенствованія. Только къ университетской дѣятельности приходится имъ быть „равнодушными", такъ какъ не въ ихъ силахъ измѣнить ея условія.

Относительно *потребности* украинскаго университета во Львовѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Оставляя въ сторонѣ безчисленныя резолюціи, петиціи, представленія, записки, запросы, депутаціи, исходившія по этому вопросу за послѣднія шесть лѣтъ отъ русинскихъ депутатскихъ клубовъ, ученыхъ обществъ, митинговъ студенческихъ и всеобщихъ, городскихъ и даже сельскихъ,—я укажу лишь общія соображенія, не оставляющія мѣста сомнѣнію. Львовъ является въ настоящее время центромъ національной жизни украинской народности Галичины; ея культурные запросы за это время сильно выросли и культурный уровень поднялся,—это видно въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. Число студентовъ-Русиновъ львовскаго университета служитъ также нагляднымъ свидѣтельствомъ количественнаго и качественнаго наростанія интеллигенціи. Все это само по себѣ даетъ подразумѣвать необходимость русинскаго университета. Но онъ необходимъ также въ силу причинъ болѣе практическаго характера. Существуетъ рядъ гимназій, въ кототрыхъ всѣ предметы преподаются по-русински; это обстоятельство одно уже дѣлаетъ весьма желательнымъ существованіе философскаго факультета русинскаго, гдѣ будущіе преподаватели среднихъ учебн. заведеній могли бы прослушать курсы на томъ языкѣ, на которомъ имъ предстоитъ преподавать [1]).

---

[1]) Философскій факультетъ австрійскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ вмѣстѣ взятымъ факультетамъ историко-филологическому, естественному и математическому университетовъ Россіи.

То же самое нужно сказать и о юридическомъ факультетѣ: эти сотни Русиновъ-юристовъ не только изъ чисто культурныхъ, но и практическихъ мотивовъ желали бы прослушать курсъ юридическихъ наукъ на родномъ языкѣ, которымъ будутъ затѣмъ пользоваться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Пущенное въ курсъ польскими публицистами сообщеніе, что студенты Русины предпочитаютъ параллельные курсы русинскимъ, относится къ разряду беллетристики; я могу сказать это достаточно рѣшительно [1]).

Полнымъ незнаніемъ грѣшатъ соображенія, что отдѣльный русинскій университетъ могъ бы получить очень небольшія средства, сообразно числу студентовъ, и потому былъ бы очень жалокъ. Бюджетъ университета вовсе не зависитъ отъ числа студентовъ; краковскій университетъ, напр., имѣетъ слушателей гораздо меньше львовскаго, а въ немъ каѳедръ и преподавателей больше, чѣмъ во львовскомъ. Всѣ главныя каѳедры должны существовать одинаково, имѣетъ ли факультетъ 20 или 2,000 студентовъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли уже, украинскій университетъ изъ трехъ факультетовъ во Львовѣ уже теперь имѣлъ бы вполнѣ достаточный контингентъ слушателей.

И средства для этого нашлись бы. Правительство находитъ возможнымъ содержать дорогой медицинскій факультетъ во Львовѣ для ста студентовъ,—содержаніе русинскаго университета изъ трехъ факультетовъ не обошлось бы дороже. Въ 1870 гг. оно не пожалѣло средствъ для основанія отдѣльнаго университета для маленькой Буковины, съ ея полумилліоннымъ (тогда) населеніемъ, а собственно—въ интересахъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ мѣстнаго нѣмецкаго населенія. И

---

[1]) Профессорамъ Русинамъ раньше рекомендовалось читать отъ времени до времени курсы по польски изъ куртуазіи для господствующей польской корпораціи: и Русины-де не исключительно читаютъ по русински. Но въ настоящее время этотъ благой совѣтъ уже никѣмъ не исполняется.

теперь оно учреждаетъ отдѣльный юридическій факультетъ для студентовъ-Итальянцевъ небольшого иннсбрукскаго университета, мотивируя это тѣмъ, что національный антагонизмъ нѣмецкихъ и итальянскихъ студентовъ препятствуетъ правильному теченію академической жизни иннсбрукскаго университета. Если нашлись средства для удовлетворенія культурныхъ запросовъ немногочисленнаго [1]) итальянскаго населенія Австріи (при существованіи итальянскихъ университетовъ не въ дальнемъ разстояніи за границей), и правительство такъ близко принимаетъ къ сердцу правильное теченіе академической жизни въ Иннсбрукѣ, то оно, конечно, нашло бы средства для отдѣльнаго университета русинскаго, для удовлетворенія культурной потребности 4 милл. своего русинскаго населенія и устраненія весьма обостреннаго національнаго антагонизма во львовскомъ университетѣ. Но препятствіе встрѣчается со стороны польской: польскіе правящіе круги и общество противодѣйствуютъ культурной эмансипаціи Русиновъ и видятъ во всякомъ культурномъ пріобрѣтеніи ихъ новый ударъ своему господству въ краѣ (stanu posiadania). Они рѣшительно противятся изъ этихъ соображеній и учрежденію отдѣльнаго русинскаго университета, и умноженію русинскихъ каѳедръ, проявляютъ въ этомъ вопросѣ чрезвычайную заботливость объ интересахъ государственнаго казначейства и отважно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ культурныхъ средствъ у Русиновъ, отсутствіи у нихъ научныхъ преподавательскихъ силъ и „равнодушіи“ ихъ къ наукѣ.

О „національной справедливости“ лучше ужъ и не говорить въ виду этого.

III.

19 параграфъ австрійской конституціи, утверждающій національную равноправность народовъ Австріи,

---

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 727 тыс. итальянцевъ.

постановляетъ, что каждой народности государства должна быть предоставлена возможность получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ, чтобы она не была поставлена въ необходимость учиться чужому языку. Въ восточной Галиціи, гдѣ украинское (русинское) населеніе составляетъ около 70%, при 13% евреевъ и около 16% поляковъ, интересы украинскаго большинства, мѣстнаго коренного населенія, имѣютъ, конечно, преимущественное право на вниманіе и мы вправѣ ожидать, что въ организаціи школьнаго дѣла они прежде всего будутъ приняты въ разсчетъ. Къ услугамъ украинскаго населенія будутъ навѣрно созданы школы всѣхъ типовъ, начиная отъ начальныхъ и кончая высшими, и ему будетъ предоставлена полная возможность просвѣщаться на своемъ родномъ языкѣ. Конечно, это его естественное право—только утверждаемое, а не создаваемое указаннымъ параграфомъ конституціи, его „національное право". Но увы—ни это „національное право", ни основной законъ не обезпечиваютъ этой возможности въ дѣйствительности, и эта дѣйствительность стоитъ въ полномъ контрастѣ съ признаннымъ закономъ правомъ украинскаго населенія на національную школу. Мы видѣли это на примѣрѣ университета—теперь увидимъ то же на примѣрѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Необходимость національзаціи школы въ интересахъ культурнаго развитія украинскаго населенія Галиціи сознавалась уже при первомъ пробужденіи русинской народности. Въ 1848 г. это сознаніе проявилось съ особой силой, и сдѣланныя въ этомъ смыслѣ представленія правительству имѣли тогда результатомъ извѣстное намъ уже распоряженіе отъ 4 дек. 1848 г., объявлявшее, что нѣмецкій языкъ въ преподаваніи гимназій русинскихъ частей Галиціи сохраняется временно, пока наличность преподавателей, владѣющихъ русинскимъ языкомъ, не дастъ возможности ввести преподаваніе на этомъ послѣднемъ. Однако и тутъ, какъ и въ университетскомъ вопросѣ, правительство само

ничего не сдѣлало для приготовленія такихъ преподавателей и введенія русинскаго языка, и гимназіи сохранили свой нѣмецкій характеръ вплоть до самой конституціонной эры—до 1867 г., принесшаго вмѣстѣ съ признаніемъ права народностей національзацію школы. Но, какъ мы знаемъ, отношенія въ Галиціи за это время успѣли радикально измѣниться сравнительно съ 1848 годомъ, и правительство, склонное тогда поддерживать культурныя и національныя стремленія русинской народности, въ 1860-хъ годахъ признало вполнѣ гегемонію польской шляхты въ Галиціи. Въ результатѣ при замѣнѣ нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ Галиціи „мѣстными языками“ только *одна* гимназія—старая „академическая“ гимназія Львова—получила (и то не сразу) преподаваніе на языкѣ русинскомъ, въ двухъ гимназіяхъ сохраненъ нѣмецкій языкъ (въ интересахъ, главнымъ образомъ, еврейскаго населенія), а во всѣхъ остальныхъ введено преподаваніе на польскомъ языкѣ.

Это пріобрѣтеніе польскіе владыки Галиціи поспѣшили закрѣпить за собою статутомъ, принятымъ галицкимъ сеймомъ, не смотря на энергическую оппозицію русинскаго меньшинства (статутъ 22 іюня 1867 г., § 7). На основаніи его введеніе на будущее время русинскаго языка въ преподаваніе какой либо гимназіи или реальнаго училища, или открытіе средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ могло состояться не иначе, какъ по особому постановленію галицкаго сейма, которому имѣетъ предшедствовать еще благопріятный отзывъ мѣстной „повѣтовой рады“ (уѣздной земской управы). Этотъ статутъ остается до сихъ поръ единственнымъ и исключительнымъ: въ прочихъ провинціяхъ Австріи подобное ограниченіе совершенно неизвѣстно. Несмотря на свою исключительность, онъ, однако, благодаря всемогущему вліянію польскаго клуба, получилъ санкцію правительства и сохраняетъ силу до сихъ поръ. Тенденція его очевидна: галицкій сеймъ, въ которомъ избирательная система

обезпечиваетъ подавляющее большинство представителямъ польской народности, сдѣлался властнымъ блюстителемъ господства польскаго языка въ средней школѣ. Онъ можетъ наложить veto на каждую попытку правительства сдѣлать что нибудь для русинской народности въ этой сферѣ. Законъ этотъ обезпечиваетъ польской народности не только дальнѣйшее владѣніе средними школами восточной Галиціи, захваченное въ 1867 г., но и гарантируетъ, что ущербъ, причиненный русинской народности этимъ захватомъ, не будетъ вознагражденъ открытіемъ новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ. Польское представительство края получило привиллегію быть тормозомъ культурнаго движенія русинской народности, и Поляки могли быть спокойны относительно своего культурнаго преобладанія: ключъ къ культурному развитію Русиновъ лежалъ въ ихъ рукахъ.

Изъ этихъ опасныхъ правъ, которыя давалъ имъ законъ 1867 г., польское общество и его сеймовые представители сдѣлали какъ нельзя болѣе рѣшительное употребленіе. Хотя среднія учебныя заведенія открываются правительствомъ на средства государственнаго казначейства (и поэтому всюду въ Австріи учреждаются просто министерствомъ безъ санкціи сеймовъ), Поляки усвоили взглядъ, что каждое новое среднее учебное заведеніе съ русинскимъ языкомъ, учреждаемое въ Галиціи, является уступкою, великодушнымъ даромъ русинской народности съ ихъ стороны, и вообще существованіе такихъ школъ—одно великодушіе со стороны Поляковъ. Съ другой стороны, держась такого взгляда, что каждое культурное пріобрѣтеніе Русиновъ является ущербомъ для полнаго и нераздѣльнаго господства польской народности, Поляки старались не выпускать изъ рукъ этихъ „великодушныхъ подарковъ“ и давали свое согласіе на учрежденіе новыхъ русинскихъ учебныхъ заведеній только въ крайности‘ т. е. тогда, когда уже никакъ нельзя было его не дать. Такъ бывало, когда центральное правительство произ-

водило съ своей стороны слишкомъ сильное давленіе въ этомъ направленіи, или нужно было дать какую нибудь подачку Русинамъ, какъ вознагражденіе за уступки или потери, причиняемыя имъ какимъ нибудь новымъ смѣлымъ „завоеваніемъ" Поляковъ въ жизни и устройствѣ края.

При этомъ, однако, принимались еще всѣ мѣры къ тому, чтобы такая новая русинская школа могла какъ можно меньше конкурировать съ школами польскими. Правда, за это уже въ сильной степени ручалась школьная администрація, находящаяся вполнѣ въ польскихъ рукахъ [1]), но кромѣ того принимались еще и другія мѣры въ этомъ направленіи. Такъ, польскія сферы, администрація и представительство разъ навсегда приняли принципъ, что русинскія учебныя заведенія могутъ учреждаться только въ городахъ, гдѣ уже имѣются такія же польскія учебныя заведенія. Этотъ принципъ, совершенно нераціональный съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ создаетъ конкурирующія школы въ одной и той же мѣстности вмѣсто того, чтобы учреждать ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы, имѣетъ въ виду не допустить того, чтобы Поляки и Евреи, за неимѣніемъ польскаго учебнаго заведенія, отдавали своихъ дѣтей въ русинское, гдѣ они были бы принуждены учиться по украински (русински) и подпадали бы украинизаціи, ruszczeniu, какъ принуждены подпадать полонизаціи (polszczeniu) русинскія и еврейскія дѣти въ польскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Предпочитается оставить дѣтей, въ томъ числѣ и польскихъ, данной мѣстности, не имѣющей никакой гимназіи, вовсе безъ образованія, только бы они не имѣли соблазна поступить въ гимназію русинскую. Русинскія среднія школы польскій сеймъ хо-

---

[1]) Средними и низшими учебными заведеніями завѣдываетъ „училищный совѣтъ края" (краева шкільна рада, rada szkolna krajowa), состоящая изъ инспекторовъ и совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Галиціи.

тѣлъ допустить только въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, и въ такой формѣ допускалъ первую изъ разрѣшенныхъ имъ русинскихъ гимназій (въ Перемышлѣ). Министерство не нашло возможнымъ держаться вполнѣ этого требованія; но все таки русинскія гимназіи учреждаются сначала въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, часто въ весьма неудобныхъ, невозможныхъ даже помѣщеніяхъ, имѣющихся при польской гимназіи, и остаются и позже pod jednym dachem съ польской, хотя и получаютъ, достигнувъ полнаго числа классовъ, самостоятельную организацію. И т. п.

Чтобы показать, какъ трудно достается Русинамъ учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній съ русинскимъ языыомъ, я представлю вкратцѣ исторію основанія этихъ школъ, и нѣсколько подробнѣе остановлюсь на весьма характерной исторіи послѣдней изъ нихъ.

Послѣ того, какъ Поляки завладѣли всѣми средними школами въ 1867 г., оставивъ Русинамъ только одну львовскую гимназію, Русинамъ только въ 1880-хъ гг. удалось поставить на очередь дѣло объ учрежденіи новыхъ русинскихъ гимназій. Въ первую очередь былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи русинской гимназіи въ Перемышлѣ (самомъ большомъ центрѣ восточной Галиціи послѣ Львова), гдѣ къ этому времени число учениковъ-Русиновъ доходило до 200, а по австрійскимъ школьнымъ правиламъ двѣсти учениковъ представляютъ число, достаточное для отдѣльной гимназіи. Министерство признавало справедливость этого требованія, но польское большинство сейма отказывало въ своемъ согласіи, прибѣгая ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ аргументамъ, начиная съ соображеній о недостаточномъ числѣ учениковъ и преподавателей-Русиновъ и кончая соображеніемъ, что совмѣстное обученіе учениковъ Русиновъ и Поляковъ способствуетъ смягченію національнаго антагонизма (хотя принудительное обученіе Русиновъ въ польскихъ шко-

лахъ съ польскимъ режимомъ, къ которому на практикѣ сводится эта теорія, именно усиливаетъ антагонизмъ, какъ показываетъ жизнь и какъ, впрочемъ, и по себѣ знаютъ это Поляки, ратующіе противъ подобнаго школьнаго режима въ Россіи и Пруссіи). *Четыре* года (1884—1887) велась борьба въ сеймѣ за эту бѣдную перемышльскую гимназію, и наконецъ Поляки, уступая внушеніямъ, исходившимъ отъ центральнаго правительства, дали согласіе на учрежденіе русинскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи, „по мѣрѣ того, какъ въ нихъ окажется потребность". Это рѣшеніе было однако нѣсколько модифицировано при сообщеніи ему правительственной санкціи, и въ принципѣ была рѣшена русинская гимназія: параллельные русинскіе классы пополнялись съ каждымъ годомъ и затѣмъ были сформированы въ отдѣльную гимназію. Съ началомъ учебнаго года 1903—4 она уже имѣла 579 учениковъ и продолжаетъ увеличиваться [1]).

Разрѣшенія на двѣ слѣдующія гимназіи: коломыйскую и тернопольскую были даны при исключительныхъ обстоятельствахъ, и онѣ не проходили чрезъ столь долгія мытарства. Разрѣшеніе на открытіе русинской гимназіи въ Коломыѣ входило въ число тѣхъ „уступокъ", которыя имѣли свидѣтельствовать о перемѣнѣ національнаго курса въ Галиціи, а за цѣну этой перемѣны имѣла состояться такъ называемая ugoda, русинско-польское соглашеніе, заключавшееся въ томъ, что русинская національная партія (народовцї), представлявшая большинство русинской интеллигенціи, должна была принять знамя австрійскаго легитимизма, подобно Полякамъ, а въ дѣйствительности — сдѣлаться вѣрными друзьями или слугами польской правящей партіи и ея господства въ Галиціи. Такъ какъ Русины такого характера соглашенія не предвидѣли и въ дѣйствительности перемѣны національнаго курса не усма-

---

[1]) Статистическія данныя черпаю изъ оффиціальныхъ отчетовъ (Sprawozdanie rady szkolnej krajowej).

тривали, то эта „угода“ просуществовала очень коротко, но оставила послѣ себя нѣкоторыя „концессіи“ русинской народности, въ томъ числѣ и учрежденіе гимназіи въ Коломыѣ.

Гимназія въ Тернополѣ была учреждена по случаю 50-лѣтія правленія нынѣшняго императора. Пользуясь этимъ событіемъ, Поляки рѣшили достигнуть эвакуаціи стараго королевскаго замка въ Краковѣ, занятаго австрійскими казармами. Въ сеймѣ было проведено постановленіе—реставрировать этотъ замокъ на счетъ края, т. е. цѣною спеціальнаго увеличенія податей съ рабочихъ массъ, которыя должны были покрыть милліонные кредиты, вотированные на этотъ предметъ. Такъ какъ это предложеніе имѣло въ виду исключительно польскія національныя цѣли, то чувствовалась ощутительная надобность дать какую нибудь „концессію“ и Русинамъ, и такъ состоялось великодушное разрѣшеніе открыть въ Тернополѣ русинскую гимназію имени имп. Франца-Іосифа.

Открытыя сначала также въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ гимназіяхъ, эти русинскія гимназіи, несмотря на крайне неудобныя, ставшія притчею во языцѣхъ помѣщенія и тяготѣвшую на нихъ руку школьной администраціи, развивались все-таки успѣшно, и въ началѣ школьнаго года 1903—4 коломыйская гимназія, ставшая полной въ 1899—900 г., имѣла уже 485 учениковъ, а тернопольская, въ составѣ всего шести классовъ—497 учениковъ (полною она стала лишь съ 1905 года)

Если бы Русины усвоили вполнѣ ту умѣренность въ требованіяхъ, которую усиленно имъ рекомендуютъ галицкіе Поляки, они для учрежденія слѣдующей гимназіи подождали бы слѣдующаго юбилея императора, и дѣло пошло бы, можетъ быть, глаже. Но будучи въ своихъ культурныхъ требованіяхъ очень прытки, Русины, едва успѣвъ получить отъ Поляковъ великодушный даръ въ видѣ гимназіи въ Тернополѣ, начали хлопотать о новыхъ гимназіяхъ. На первый планъ вы-

ступилъ Станиславовъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ сдѣлавшійся третьимъ (послѣ Львова и Перемышля) административнымъ центромъ восточной Галиціи. Число учениковъ-Русиновъ было здѣсь весьма значительно, приближалось къ двумстамъ, не очень многимъ уступая числу Поляковъ, и сначала родители учениковъ, затѣмъ и русинскія общества и институціи начали ходатайствовать передъ школьною администраціей объ открытіи въ Станиславовѣ русинской гимназіи. Послѣ разныхъ препонъ и мытарствъ, поглотившихъ нѣсколько лѣтъ, дѣло это вышло на торную дорогу галицкой рутины въ 1900—1 г.: повѣтовая рада поддержала ходатайство, училищный совѣтъ края и министерство признало его законность и основательность. Недоставало только согласія сейма. Но тутъ-то и загвоздка! Большинство сейма рѣшительно не хотѣло согласиться на открытіе новой русинской гимназіи. Въ виду требованій Русиновъ правительство приняло было ее уже въ свою смѣту, но польскій клубъ поставилъ рѣшительно свое veto, и вопросъ переданъ въ сеймъ, а этотъ послѣдній, точнѣе—его польское большинство, рѣшительно не хотѣло дать благопріятнаго рѣшенія вопросу. Положеніе становилось очень неловкимъ. Станиславовская гимназія выросла до назченія вопроса первостепенной важности, заинтересовавшаго политиковъ цѣлой Австріи. Самъ императоръ, пріѣхавъ въ Галицію осенью 1903 г., выражалъ съ рѣдкою въ русинскихъ дѣлахъ рѣшительностью свое желаніе, чтобы сеймъ рѣшилъ вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ. Но большинство постановило выдержать характеръ: сеймъ, сначала отложивъ рѣшеніе вопроса до слѣдующей сессіи, въ концѣ концовъ отказалъ въ своемъ согласіи. Депутаты-Русины сложили свои полномочія. Выбранные снова, они опять поставили вопросъ объ этой несчастной гимназіи. Положеніе дѣлъ на этотъ разъ было иное: Поляки проводили цѣлый рядъ существенныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью дальнѣйшее упроченіе ихъ господства въ Галиціи. Во

главѣ ихъ стоялъ законопроектъ о рентовыхъ хозяйствахъ, имѣвшихъ цѣлью раздачу сельскихъ участковъ на льготныхъ условіяхъ польскимъ крестьянамъ, для привлеченія такимъ образомъ польскихъ колонистовъ въ восточную Галицію, въ видахъ ея полонизаціи. Вотированный уже разъ, законъ этотъ не получилъ правительственной санкціи вслѣдствіе рѣзкой оппозиціи Русиновъ, видѣвшихъ въ немъ ударъ, направленный противъ самаго существованія русинской народности. Нужно было что нибудь „дать" Русинамъ, и подъ конецъ сессіи было поставлено и вотировано учрежденіе станиславовской гимназіи, какъ своего рода вознагражденіе за очень сдержанную оппозицію депутатовъ-Русиновъ. Эти обстоятельства, при которыхъ была сдѣлана польскимъ большинствомъ уступка, произвели гнетущее впечатлѣніе въ русинскомъ обществѣ и отравили всякое удовольствіе отъ этого пріобрѣтенія... Вдобавокъ, данная такой дорогой цѣной эта новая русинская гимназія даже въ своемъ окончательномъ осуществленіи встрѣтилась еще съ рядомъ новыхъ препятствій, затормозившихъ ея открытіе, послѣдовавшее только осенью 1905 г.

Такова печальная исторія этой послѣдней гимназіи. Шесть лѣтъ пришлось ее добиваться Русинамъ, какъ Богъ знаетъ какой благодати, и несмотря на сочувствіе этому требованію центральнаго правительства—они получили ее только въ видѣ унизительной подачки польскаго большинства, при обстоятельствахъ, осквернившихъ въ конецъ это новое культурное пріобрѣтеніе. Подобная печальная перспектива предстоитъ, очевидно, и дальнѣйшимъ гимназіямъ, ожидающимъ давно своей очереди. Изъ нихъ опять придется выбрать одну, отодвинувъ прочія на дальнѣйшую очередь. Нужно будетъ годами добиваться, обращаясь ко всѣмъ возможнымъ инстанціямъ, и ждать случая, когда Полякамъ понадобится опять торговать русинскую душу или русинскія кости...

А между тѣмъ, для преподаванія на польскомъ

языкѣ, и такъ уже поставленнаго въ сравненіи съ русинскимъ въ чрезвычайно выгодныя условія, создаются все новыя и новыя школы; для этого не встрѣчается никакихъ препятствій, никакихъ мытарствъ. Съ горечью указываютъ Русины на обстоятельсво. что пока они съ такими трудностями добивались и не могли добиться одной станиславской гимназіи, въ Галиціи учреждено простыми административными распоряженіями *четырнадцать* новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ [1]). Польская администрація и общество не перестаютъ очень настойчиво указывать на то, что Галиція сравнительно съ своей территоріей и населеніемъ имѣетъ среднихъ школъ гораздо меньше, чѣмъ другія провинціи Австріи, и требуютъ отъ правительства умноженія ихъ числа. Въ этомъ подсчетѣ фигурируетъ русинская (гораздо большая) половина Галиціи и русинское населеніе ея (также несколько превосходящее польское), и если кто имѣетъ право сравнительно съ другими провинціями и народностями Австріи на увеличеніе образовательныхъ средствъ, въ частности среднихъ школъ,— то именно Русины. Но польская администрація, польскіе правители домагаются и получаютъ на основаніи этихъ подсчетовъ школы польскія, а русинскія школы—это ужъ „другое дѣло", ćo innego какъ говорится обыкновенно. Поляки, совершенно не стѣсняясь, заявляютъ, что русинскія среднія школы „представляются въ нѣкоторомъ родѣ роскошью и, благодаря русинскому преподавательскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу"; по ихъ мнѣнію, увеличеніе числа русинскихъ гимназій даже влечетъ за собою

[1]) Это обстоятельство послужитъ отвѣтомъ на польскія разсужденія на тему, что вмѣсто учрежденія новыхъ русинскихъ гимназій лучше бы улучшить матеріальное положеніе учительскаго персонала. Когда учреждаются новыя польскія гимназіи, тогда объ этомъ нѣтъ и помину. А относительно русинскихъ гимназій всякій аргументъ бываетъ хорошъ, лишь бы препятствовалъ или оттягивалъ ихъ учрежденіе.

„пониженіе уровня просвѣщенія“. Но среднія школы съ русинскимъ языкомъ подвѣдомственны тому же школьному совѣту, почти исключительно польскому по своему составу; обученіе происходитъ въ нихъ по учебникамъ, изданнымъ тѣмъ же совѣтомъ; преподавателями являются лица, окончившія университетъ, который Поляки такъ любятъ называть „польскимъ“; испытанію подвергались они въ экзаменаціонной комиссіи польской. Въ виду этого приходится притти къ заключенію, что по мнѣнію польскихъ публицистовъ самъ русинскій (украинскій) языкъ этихъ школъ имѣетъ свойство понижать ихъ культурный уровень. Убѣжденіе очень характерное для польско украинскихъ національныхъ отношеній.

Насколько уже теперь поставлена въ привиллегированныя условія польская школьная молодежь въ сравненіи съ русинскою въ Галиціи, покажутъ намъ нѣсколько цифръ. Къ сожалѣнію только, я долженъ оговориться, что галицкая статистика, вообще, и школьная, въ частности, питаетъ непреодолимое отвращеніе къ національнымъ рубрикамъ и не даетъ возможности надлежащимъ образомъ представить все значеніе и напряженность національной политики Галиціи, такъ что намъ придется ограничиться лишь нѣкоторыми наблюденіями. Учебные отчеты даютъ только двѣ таблицы съ національными рубриками: школъ съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языкѣ и учениковъ въ концѣ учебнаго года по религіи и національности. При этомъ и здѣсь категоріи національности нуждаются въ поправкахъ. Евреи обыкновенно фигурируютъ въ рубрикѣ Поляковъ. Поэтому таблички учениковъ по національностямъ, приводимыя польскими публицистами, вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ, напр., въ общемъ числѣ учениковъ гимназій Поляковъ 1897/8 г., данномъ въ польскихъ статьяхъ, вызвавшихъ эти замѣтки, въ число Поляковъ включено около 2.700 Евреевъ, составляющихъ свыше 18% общаго числа учениковъ.

Съ началомъ учебнаго года 1903/4 было въ Гали-

ціи 49 среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ [1]); въ томъ числѣ съ польскимъ преподаваніемъ 43, съ русинскимъ 4, съ нѣмецкимъ 2 [2]). На восточную (русинскую) Галицію приходится въ томъ числѣ польскихъ школъ 25, русинскихъ 4, нѣмецкихъ 2. Итакъ, коренное русинское большинство восточной Галиціи, превосходящее число Поляковъ въ четыре раза, имѣетъ среднихъ школъ съ русинскимъ языкомъ въ шесть разъ меньше, чѣмъ сколько имѣютъ Поляки восточной Галиціи. Одна польская средняя школа приходится здѣсь приблизительно на 30 тыс. польскаго населенія, одна русинская—на 820 тыс. русинскаго населенія!..

Эта вопіющая неравномѣрность оказываетъ весьма существенное вліяніе на культурные успѣхи украинской народности Галиціи. Шансы русинскаго населенія, принужденнаго посылать большинство своихъ дѣтей въ гимназіи и реальныя училища польскія, и шансы населенія польскаго, посылающаго своихъ дѣтей въ гимназіи почти исключительно польскія, совсѣмъ не равны. Перспектива прохожденія курса на языкѣ родномъ или чужомъ оказываетъ чрезвычайное вліяніе на количество дѣтей, пользующихся услугами средней школы. Передъ введеніемъ польскаго языка въ среднія школы число учениковъ Русиновъ въ восточной Галиціи превосходило число Поляковъ. Нѣкоторыя цифры изъ этого времени кажутся теперь почти баснословными. Такъ, напр., въ гимназіи въ Самборѣ въ 1858 г. было 202 Русина, 97 Поляковъ. Въ Дрогобычѣ къ испытаніямъ зрѣлости въ 1870 г. (т. е. уже при польскомъ преподаваніи, но въ такомъ составѣ класса, какъ онъ сложился предъ введеніемъ польскаго языка) приступило 36 Русиновъ и 5 Поляковъ. Теперь, послѣ нѣсколь-

[1]) Въ эту цифру включены 3 филіальныя учебныя заведенія, т. е. параллельные классы, выдѣленные фактически въ отдѣльныя учебныя заведенія.

[2]) Изъ двухъ нѣмецкихъ гимназій одна—въ Бродахъ, теперь также преобразовывается въ польскую.

кихъ энергическихъ „чистокъ", Русины въ обѣихъ гимназіяхъ оказываются въ меньшинствѣ: по польскому отчету (1902/3 г.) въ Самборѣ было 313 Поляковъ, Русиновъ 166, въ Дрогобычѣ 177 Поляковъ, Русиновъ 125, и вообще число Русиновъ въ среднихъ школахъ восточной Галиціи значительно уступаетъ числу Поляковъ. Въ гимназіяхъ восточной Галиціи въ концѣ учебнаго года 1902/3 было около 6.000 учениковъ Поляковъ и около 4.000 Русиновъ, а съ реальными школами около 7.000 Поляковъ и свыше 4.000 Русиновъ [1]). Переходъ школьнаго дѣла въ руки польской администраціи и введеніе польскаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи были причинами, приведшими къ такой перемѣнѣ. Чтобы возвратить эти отношенія къ нормальнымъ—къ пропорціи населенія—необходимо не только учрежденіе русинскихъ школъ, гимназій и реальныхъ школъ во всѣхъ значительнѣйшихъ пунктахъ восточной Галиціи, но и созданіе отдѣльнаго управленія для русинскихъ школъ. Это требованіе дѣйствительно и занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ національной программѣ галицкихъ Русиновъ, но всѣ напоминанія ихъ о необходимости „раздѣла училищнаго совѣта" остаются до сихъ поръ безплодными, разбиваясь о противодѣйствіе Поляковъ.

Въ русинскихъ кругахъ не умолкаютъ жалобы на то, что въ рукахъ польской администраціи школьное дѣло, а особенно школы польскія, служатъ ареною національной борьбы; что въ польскихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ къ ученикамъ Русинамъ относятся гораздо строже, чѣмъ къ Полякамъ; что они подвергаются здѣсь очень усердной „чисткѣ" со стороны преподавателей и начальства, весьма усердно противодѣйствующихъ „перепроизводству" русинской интеллигенціи и энергически искореняющихъ среди русинской

---

[1]) Въ виду отмѣченныхъ выше свойствъ галицкой школьной статистики цифры Русиновъ и Поляковъ могутъ быть выведены только приблизительно.

молодежи „вольный духъ“ и „національный антагонизмъ“. Такіе факты и поступки, для которыхъ по отношенію къ польской молодежи находятся оправданія въ „юношеской горячности“, „патріотическомъ увлеченіи“, по отношенію къ молодежи русинской караются очень строго и безпощадно. Нѣкоторые эпизоды получили широкую огласку. Таково, напр., недавнее дѣло о преслѣдованіи учениковъ Русиновъ въ бродской гимназіи. Дрогобычъ, извѣстный вообще своими избіеніями русинскихъ младенцевъ, подкосившими прежнее численное преобладаніе учениковъ-Русиновъ въ этой гимназіи, недавно снова напомнилъ о себѣ довольно характернымъ эпизодомъ: антипольскій дебошъ, произведенный въ городѣ *неизвѣстными* людьми, далъ поводъ гимназическому начальству исключить рядъ учениковъ-Русиновъ изъ гимназіи вовсе безъ всякихъ уликъ, а на пріемныхъ экзаменахъ, происходившихъ чрезъ нѣсколько дней по упомянутомъ событіи, изъ 20 Русиновъ, державшихъ экзаменъ, волею судебъ провалилось *семнадцать*.

Этими условіями объясняютъ сравнительную малочисленность Русинъ въ польскихъ школахъ и то обстоятельство, что имъ никогда не удается сравняться въ числѣ съ Поляками. Предохранительный клапанъ по мановенію руки начальства всегда можетъ освободить учебное заведеніе отъ нежелательныхъ излишковъ украинскаго элемента [1]). Напр., напомню такой въ свое время опубликованный фактецъ. Въ самборской гимназіи въ 1898/9 г. было въ VII классѣ 23 Русина, 22 Поляка и 6 Евреевъ; изъ нихъ въ VIII классъ перешло 11 Русиновъ, 21 Полякъ и 6 Евреевъ, провалилось 12 Русиновъ, 1 Полякъ и ни одного Еврея. Равновѣсіе было возстановлено!

---

[1]) Фактъ, не лишенный значенія, что директорами въ учебныхъ заведеніяхъ съ польскимъ языкомъ никогда не назначаются Русины, исключая лицъ вполнѣ отказавшихся отъ своей національности, хотя между преподавателями этихъ учебныхъ заведеній Русиновъ довольно много.

Въ силу подобныхъ эпизодовъ въ русинскомъ населеніи установилась за польскими гимназіями довольно печальная репутація. Независимо отъ нея, самое преподаваніе на польскомъ языкѣ и роль польскаго языка, какъ главнаго предмета въ преподаваніи, является немалымъ препятствіемъ къ успѣшному прохожденію курса Русинами. Польскій языкъ служитъ камнемъ преткновенія для русинскихъ дѣтей, особенно крестьянскихъ, уже на порогѣ гимназіи, и не перестаетъ для нихъ быть имъ и впослѣдствіи. Поэтому, крестьяне, очень часто изъ послѣдняго тянущіеся, чтобы дать дѣтямъ образованіе, неохотно отдаютъ ихъ въ польскія гимназіи. При всѣхъ недостаткахъ гимназій русинскихъ, зависящихъ отчасти отъ общихъ условій школьнаго дѣла въ Австріи, отчасти отъ спеціальнаго вниманія, которымъ пользуются онѣ у польской администраціи, весьма тщательно подбирающей для нихъ составъ преподавателей,—все-таки преподаваніе на родномъ языкѣ очень сильно облегчаетъ прохожденіе въ нихъ курса русинскимъ дѣтямъ, а атмосфера въ нихъ, несомнѣнно, для нихъ легче—хотя, конечно, поблажки не дается и тутъ. Наоборотъ, находясь подъ очень бдительнымъ надзоромъ администраціи, русинскія гимназіи относятся къ своимъ питомцамъ съ требовательностью, несомнѣнно, даже большею, чѣмъ та, какую встрѣчаютъ поляки въ польскихъ [1]). Напр., въ 1900/1 г. процентъ вышедшихъ

---

[1]) Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что на громадномъ большинствѣ учениковъ русинскихъ гимназій лежитъ бремя, почти невѣдомое ученикамъ Полякамъ: изученіе другого мѣстнаго языка. Въ польскихъ гимназіяхъ долженъ преподаваться украинскій (русинскій) языкъ, какъ необязательный предметъ, въ русинскихъ—польскій. Но украинскій языкъ преподается въ дѣйствительности далеко не во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ, преподаваніе его происходитъ по программѣ очень сокращенной сравнительно съ польскимъ и ведется обыкновенно спустя рукава, а учится ему очень мало учениковъ-Поляковъ. Польскій же языкъ въ русинскихъ гимназіяхъ поставленъ очень серьезно: школьное начальство прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы это дѣло было поставлено какъ можно

до окончанія курса и не выдержавшихъ испытаній въ русинскихъ гимназіяхъ далъ 25%; въ польскихъ и нѣмецкихъ гимназіяхъ восточной Галиціи 22%, въ западной Галиціи, гдѣ русинскій элементъ почти отсутствуетъ, около 19%. При пріемныхъ экзаменахъ того же года въ русинскихъ гимназіяхъ не выдержало испытаній 25%, въ прочихъ восточно-галицкихъ—23%; въ западныхъ—18,8%. Но несмотря на эту сравнительную строгость, имѣющую своимъ объектомъ русинскую молодежь во всѣхъ видахъ школъ, все-таки положеніе ея въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря преподаванію на родномъ языкѣ, много сноснѣе и потому наплывъ ея въ эти гимназіи очень значителенъ.

Насколько русинское населеніе дорожитъ русинскими гимназіями, показываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ четырехъ русинскихъ гимназіяхъ вост. Галиціи обучается половина всѣхъ учениковъ-Русиновъ среднихъ школъ восточной Галиціи—въ 1902/3 г. около 48%. Каждая изъ русинскихъ гимназій притягиваетъ учениковъ изъ очень большого района. Еще большую притягательную силу имѣетъ она для своей ближайшей окрестности. Несмотря на крайне стѣсненное матеріальное положеніе и разныя нововведенія, въ послѣдніе годы еще больше затруднившія доступъ въ среднюю школу неимущему люду [1]), крестьяне ближайшей

лучше и ученики-Русины записывались на этотъ предметъ въ возможно большемъ числѣ. Поэтому ученики русинскихъ гимназій въ огромномъ большинствѣ учатся польскому языку, не всегда даже добровольно. Заботливость о польскомъ языкѣ доходитъ иногда до курьезовъ; напр., при учрежденіи русинской гимназіи въ Коломыѣ прежде всего былъ назначенъ въ эту гимназію преподаватель польскаго языка (необязательнаго предмета!).

[1]) Такъ, увеличена очень значительно плата за ученіе, введена форменная одежда—усложненія, тяжело легшія на неимущіе классы. Былъ ли тутъ умыселъ, какъ подозрѣвали, трудно сказать; но что эти мѣры утруднили и безъ того нелегкій доступъ къ средней школѣ неимущему русинскому населенію это не подлежитъ сомнѣнію.

окрестности тянутся изъ послѣднихъ силъ къ русинской школѣ. Изъ ближайшихъ подгородныхъ селъ, за нѣсколько верстъ, дѣти ходятъ въ гимназіи пѣшкомъ; крестьяне изъ болѣе дальнихъ мѣстностей держатъ дѣтей въ городѣ на своихъ харчахъ у родныхъ, знакомыхъ и т. д. Такимъ образомъ, открытіе каждой новой русинской гимназіи создаетъ новый контингентъ учениковъ изъ русинскаго крестьянскаго и бѣднаго городского населенія данной мѣстности, страстно рвущагося въ настоящее время къ образованію, къ свѣту, но не имѣющаго возможности посылать дѣтей въ болѣе отдаленныя русинскія гимназіи и далеко не такъ охотно обращающагося къ гимназіямъ польскимъ, съ чужимъ языкомъ и чужимъ режимомъ. Этимъ объясняется быстрый ростъ учениковъ-Русиновъ въ городахъ, гдѣ появляется русинская гимназія. Такъ, 15 лѣтъ тому назадъ, предъ учрежденіемъ русинской гимназіи, въ Перемышлѣ было гимназистовъ-Русиновъ 121, въ 1903 году ихъ тамъ было 546, а въ началѣ 1903—4 г. около 650. Въ Коломыѣ въ концѣ 1889—90 г., предъ открытіемъ русинской гимназіи, было Русиновъ 168, въ концѣ 1902—3 г. 428, въ началѣ 1903—4 г. свыше 500. Въ Тернополѣ въ 1895—6 г. было Русиновъ 151, въ концѣ 1902—3 г. 438, въ началѣ 1903—4 около 560 [1]). Можно себѣ представить, какой переворотъ въ статистикѣ учениковъ, какія перемѣны въ культурѣ края вызвало бы учрежденіе хотя бы приблизительно

---

[1]) Цифры учениковъ при окончаніи школьнаго года вообще значительно ниже его начала; много бываетъ принуждено уйти послѣ первыхъ отмѣтокъ, такъ какъ одинъ плохой баллъ лишаетъ права освобожденія отъ платы за ученіе, а эта довольно высокая плата для очень многихъ создаетъ непреодолимую преграду къ дальнѣйшему обученію. Интересно, что и въ этомъ отношеніи Русины, кажется, поставлены въ худшія условія, чѣмъ Поляки; на это указываетъ разница между восточною и западною Галиціею: въ послѣдней процентъ освобожденныхъ отъ платы выше. Напр., въ 1900—1902 г. въ гимназіяхъ восточной Галиціи было освобождено 65% учениковъ, въ гимназіяхъ западной—74%.

такого числа русинскихъ гимназій, какое слѣдовало бы имѣть украинской народности Галиціи по соображеніямъ „національной справедливости“. Если бы они, превосходя числомъ Поляковъ, получили хотя бы приблизительно такое число среднихъ школъ, сколько имѣется теперь школъ съ польскимъ языкомъ, если бы школы съ русинскимъ языкомъ появились во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ и городкахъ восточной Галиціи, цифры національной статистики въ учебныхъ заведеніяхъ измѣнились бы до неузнаваемости [1]).

Теперь посылать своихъ дѣтей въ русинскую гимназію, за десятки и сотни верстъ, для большинства является совершенно недоступною роскошью. Въ 1902—3 г. около 55% всѣхъ Русиновъ-учениковъ среднихъ школъ Галиціи, обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ съ не-роднымъ языкомъ (главнымъ образомъ польскимъ), между тѣмъ какъ изъ числа учениковъ-Поляковъ только 2% (*два*!) посѣщало среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ!.. [2]) Еще одна маленькая, но краснорѣчивая цифра...

При чрезвычайномъ, тяжкомъ обѣднѣніи русинскаго населенія Галиціи, при тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаютъ русинскихъ дѣтей въ школѣ—въ суммѣ онѣ, несомнѣнно, гораздо тяжелѣе сравнительно съ условіями, въ которыхъ обучаются польскія дѣти,— русинское населеніе главнымъ образомъ русинскимъ гимназіямъ обязано тѣмъ, что процентъ русинскихъ дѣтей въ общей суммѣ учащейся молодежи не только не падалъ, но даже понемногу увеличивался за это время. Все складывалось такъ, что онъ долженъ былъ падать. Вѣдь польскія среднія школы за это время

---

[1]) Малое число учениковъ-Русиновъ въ реальныхъ школахъ, несомнѣнно, также объясняется отсутствіемъ реальныхъ школъ съ русинскимъ языкомъ: учрежденіе одной такой школы сразу подняло бы ихъ число.

[2]) Они посѣщали гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ; въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря указанной выше политикѣ польскихъ правящихъ сферъ, Поляковъ нѣтъ *вовсе*.

росли въ Галиціи, какъ грибы, сравнительно съ русинскими; всячески покровительствовалась польская молодежь; въ огромномъ (сравнительно) числѣ двинулся въ среднія школы еврейскій пролетаріатъ, ища въ образованіи выходъ изъ своего также бѣдственнаго положенія; не хочу уже говорить о чисткахъ и всякихъ стѣсненіяхъ... Но несмотря на все это, процентъ учениковъ-Русиновъ понемногу возросталъ: въ 1897 г. ученики-Русины составляли 17,79% въ общей суммѣ учениковъ гимназій Галиціи (восточной и западной), въ 1898 г.—18,29%, въ 1899 г.—19,01%, въ 1900 г.—19,20%, въ 1901 г.—19,54% [1]).

Итакъ, украинская средняя школа является жгучей потребностью въ современной Галиціи, и учрежденіе новыхъ школъ съ украинскимъ языкомъ—неотложной, вопіющей необходимостью. Такъ какъ польское большинство, конечно, не допускаетъ и мысли о преобразованіи какихъ либо школъ съ польскимъ языкомъ въ школы русинскія (оттого и сами Русины не требуютъ этого), то значитъ—необходимо учредить новыя учебныя заведенія съ русинскимъ языкомъ. Польское большинство не допускаетъ существованія ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы—значитъ, необходимо учреждать параллельныя школы при существующихъ польскихъ. Если мы приемемъ во вниманіе, въ какихъ стѣснительныхъ условіяхъ стоятъ русинскія дѣти въ польскихъ школахъ, то является совершенно очевиднымъ, что во всѣхъ городахъ, гдѣ число учениковъ-Русиновъ достигаетъ сотни, тамъ уже вполнѣ назрѣла нужда и необходимость въ украинской гимназіи. Если несмотря на всѣ неблагопріятныя условія—дѣйствіе предохранительныхъ клапановъ, недовѣріе къ польской школѣ среди русинскаго населенія и т. п. есть, все-таки, уже такое число, тамъ для русинской гимназіи несомнѣнно имѣется уже полный контингентъ учени-

---

[1]) За 1902 г. отчетъ даетъ процентъ очевидно невѣрный, поэтому его не привожу.

ковъ. Опытъ показалъ на прежнихъ гимназіяхъ, что тамъ, гдѣ передъ учрежденіемъ русинской гимназіи было 150—200 Русиновъ, по учрежденіи русинской гимназіи, когда она достигала полнаго числа классовъ, въ ней оказывалось до 400 и 500 учениковъ. Въ настоящее же время, когда стремленіе къ образованію въ русинскомъ населеніи все усиливается, каждая русинская гимназія имѣетъ въ будущемъ шансы развивать въ окрестномъ населеніи все большую притягательную силу.

Въ концѣ 1902—3 учебнаго года, не считая Станиславова, въ слѣдующихъ гимназіяхъ число учениковъ-Русиновъ перешло за сто: Бережаны 213 Русиновъ, Санокъ 171, Самборъ 166, Стрый 165, Золочивъ 139, Бучачъ 136, Броды 130, Дрогобычъ 125. Итого, не считая Станиславова, уже получившаго русинскую гимназію было уже три года тому назадъ *восемь* такихъ пунктовъ. Въ этомъ году, вѣроятно, число ихъ достигло десятка. Въ каждомъ изъ нихъ русинская гимназія, если бы дошла до полнаго числа классовъ, несомнѣнно имѣла бы число учениковъ гораздо болѣе нормы, признаваемой австрійскою школьною администраціею за достаточное число - двухсотъ учащихся.

Учрежденіе украинскихъ среднихъ школъ въ упомянутыхъ восьми мѣстностяхъ — это тотъ minimum, который долженъ бы быть данъ Русинамъ безотлагательно теперь же, чтобы хотя отчасти смягчить ущербъ, причиненный русинской народности въ этой сферѣ. Но о такомъ требованіи Русины не смѣютъ даже помышлять. Такъ трудно исполняются требованія даже одной гимназіи! Каждый разъ сначала съ польской стороны поднимается крикъ о томъ, что польскому stanu posiadania грозитъ ущербъ; что Русины и безъ того занимаютъ привиллегированное положеніе въ школьномъ дѣлѣ. Вмѣсто того, дескать, чтобы учреждать русинскія гимназіи для горсти учениковъ-Русиновъ, слѣдуетъ позаботиться объ учрежденіи новыхъ польскихъ школъ во избѣжанія ихъ переполненія,—хотя, въ общемъ, ру-

синскія гимназіи не менѣе людны, чѣмъ польскія, въ среднемъ насчитывая по 500—600 учениковъ.

„Учащійся Русинъ обходится государству несравнено дороже учащагося Поляка", говорятъ Поляки. Въ дѣйствительности можно говорить только объ обратномъ явленіи. Въ интересахъ польской народности, давшей въ учебномъ году 1902/3 ок. 15.500 учениковъ, правительство содержало 40 среднихъ школъ съ польскимъ языкомъ; учениковъ-Русиновъ было свыше 4.000 при четырехъ школахъ русинскихъ; значитъ, въ интересахъ учениковъ-Поляковъ правительство дѣлало почти въ три раза больше сравнительно съ ихъ числомъ, чѣмъ для учениковъ-Русиновъ, и приходится сказать, что именно ученикъ-Полякъ дороже всего ему обходился.

Говорятъ, что для русинскихъ гимназій не найдется и преподавателей Русиновъ. Но въ дѣйствительности ихъ много преподаетъ въ польскихъ гимназіяхъ, а немало находится „въ заточеніи" въ школахъ западной Галиціи [1]). Повторяются разговоры, что русинскія гимназіи служатъ разсадникомъ дурныхъ нравовъ и національнаго антагонизма—хотя въ русинскихъ гимназіяхъ, подъ усиленнымъ надзоромъ польской администраціи, школьной молодежи въ этомъ отношеніи предъявляются требованія гораздо болѣе строгія, чѣмъ какія предъявляются молодежи польской.

Впрочемъ нужно сказать, что этимъ утвержденіямъ и предположеніямъ едва ли вѣрятъ серьезно и сами тѣ господа, которые пускаютъ ихъ въ ходъ, когда заходитъ рѣчь о русинскихъ гимназіяхъ. Причина упорнаго сопротивленія, которое оказываютъ Поляки учрежденію новыхъ русинскихъ гимназій (за счетъ государственнаго казначейства), лежитъ не въ этихъ соображеніяхъ, а въ сознаніи ими того обстоятельства, которое заста-

---

[1]) Я могъ насчитать (статистики такой, конечно, нѣтъ) не менѣе 15 преподавателей Русиновъ, занимающихъ, безъ сомнѣнія—противъ воли, по извѣстной уже намъ административной политикѣ, мѣста преподавателей въ среднихъ школахъ западной Галиціи.

вляетъ Русиновъ такъ упорно ихъ добиваться: польскія школы задерживаютъ культурное развитіе русинскаго населенія, а распространеніе украинской средней школы послужило бы могущественнымъ средствомъ его культурнаго подъема. Стараясь всѣми средствами сохранить политическое и національное, экономическое и культурное господство и преобладаніе польской народности надъ русинскою, польскіе круги и представляющее ихъ большинство галицкаго сейма всѣми мѣрами противодѣйствуютъ всему, что можетъ содѣйствовать подъему и развитію русинской народности—политическому, національному или культурному [1]).

V.

Галицкій сеймъ, гдѣ полновластно царитъ вполнѣ солидарное въ національныхъ вопросахъ польское большинство, благодаря принятой избирательной системѣ и установившейся подъ польскимъ режимомъ практикѣ составляющее около 90 проц. всего его состава,—можетъ служить вообще хорошимъ показателемъ національныхъ отношеній Галиціи. Я не буду, однако, пускаться въ характеристику національной тактики сейма и господствующихъ въ немъ отношеній, а ограничусь краснорѣчивымъ языкомъ цифръ сеймовыхъ бюджетовъ—они

[1]) Чтобы обойти формальности, связанныя съ открытіемъ русинской гимназіи (согласіе сейма) и нѣсколько успокоить настоятельную нужду въ новыхъ русинскихъ гимназіяхъ, школьная администрація прибѣгла въ послѣднее время къ обходу: вмѣсто русинской гимназіи осенью 1906 г. въ Бережанахъ открыты параллельные смѣшанные классы, съ преподаваніемъ такъ называемымъ утраквистическимъ: одни предметы преподаются на польскомъ, другіе на украинскомъ языкѣ. Послѣдуетъ ли за этимъ первымъ актомъ дальнѣйшіе, остается неизвѣстнымъ. Утраквизмъ, практиковавшійся доселѣ главнымъ образомъ въ учительскихъ семинаріяхъ, осужденъ рѣшительно и педагогическими кругами Галиціи, и общественнымъ мнѣніемъ ея, и русинское населеніе бережанскаго округа продолжаетъ домогаться учрежденія отдѣльной украинской гимназіи.

дадутъ достаточно характерный образчикъ этихъ отношеній. При этомъ, хотя вся вообще автономическая организація, находящаяся въ завѣдываніи сейма и питаемая его бюджетомъ, имѣетъ сильно выраженный польскій характеръ, я ограничусь тѣми рубриками его бюджета, гдѣ въ самыхъ ассигнованіяхъ достаточно ясно указывается ихъ національный характеръ.

Беру бюджетъ на 1904 г. [1]).

а) Въ отдѣлѣ ассигновокъ на частныя учебныя и воспитательныя учрежденія мы здѣсь видимъ:

Субсидіи школамъ и учрежденіямъ польскимъ	74.830 кронъ[2])
Школамъ и учрежденіямъ русинскимъ	10.400 „
Гимнастическимъ обществамъ польскимъ	4.600 „
Гимнаст. обществамъ польскимъ и русинскимъ.	4.000 „

(Изъ этой суммы русинскія получаютъ лишь нѣсколько сотъ кронъ, остальное польскія).

б) Въ категоріи научныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и изданій:

Польская академія наукъ въ Краковѣ	79.000 кр.

(Одновременно сеймъ ходатайствуетъ объ увеличеніи субсидіи государственнаго казначейства съ 40.000 на 50.000 кронъ).

Для ученыхъ обществъ и изданій польскихъ	6.800 кр.
Русинскому Науковому товариству ім. Шевченка (объединяющему теперь	

---

[1]) Отчеты галицкаго сейма, 1902—3 г.—Budzet krajowy na г. 1904.

[2]) Крона—полгульдена, почти равняется франку, по теперешнему курсу ок. 40 коп.

всю научную дѣятельность галицкаго украинства и являющемуся единственнымъ русинскимъ научнымъ учрежденіемъ) . . . . 10.000 кр.

(Предъ правительствомъ въ его интересахъ сеймъ не счелъ нужнымъ ходатайствовать).

г) Польскимъ просвѣтительнымъ обществамъ и популярнымъ изданіямъ. 20.100 кр.

Русинскимъ . . . . 9.400 „

(При нѣкоторыхъ русинскихъ изданіяхъ оговаривается, что субсидія имѣетъ быть выплачена только въ томъ случаѣ, если въ изданіяхъ не будетъ замѣчено ничего вреднаго съ польской точки зрѣнія).

На изданіе учебниковъ польскихъ субсидія . . . . 3.000 кр.

На русинскіе . . . . 12.000 „

д) На театры польскіе. . . . . . 119.000 „

На театръ русинскій. . . . . . 18.500 „

Польскимъ учрежденіямъ художественнымъ, музыкальнымъ и пр. . . 38.900 „

Русинскимъ—ничего —

На пѣвческія общества. . . . . . 3.000 „

На стипендіи . . . . 6.000 „

(Изъ послѣднихъ двухъ ассигнованій получаютъ кое-что и Русины).

е) Поддержаніе историческихъ памятниковъ (исключительно польскихъ) . . 48.220 кр.

Расходы администраціи (польской) архивовъ и охраны памятниковъ . . . 42.320 „

ж) Польскія сельскохозяйственныя школы и общества . . . . 659.274 „

Русинскія (обществу „Просьвіта“) 4.000 „

з) Ремесленныя школы (только польскія, русинскихъ нѣтъ) . . . . 73.976 „

Практическіе курсы и учебныя мастерскія (съ польскимъ характеромъ).	191.888	кр.
Субсидіи для технич. училищъ (польскихъ)	30.332	„
Коммерческія училища (польскія)	32.000	„
и) Благотворительныя учрежденія польскія	45.000	„
Русинскія	1.800	„

Я оставлялъ въ сторонѣ тѣ ассигновки, изъ которыхъ могли получать кое что и Русины, или оговаривалъ эту возможность и вообще старался отмѣтить все, что могло имѣть характеръ поддержки культуры или національности русинской. Въ общей сложности такихъ ассигновокъ не наберется и на сто тысячъ, при милліонныхъ ассигновкахъ на цѣли польскія, на учрежденія съ польскимъ характеромъ. Ассигновки на русинскія цѣли являются лишь ничтожнымъ исключеніемъ изъ общаго правила: польское большинство смотритъ на нихъ, какъ на великодушную подачку отъ своихъ шляхетскихъ щедротъ,—нужды нѣтъ, что средства на эти ассигновки даютъ народныя массы, въ которыхъ Русины составляютъ не меньшій процентъ, чѣмъ Поляки.

Вообще вся дѣятельность, развиваемая сеймомъ, его исполнительные органы, его учрежденія имѣютъ польскій характеръ, выражаемый не менѣе, а даже еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ казенной польской администраціи, и вся автономическая (земская) машина Галиціи представляетъ одинъ большой полонизирующій аппаратъ, бросающій только обрывки русинской народности и всѣми силами работающій для упроченія политическаго, культурнаго и національнаго господства польскаго элемента. Русинская народность, по своей слабости и обездоленности имѣющая право на особенное вниманіе мѣстнаго представительства, имѣетъ въ немъ, вѣрнѣе—въ его сеймовомъ большинствѣ, могучаго противника, пользующагося довольно значительнымъ бюджетомъ края (ок. 25 мил. кронъ) всецѣло для усиленія

элемента польскаго. Принято за принципъ въ польскихъ кругахъ, что внѣ субсидируемыхъ сеймомъ русинскихъ учрежденій и обществъ, всѣ учрежденія и институціи общаго характера должны имѣть характеръ польскій, одинаково въ польской (западной), какъ и въ русинской (восточной) Галиціи, хотя по всей справедливости въ этой послѣдней онѣ должны были бы имѣть характеръ русинскій. Но объ этомъ нечего и думать! Вѣдь польскій элементъ—господствующій, поддержаніе его является альфою и омегою сеймовой политики, и всякая ассигновка для русинскихъ учрежденій, русинскихъ обществъ разсматривается какъ небезопасный ущербъ въ полнотѣ этого господства. Галицкій сеймъ не находитъ нужнымъ считаться съ нуждами русинской народности даже настолько, насколько считается съ ними центральное правительство. Наоборотъ, какъ мы видѣли въ вопросѣ о гимназіяхъ, по мѣрѣ силъ онъ даже тормозитъ дѣйствія правительства, предпринимаемыя въ интересахъ русинскаго населенія.

Я не имѣю возможности продолжать далѣе этотъ обзоръ польско-украинскихъ отношеній Галиціи, хотя было бы очень поучительно присмотрѣться также къ отношеніямъ въ политической сферѣ, къ условіямъ экономическимъ, созданнымъ польскимъ режимомъ Галиціи, къ организаціи народнаго образованія, къ практикѣ конституціонной жизни. Но и приведенныхъ мною фактовъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ національныхъ отношеній Галиціи и вліяніи, какое оказываютъ они на вопросы культурнаго и общественнаго развитія, и прочитавшему предшествующія главы не покажутся, надѣюсь, голословными мои общія замѣчанія относительно того нравоученія, которое защитники польскаго режима стараются извлечь изъ галицкихъ польско-украинскихъ отношеній для такихъ же отношеній Россіи.

Галичина послужила пробнымъ камнемъ для польско-украинскихъ отношеній въ новыхъ условіяхъ конституціоннаго государства. Какъ сложились эти отношенія,

мы видѣли. Пользуясь тѣми преимуществами, какія давало имъ крупное землевладѣніе, наличностью нѣкоторыхъ культурныхъ средствъ (значительныхъ впрочемъ только въ сравненіи съ полнымъ отсутствіемъ ихъ у Русиновъ) и нѣкоторой интеллигенціи (также самой по себѣ очень небольшой), Поляки, т. е. верхніе слои польской народности, постарались использовать конституціонныя формы лишь для утвержденія полнаго и прочнаго господства своего класса и своей народности. Захвативъ въ свои руки управленіе и представительство края, они придавили совершенно народность украинскую и связали ее, вмѣсто прежнихъ „цѣпей крѣпостныхъ", густою сѣтью болѣе тонкихъ, но прочныхъ узъ. И сдѣлала это не какая либо группа мрачныхъ крѣпостниковъ. Въ этой „органической работѣ" (praca organiczna, какъ называютъ ее Поляки, видную роль сыграли выдающіеся представители польскаго общества, либералы и патріоты, „борцы за нашу и вашу вольность" [1]), умѣвшіе передъ тѣмъ смѣло и самоотверженно выступать въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ — австрійскимъ централизмомъ, — но не сумѣвшіе найти руководящей идеи справедливости и гуманности, когда пришлось установить отношеніе къ слабѣйшимъ—къ русинской народности, „за вольность" которой мнили они себя борцами... Въ этомъ станѣ господствующихъ оказалось много выходцевъ и изъ Россіи, участниковъ демократическихъ, свободолюбивыхъ движеній. Ихъ на первыхъ порахъ отношенія къ Русинамъ шокировали иногда довольно сильно, но скоро они осваивались съ галицкими отношеніями. И теперь, напр., среди крайнихъ націоналистовъ, т. н. вшехполяковъ также можно немало указать выходцевъ изъ Россіи. Эти выходцы собственно и даже создали вшехпольское движеніе...

---

[1]) Такъ называются участники польскихъ возстаній, старавшіеся привлечь къ участію также и русинское населеніе и называвшіе, а иногда и искренно считавшіе себя борцами за вольность не только польской, но и русинской народности Галиціи.

Эпизодъ достаточно поучительный и для россійской Украины. Западная часть ея—Подолія, Волынь, не говоря уже о Побужьѣ (Холмщина и Подляшье)—долго жила въ одвихъ условіяхъ съ Галичиною и очень сильно напоминаетъ теперь ея состояніе передъ конституціонной эрой Австріи. Все почти крупное землевладѣніе въ рукахъ Поляковъ; они составляютъ верхній слой мѣстнаго населенія; они, главнымъ образомъ, представляютъ мѣстную интеллигенцію. Мѣстное украинское населеніе темно и безпомощно. При отсутствіи украинскихъ интеллигентныхъ силъ, оно стоитъ еще въ худшемъ положеніи сравнительно съ галицкимъ русинскимъ населеніемъ, благодаря отчужденію отъ народныхъ массъ мѣстнаго духовенства, составившаго въ Галиціи какъ ни какъ первые кадры русинской интеллигенціи, хотя бы и не особенно высокаго качества.

Какъ въ Галичинѣ, такъ и въ упомянутыхъ мѣстностяхъ Западной Украины, шансы коренного украинскаго населенія, несмотря на его полное численное преобладаніе, въ настоящее время, несомнѣнно, стоятъ хуже, чѣмъ мѣстной польской народности. Польское населеніе было ограничено до сихъ поръ въ своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ,—это правда. Но мѣстному украинскому населенію это никакого преимущества не давало. Массы оставались и остаются въ экономической зависимости отъ польскаго владѣльческаго класса, а при сохраненіи существующихъ порядковъ въ будущемъ имъ грозятъ также и иныя категоріи зависимости. При всѣхъ стѣсненіяхъ, польскій элементъ и теперь, сравнительно съ украинскимъ, занимаетъ фактически привиллегированное положеніе, благодаря имущественному преобладанію. Въ отношеніи культурномъ и національномъ польская народность была поставлена въ условія несравненно болѣе благопріятныя.

Вызвавшая мои замѣчанія статья неизвѣстнаго мнѣ Поляка изъ Юго-западнаго края, взявшаго въ оборону польско-украинскія отношенія Галиціи и доказываю-

щаго, что эти отношенія совершенно соотвѣтствуютъ „національной справедливости", не можетъ не быть оцѣнена какъ симптомъ весьма непріятный,—тѣмъ болѣе, что я не вижу, чтобы кто-нибудь изъ его ближайшихъ земляковъ заявилъ, въ какой-угодно мягкой формѣ, свою несолидарность съ такимъ пониманіемъ національной справедливости въ польско-украинскихъ отношеніяхъ. Если кто ищетъ реальныхъ фактовъ, тому достаточно напомнить недавнія событія въ Холмщинѣ, гдѣ проблескомъ раскрѣпощенія мѣстныхъ отношеній польское общество воспользовалось далеко не въ духѣ „національной справедливости". Въ продолженіе тридцати лѣтъ выступало оно въ роли защитника и покровителя насильственно упраздненной уніи, теперь же, когда указъ о вѣротерпимости открывалъ возможность возстановленія уніи и возвращенія мѣстнаго украинскаго населенія къ вѣрѣ отцовъ, за которую оно столько претерпѣло—польское общество не только не поддержало стремленій къ возобновленію уніи, но отнеслось къ нимъ даже враждебно. Въ польскихъ органахъ и кругахъ открыто заявляли, что возстановленіе уніи было бы не въ интересахъ польской національности и „общество покровительства уніи" въ своихъ циркулярахъ поручало бывшимъ уніатамъ, не упоминая объ уніи, требовать причисленія ихъ къ католичеству, а заявлять желанія о возстановленіи уніатской церкви рѣшительно отсовѣтывало. Нужно ли говорить, что въ основѣ этого привлеченія бывшаго уніатскаго украинскаго населенія къ католичеству лежали и лежатъ мотивы національные? Вмѣсто того, чтобы помочь украинскому населенію въ его культурно-національномъ самоопредѣленіи, польское общество постаралось и тутъ использовать представившуюся возможность для усиленія польской стихіи въ ущербъ украинской.

Я не сомнѣваюсь, что среди Поляковъ Юго-западнаго края и вообще среди Поляковъ Россіи есть немало людей, чуждыхъ стремленій „воинствующей

Польши"—Poloniae militantis. Но они очень слабо себя проявляютъ. Я не встрѣтилъ указаній, чтобы съ этой стороны раздался трезвый предостерегающій голосъ по уніатскому вопросу. Не вижу, чтобы вызвалъ сколько нибудь рѣшительный протестъ съ этой стороны подмѣнъ понятія этнографической Польши Польшею 1815 г. или такъ называемымъ Привислянскимъ краемъ, причемъ въ границахъ автономной Польши имѣли бы остаться украинскія, бѣлорусскія и литовскія территоріи нынѣшняго Привислянскаго края, совершенно случайно включенныя въ него [1]). Не вижу, чтобы кто-нибудь обратилъ вниманіе на невозможность обойти интересы украинской или бѣлорусской народности, когда вводится въ школу или сельское дѣлопроизводство языкъ польскій и т. п.

Все это явленія, затрогивающія очень сильно вопросы національной справедливости, и мы вправѣ бы ожидать, что передовые элементы польскаго общества, заявляющіе о своемъ полномъ несочувствіи воинствующей Польшѣ, отозвутся на нихъ вполнѣ опредѣленно, чтобы не было основанія судить о Полякахъ вообще по воинствующимъ ихъ представителямъ. Иначе сами эти элементы малоцѣнны. Въ Галиціи также нѣтъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ заявить въ частной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, свое сожалѣніе относительно проявленій польскаго шовинизма и свою надежду, что національныя отношенія со временемъ потеряютъ свою остроту. Но такія платоническія заявленія никакой цѣнности не имѣютъ, и такъ какъ ихъ носители обыкновенно ограничиваются только платоническими чувствами, предоставляя вести національную политику представителямъ агрессивной, воинствующей Польши, то съ стремленіями и настроеніями этой послѣдней, а не тѣхъ „сочувствующихъ" элементовъ и приходится поневолѣ намъ считаться въ Галиціи, и точно также— въ Россіи.

---

[1]) См. ниже статью: За украинскую кость.

Несомнѣнно, огромное большинство украинской интеллигенціи въ Россіи относится къ Полякамъ безъ всякой предвзятости и вражды. Даже болѣе. Установленіе modus vivendi въ раскрѣпощенныхъ отношеніяхъ представляется ей въ видѣ очень привлекательной національной гармоніи. Знаю это по себѣ и не сомнѣваюсь, что такое настроеніе довольно распространено и теперь. Выразителемъ его является нашъ поэтъ, протягивающій руку своимъ товарищамъ по изгнанію—Полякамъ и приглашающій ихъ общими силами „возобновить тихій рай", забывъ историческій спорь, вызванный „несытими ксендзами и магнатами"... Но намъ, младшимъ поколѣніямъ, на глазахъ которыхъ вмѣсто „тихаго рая" былъ аранжированъ съ благосклоннымъ участіемъ подобныхъ бывшихъ изгнанниковъ и узниковъ „за нашу и вашу вольность" настоящій зубоскрежущій адъ на одной изъ частей украинской территоріи—въ Галиціи,—приходится смотрѣть трезвѣе на дѣйствительность и не скрывать отъ себя трудностей, лежащихъ на пути къ установленію желательныхъ національныхъ отношеній.

Историческія отношенія Польши и Украины сводятся къ тому, говоря безъ обиняковъ, что украинская народность была обобрана польскою. Она завладѣла богатствами Украины—ея землями. Она втянула въ себя въ теченіе вѣковъ все, что появлялось болѣе выдающагося въ украинской средѣ и низвела украинскую народность до массы работниковъ, трудящихся на представителей польской народности и культуры. Это звучитъ непріятно, но нужно имѣть мужество, по крайней мѣрѣ, назвать по имени этотъ историческій процессъ, плодами котораго пользуется и теперь польская народность. Не возобновляя исторической тяжбы, нужно признать, однако, что національная справедливость налагаетъ на Поляковъ освобожденной Россіи не легкую, но благодарную задачу—воспользоваться тѣми матеріальными средствами, которыя собрали въ ихъ рукахъ предки—завоеватели и угнетатели—для возрожденія,

экономическаго и культурнаго подъема тѣхъ народностей, на счетъ которыхъ создалась сила, значеніе и привиллегированное положеніе народности польской: населенія украинскаго, бѣлорусскаго и литовскаго. Если Поляки Украины, Бѣлоруссіи и Литвы станутъ на эту точку зрѣнія, если они почувствуютъ себя гражданами того края, привиллегированное положеніе въ которомъ создала имъ исторія,—призванными трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности, для интересовъ края вообще—то желательный modus vivendi тѣмъ самымъ установится. Если же свои матеріальныя и культурныя преимущества, свое привиллегированное положеніе Поляки будутъ стараться использовать только для своихъ національныхъ цѣлей, если этими преимуществами и тѣми возможностями, какія конституціонный строй открываетъ классамъ національно и культурно лучше вооруженнымъ, они будутъ пользоваться только для того, чтобы усилить польскій элементъ, расширить сферы его вліянія, создать ему превалирующее положеніе—то modus vivendi установить будетъ трудно. Дѣятельность ничего не забывшей и ничему не научившейся польской шляхты Галиціи въ такомъ националистическомъ направленіи только оживила вѣковой національный споръ. Если такую дѣятельность Поляки россійской Украины или иного края примутъ за образецъ, за формулу національной справедливости, то о modus viuendi нечего и говорить...

Мои слова, вѣроятно, для многихъ зазвучатъ рѣзко и непріятно, и мнѣ самому тяжело говорить все это. Но я долженъ былъ исполнить долгъ историка и гражданина того края, о которомъ идетъ рѣчь, въ рѣшительный моментъ его исторіи. И я хотѣлъ бы вѣрить, что мои слова найдутъ сочувственный откликъ въ тѣхъ элементахъ польскаго общества, чуждыхъ національнаго шовинизма и сознающихъ свои обязанности предъ воспитавшими ихъ народными массами, о которыхъ я говорилъ.

Но каково бы ни было настроеніе польскаго и укра-

инскаго общества, всѣмъ трудящимся надъ перестройкой политическихъ и общественныхъ отношеній Россіи, частнѣе—Россіи Западной, съ ея сложнымъ и тяжелымъ наслѣдствомъ Исторической Польши, нужно думать осозданіи формъ политическихъ и общественныхъ отношеній, обезпечивающихъ ея населенію возможность культурнаго и общественнаго развитія независимо и отъ этихъ настроеній и отъ надеждъ на благопріятное ихъ направленіе. Галиція даетъ краснорѣчивый урокъ, какъ опасны надежды на то, что съ простымъ, бумажнымъ признаніемъ права народностей на самоопредѣленіе, или ихъ равноправности, все само собою „образуется". Она призываетъ къ самому внимательному отношенію къ національному вопросу, безъ тщательнаго разрѣшенія котораго самъ по себѣ конституціонный режимъ не много подвинетъ насъ къ разрѣшенію проблемы соціально-политическихъ отношеній при наличности напряженныхъ національныхъ отношеній, традицій господства съ одной стороны, упорнаго сопротивленія съ другой.

Вся культурная и экономическая исторія Галиціи послѣднихъ лѣтъ является громкимъ протестомъ противъ подмѣны автономіи національно-территоріальной автономіей областей, составленныхъ изъ разноплеменныхъ территорій и отданныхъ въ безконтрольное распоряженіе господствующимъ національно-классовымъ группамъ. Предостерегая противъ политики laisser faire, laisser passer точно также въ средѣ національно-политическихъ, какъ и экономическихъ отношеній, она настойчиво указываетъ на необходимость сочетать автономную организацію съ тщательнымъ устроеніемъ національныхъ отношеній. Выдѣленіе національныхъ территорій и организація автономіи на началахъ національно-территоріальныхъ является однимъ изъ весьма важныхъ моментовъ въ сферѣ устроенія національныхъ отношеній; обезпеченіе правъ національнаго меньшинства—другимъ важнымъ моментомъ. При наличности этихъ условій и съ соблюденіемъ широкой демократизаціи во всемъ строѣ, вплоть до экономическихъ отно-

шеній, съ проведеніемъ принципа децентрализаціи и автономности въ глубину областной организаціи, автономія является могущественнымъ двигателемъ свободнаго, нестѣсненнаго общественнаго развитія. Безъ нихъ она очень легко можетъ служить только подаркомъ для группы, класса или народности, преобладающей экономически или политически.

Въ Западной Россіи съ этимъ нужно особенно серьезно считаться.

Встревоженный муравейникъ.

Мое появленіе въ Петербургѣ во время засѣданій Думы [1]) и участіе въ дебатахъ украинской парламентской фракціи и украинскаго политическаго клуба, не на шутку встревожили блюстителей нынѣшнихъ порядковъ австрійской Украины. Особенно обезпокоили ихъ извѣстія о моей рѣчи, въ которой я, привѣтствуя украинскихъ депутатовъ отъ имени своихъ ближайшихъ товарищей, познакомилъ присутствующихъ съ результатами сорокалѣтней конституціонной жизни австрійской Украины и указалъ тѣ препятствія, какія встрѣчало ея общественное и культурное движеніе и какія необходимо имѣть въ виду, чтобы избѣжать ихъ при устройствѣ политическихъ и общественныхъ отношеній въ Россіи. Въ польскихъ газетахъ,—львовскихъ, краковскихъ, даже познанскихъ, появились статьи, гдѣ крики испуга перемѣшались съ болѣе или менѣе крупною бранью по моему адресу и призывали тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, къ вящему вниманію къ моей дѣятельности.

Русинскій делегатъ въ Петербургѣ! Среди украинскихъ депутатовъ раздаются рѣчи, описывающія въ черныхъ краскахъ польское правленіе Галиціи! Проф. Грушевскій разсказываетъ объ избирательныхъ порядкахъ Галиціи, о ея польской „конституціи“! Надо имѣть въ виду, что Грушевскій *нарочно* (это слово подчерк-

---

Украинскій Вѣстникъ № 6 (25 іюня 1906 г.).

[1]) Первой, въ маѣ 1906 г.

нуто въ оригиналѣ) ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы передать свой привѣтъ украинскимъ депутатамъ!.. Вообще надо обратить особенное вниманіе на дѣятельность проф. Грушевскаго и его пропаганду тѣсной связи Украины австрійской и россійской, — напомнить ему если не лично, то на „Науковомъ обществѣ имени Шевченка“, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ и которое получаетъ отъ галицкаго (польскаго) сейма субсидію—что Поляки еще господа положенія въ Галиціи!

Признаюсь въ глубинѣ моего паденія, лично меня эти выпады весьма мало задѣли. За долгій рядъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ мнѣ приходилось быть мишенью подобныхъ и даже вовсе безподобныхъ нападокъ со стороны разныхъ невольныхъ и вольныхъ жандармовъ, стороживших украинскій народъ въ его угнетеніи и упадкѣ и обыкновенно во всякомъ движеніи украинства прозрѣвавшихъ мою вину и призывавшихъ громы, бичи и скорпіоны на голову „гайдамака въ тогѣ“ (если дѣло происходило въ Галиціи) или „вождя украинскихъ сепаратистовъ“ (если рѣчь шла въ предѣлахъ россійскихъ), я имѣлъ достаточно времени обтерпѣться и привыкнуть къ нимъ. Если теперь я упоминаю объ этой послѣдней кампаніи, то лишь потому, что этотъ маленькій взрывъ благороднаго негодованія, какъ это часто бываетъ, въ своемъ порывѣ нѣсколько обнажилъ благородныя души, излившія его, и позволилъ лишній разъ познакомиться съ ихъ тайниками [1]).

---

[1]) Поэтому не для того, чтобы ослабить возбужденный мною благородный гнѣвъ, а лишь въ интересахъ полной достовѣрности, я замѣчу, что въ краткомъ изложеніи корреспондента газеты „Громадська Думка“, изъ котораго почерпнули свои свѣдѣнія о ней и мои антагонисты, моя рѣчь получила нѣсколько крикливый характеръ и, при сокращеніи содержанія, нѣкоторыя фразы получили не совсѣмъ удачную стилизацію (въ устахъ польскихъ обозрѣвателей, пользовавшихся этимъ содержаніемъ изъ другихъ—третьихъ рукъ, или непонимавшихъ украинскаго

Что же такъ огорчило польскихъ политиковъ? Прежде всего, конечно, опасность, что можетъ быть скомпрометировано предъ Украинцами Россіи и въ глазахъ русскаго общества польское правленіе Галиціи. Въ продолженіе сорока лѣтъ, протекшихъ съ начала конституціонной эры въ Австріи, польскіе правители Галиціи, въ качествѣ правящаго класса и правящей народности захватившіе ее исключительно въ свои руки, дискредитировали въ глазахъ населенія всякое понятіе порядка, законности, права, и ни мнѣ, ни какому либо другому обличителю шляхетскихъ порядковъ не удастся высказать по ихъ адресу обвиненія, которое бы не повторялось уже на разные лады въ мѣстной прессѣ, въ политическихъ процессахъ, въ парламентскихъ запросахъ. Но польскіе политики всегда бываютъ очень недовольны, когда эти обвиненія и жалобы выходятъ за бронированныя шовинистическимъ цинизмомъ стѣны секретной камеры, въ которую они постарались превратить Галицію.

Даже въ центральномъ парламентѣ они предпочитали бы не слышать ихъ и не перестаютъ рекомендовать украинскимъ депутатамъ не выносить соръ изъ избы и „свои домашніе споры кончать у себя дома"—т. е. въ галицкомъ сеймѣ: тамъ вполнѣ господствующее

языка, вышли затѣмъ уже вовсе небывалыя вещи). Впрочемъ, мои воззрѣнія на польско-украинскія отношенія Галиціи въ прошломъ и настоящемъ и на современныя условія галицкой жизни не составляютъ секрета ни для кого: я изложилъ ихъ съ достаточною полнотою въ своемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа", гдѣ отдѣльная глава была посвящена современной Галиціи, и въ статьяхъ „Къ польско-украинскимъ отношеніемъ Галиціи", печатавшихся въ прошломъ году въ „Кіевскихъ Откликахъ", перепечатанныхъ затѣмъ въ „Кіевской Старинѣ" и вышедшихъ также отдѣльною брошюрою. Они не должны были составлять секрета и для польскихъ публицистовъ, такъ огорчившихся моимъ краткимъ обзоромъ галицкихъ отношеній, сдѣланнымъ въ Петербургѣ.

(составляющее около 90% всего состава депутатовъ)[1] польское большинство стоически выноситъ и можетъ вынести всѣ обвиненія и жалобы подавляемой народности, какъ бы ярки и вопіющи ни были онѣ. Правда, и въ центральномъ парламентѣ онѣ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, благодаря тактикѣ польскаго кола, неизмѣнно входящаго въ составъ правительственнаго большинства (изъ кого бы оно ни состояло). Всѣ требованія украинскихъ депутатовъ, чтобы разслѣдованіе инкриминируемыхъ правонарушеній передавалось парламентскимъ комиссіямъ или трибуналамъ другихъ провинцій, а не мѣстной администраціи, назначаемой по указаніямъ того же польскаго кола, оставались безуспѣшными. Но все же изъ центральнаго парламента эти обвиненія доходятъ до чужихъ, небронированныхъ ушей и портятъ хорошее расположеніе духа польскихъ правителей. Если бы удалось осуществитъ планы польскихъ политиковъ, стремящихся расширить областную автономію Галиціи, вопреки стремленіямъ Украинцевъ къ раздѣлу ея на двѣ этнографическія части и установленію автономіи національно-территоріальной; если бы удалось увеличить компетенцію галицкаго сейма за счетъ парламента и замѣнить непосредственное представительство въ немъ делегатами сеймовъ, избираемыми большинствомъ сейма (въ данномъ случаѣ—польскимъ), этому можно было бы положить конецъ. А пока кромѣ непріятностей отъ украинскихъ депутатовъ парламента нѣтъ ничего.

Въ послѣдніе годы прусскіе политики начали пользоваться матеріаломъ, доставляемымъ „галицкими дебатами“ вѣнскаго парламента, какъ оружіемъ противъ мѣстныхъ польскихъ представителей, и на справедливыя жалобы Поляковъ на германизирующую политику Прус-

---

[1]) Такой составъ сейма провинціи, въ которой украинское населеніе въ численности не уступаетъ польскому (даже превосходитъ его), объясняется отчасти системою классового представительства, отчасти совершенно беззаконною практикою выборовъ—однимъ изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ польскаго управленія Галиціей.

сіи по отношенію къ прусскимъ Полякамъ отвѣчаютъ ядовитыми ссылками на то, что галицкіе Поляки въ томъ же направленіи поступаютъ еще рѣзче и безцеремоннѣе по отношенію къ галицкимъ Украинцамъ. Это, положимъ, не сдѣлало галицкихъ Поляковъ болѣе лояльными или сдержанными по отношенію къ своимъ украинскимъ согражданамъ, но заставило ихъ еще болѣе неодобрительно смотрѣть на всякія енунціаціи о галицкихъ отношеніяхъ за предѣлами „домашняго порога". Теперь они опасаются распространенія въ Россіи свѣдѣній о томъ, какіе порядки устроили себѣ Поляки подъ сѣнью областной автономіи въ Галиціи; какое примѣненіе изъ своихъ демократическихъ принциповъ дѣлаютъ здѣсь польскіе „націоналъ демократы", въ вопросахъ національныхъ еще болѣе нетерпимые даже, чѣмъ консервативные аграріи (блестяще дебютировали они въ этомъ отношеніи въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, исказивъ совершенно принципъ равнаго избирательнаго права въ интересахъ польскаго господства); какія благодѣтельныя условія для экономическаго и культурнаго развитія созданы были для „національнаго меньшинства" подъ попечительною опекою правящей (dominującej w kraju) народности польской. Не безъ основанія соображаютъ они, что такія свѣдѣнія могутъ сильно расхолодить довѣріе къ искренности демократизма и польскихъ націоналъ-демократовъ Россіи—сопартійниковъ галицкихъ, къ ихъ стремленіямъ выдѣлить и отгородить какъ можно непроницаемѣе царство Польское отъ вмѣшательства парламентарнаго общеимперскаго законодательства, къ ихъ стараніямъ сохранить отъ „всякаго исправленія" нынѣшнія границы царства Польскаго и вмѣсто національно-территоріальной автономіи получить автономію областную, въ нынѣшнихъ границахъ Польши, а населеніе не-польскихъ территорій, входящихъ въ составъ нынѣшняго Привислинскаго края, „обезпечить правами меньшинства", вмѣсто того, чтобы присоединить къ сосѣднимъ соплеменнымъ территоріямъ.

Несомнѣнно, польскіе порядки Галиціи могутъ сослужить плохую службу польскимъ стремленіямъ въ Россіи, но виноваты тутъ будутъ не свѣдѣнія, которымъ не могутъ быть положены предѣлы никакими административными воздѣйствіями, а самая наличность польской политики въ Галиціи, нисколько не смягчающейся въ виду нынѣшняго критическаго момента, и даже не находящей серьезнаго осужденія со стороны руководящихъ элементовъ остальныхъ частей Польши [1]). Я съ большимъ вниманіемъ присматривался, стараясь уловить какое либо смягченіе въ галицкихъ отношеніяхъ въ виду современныхъ русско-польскихъ отношеній,—напр., не отразится ли поддержка, оказанная „академическимъ союзомъ" Россіи польскимъ требованіямъ въ вопросѣ о польской высшей школѣ, на отношеніи галицкихъ поляковъ къ наболѣвшему университетскому вопросу въ Галиціи. Но увы—защитники польскаго stanu posiadania (польскаго владѣнія) оказались и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, вѣрными послѣдователями принциповъ „тащить и не пущать".

Среди польскаго общества Галиціи глубоко укоренилось убѣжденіе, что украинское меньшинство ея должно послужить строительнымъ матеріаломъ для польскаго національнаго и политическаго зданія (odbudowania Polski), что здѣсь Польша должна получить реваншъ за потери, понесенныя ею въ западныхъ своихъ земляхъ—Силезіи и Великопольшѣ, безнадежно

---

[1]) Годъ тому назадъ неизвѣстный мнѣ полякъ изъ юго-западнаго края, подписавшійся буквою К., пробовалъ, пользуясь аргументами галицкихъ народовыхъ демократовъ, опровергнуть „весьма обидное для Поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ Русиновъ"; статьею его, напечатанной въ „Кіевскихъ Откликахъ", были вызваны мои статьи „Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи", подтверждавшія это „обидное для Поляковъ мнѣніе"; заключавшіеся въ нихъ факты и сопоставленія галицкіе Поляки не попробовали тогда опровергнуть и только теперь заднимъ числомъ излили свою „обиду" въ виду голословныхъ выходокъ по моему адресу.

подавленныхъ германизмомъ, а также и въ польскихъ провинціяхъ Россіи. Такія наивно-утопическія соображенія приходится слышать даже отъ людей, далекихъ отъ активной политики и не отличающихся особеннымъ шовинизмомъ, и это обстоятельство даетъ понятіе, насколько мы имѣемъ дѣло здѣсь съ ходячимъ, привычнымъ взглядомъ. Украинское „меньшинство“ [1]) осуждено на небытіе, національное и культурное. Этимъ поясняется энергическое противодѣйствіе со стороны Поляковъ украинскимъ планамъ раздѣла Галиціи на двѣ части—украинскую (восточную) и польскую (западную), сообразно этнографическимъ, историческимъ, географическимъ и всякимъ инымъ даннымъ [2]). Препятствія, которыя ставятся увеличенію украинскихъ учебныхъ заведеній и всякаго рода образовательныхъ средствъ, хотя бы они ничего не стоили краю, а учреждались за счетъ государственнаго казначейства. Недоброжелательное отношеніе ко всякому прогрессу, экономическому или культурному, среди украинскаго населенія. Послѣдніе годы и послѣдніе мѣсяцы, когда открылись иныя перспективы для польской народности въ Россіи, не внесли въ этой области никакого существеннаго

---

[1]) „Меньшинствомъ“ оно является только благодаря тѣмъ тяжелымъ культурнымъ и экономическимъ условіямъ, въ которые поставило его польское господство, по численности же оно не уступаетъ Полякамъ даже въ совокупности всей Галиціи, а въ восточной, украинской является преобладающимъ, составляя около 70% всего населенія, какъ указано было выше.

[2]) Нынѣшняя Галиція составляетъ совершенно случайное соединеніе такъ наз. Галицкой Руси (стараго Русскаго воеводства главнымъ образомъ) и малопольской территоріи—воеводства Краковскаго, слитыхъ воедино при присоединеніи къ Австріи и составившихъ такимъ образомъ одну провинцію, которую Поляки хотятъ во что бы то ни стало сохранить нераздѣльною, въ интересахъ національнаго господства. Такой же случайный характеръ составляетъ, какъ извѣстно, и нынѣшнее „Царство Польское“, слѣпленное, еще позже, изъ территорій польскихъ съ прибавкою, совершенно произвольною, частей литовскихъ, украинскихъ и бѣлорусскихъ.

улучшенія; наоборотъ, въ послѣднее время чувствовалось особое напряженіе съ польской стороны—рѣшимость итти напроломъ, не дѣлая никакихъ уступокъ, хотя бы для вида, какъ считалось нужнымъ дѣлать прежде отъ времени до времени.

Является ли это результатомъ перемѣнъ въ личномъ составѣ вождей польской политики, или причина лежитъ глубже; обдуманная ли это рѣшимость увѣнчать зданіе „органической работы“ (такъ называется эта система обращенія Галиціи въ совершенно изолированное, исключительно польское государство въ государствѣ) или нервность игрока, чувствующаго, что противникъ оказывается сильнѣе, а планъ затруднительнѣе, чѣмъ это казалось вначалѣ—трудно судить. Но несомнѣнно, что отношенія правящаго польскаго „большинства“ къ украинскому угнетаемому „меньшинству“ стало еще рѣзче, еще исключительнѣе въ послѣдніе годы, когда за спиною правящей шляхты зазвучали трубы воинствующей „народовой демократіи“, такъ называемыхъ здѣсь „всеполяковъ“, ставящихъ своею задачею возстановленіе Польши въ ея историческихъ границахъ и своей воинственностью заражающихъ и болѣе сдержанную шляхту.

Съ этой точки зрѣнія интересовъ польскаго господства чрезвычайно желательно было возможное разобщеніе галицкой Украины отъ остальныхъ частей украинской территоріи, ея изолированіе въ собственныхъ слабыхъ экономическихъ и культурныхъ средствахъ. Система гоненій на украинское слово въ Россіи, созданіе непроходимыхъ цензурныхъ границъ между Галиціей и Украиной россійской, дѣятельная поддержка, какую оказывали бюрократическія сферы Россіи галицкому ренегатству (т. наз. москвофильству), подрывавшему силы галицкаго украинскаго движенія,—все это дѣлало чрезвычайно цѣнныя услуги польскому господству, и старый режимъ Россіи являлся неоцѣнимымъ союзникомъ реакціонной польской шляхты и бюрократіи Галиціи. Но старый режимъ Россіи зашa-

тался, ея украинскій элементъ началъ проявлять себя все дѣятельнѣе, украинское общество Галиціи почувствовало, какъ за его плечами, наконецъ, поднимается во весь ростъ украинскій народъ—„встає Україна". Явились надежды на скорый выходъ Галичины изъ ея изолированности, на то, что культурная и національная работа, лежавшая на плечахъ галицкой интеллигенціи, найдетъ новые центры и силы движенія въ Украинѣ россійской; что украинское населеніе Галиціи можетъ современемъ разсчитывать на поддержку оттуда, въ борьбѣ за свое существованіе и развитіе. И эта перспектива не могла не встревожить очень сильно польскихъ политиковъ. Они, съ одной стороны, тревожно слѣдятъ за всякимъ проявленіемъ тѣсныхъ связей между Украинцами галицкими и Украиной россійской, съ другой стороны - стараются расхолодить надежды на какую либо помощь оттуда. Въ польскихъ органахъ въ послѣднее время постоянно появлялись статьи, старавшіяся ослабить впечатлѣніе отъ извѣстій объ украинскомъ движеніи въ Россіи. Симптомы его, дескать, совершенно слабы; всѣ народныя движенія совершенно лишены національной украинской окраски; украинское представительство думы состоитъ изъ безграмотныхъ крестьянъ и нѣсколькихъ „полуинтеллигентовъ"; украинскій элементъ Россіи совершенно безнадеженъ въ смыслѣ своего національнаго развитія. Отсюда выводъ: галицкимъ Украинцамъ нужно отложить о немъ всякое попеченіе и разсчитывать только на себя. Къ этому присоединялись разсужденія на тему, что дескать вообще украинская народность способна быть только силою отрицательною, разрушительною, а не созидательною. Созидательною силою является только элементъ польскій.

Этотъ послѣдній мотивъ развивается теперь съ особою любовью не только по адресу украинскаго и польскаго общества Галиціи, но и по адресу центральнаго правительства. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія польскіе политики не переставали пугать австрійское пра-

вительство тяготѣніемъ галицкихъ Украинцевъ къ Россіи, старой Россіи съ ея православіемъ и самодержавіемъ. Правда, такое тяготѣніе существовало въ дѣйствительности только у національно-несознательной части русинскаго общества и у позднѣйшихъ москвофиловъ, поддерживавшихся въ этомъ тяготѣніи оффиціальными и оффиціозными субсидіями изъ Россіи. Сознательная часть украинскаго общества въ Галиціи, вѣрная своей національности, менѣе всего была повинна въ симпатіяхъ къ старому режиму Россіи, безпощадно преслѣдовавшему всякое проявленіе украинской жизни у себя и даже за границами своего государства. Но вѣдь бюрократія вообще, всюду и вездѣ, плохо разбирается въ такихъ тонкостяхъ. Польскіе политики въ своихъ донесеніяхъ и характеристикахъ старательно затушевывали разницу правыхъ и лѣвыхъ теченій, національнаго украинскаго и противонаціональнаго обрусительнаго направленія въ средѣ украинскаго населенія. Валили все въ одну кучу, представляя галицкихъ Украинцевъ поголовно друзьями россійскаго самодержавія, кнутопоклонниками, вздыхающими по Россіи и ея порядку. Галицкіе же Поляки изображались рыцарями европейской культуры и конституціонной свободы, составляющими передовую стражу Европы на востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что болѣе важно—охраняющими цѣлость Австрійскаго государства отъ панславистскихъ поползновеній Россіи и отъ тяготѣнія къ ней Галичанъ и нѣкоторыхъ другихъ друзей Россіи въ Австріи. Въ виду этого въ интересахъ самой Австріи, поясняли польскіе политики, необходимо всячески содѣйствовать усиленію польскаго элемента, какъ народности, поддерживающей государство (Staaterhaltende Nation), противъ элемента украинскаго, какъ народности вредной для цѣлости государства. Слѣдуетъ отдать украинскую народность Галиціи подъ ближайшій надзоръ Поляковъ, какъ сторожей государственнаго единства, и не возбранять имъ всячески препятствовать развитію украинскихъ національныхъ силъ. Правитель-

ственные круги сочувственно внимали этимъ доводамъ, и, дѣйствительно, въ продолженіе всей конституціонной эры предоставляли Полякамъ carte blanche во внутреннихъ отношеніяхъ Галиціи. Одновременно съ этимъ польскіе государственные мужи, вообще имѣющіеся и наростающіе въ чрезвычайномъ обиліи среди польской шляхты, а теперь и среди національныхъ демократовъ, должны были призываться и призывались дѣйствительно, въ качествѣ оплота государства, на всякіе государственные посты, гдѣ, кромѣ хорошихъ окладовъ и другихъ выгодъ, имѣли возможность также нейтрализировать всякія мѣры, могущія нарушить польскій stan posiadania въ Галиціи—понятіе чрезвычайно широкое и проникающее весь ея строй и всѣ отношенія въ ней.

Но старый стягъ православія, самодержавія и народности погнилъ; старый режимъ зашатался. Россія перестала быть опасною для всѣхъ западныхъ сосѣдей; ея панславистскими поползновеніями теперь трудно испугать даже австрійскхъ бюрократовъ. Нужно найти иное амплуа для польскихъ политиковъ, и они начинаютъ выступать въ роли пожарной команды, имѣющей положить предѣлъ распространенію революціоннаго пожара изъ Россіи на западъ, а спеціально — принять мѣры противъ распространенія этого пожара въ Галиціи, въ виду революціонныхъ симпатій галицкихъ Украинцевъ. Констатируя сочувствіе проектируемой въ Россіи аграрной реформѣ среди украинскаго общества въ Галиціи, львовскій органъ польскихъ народовыхъ демократовъ, въ статьѣ, посвященной всякимъ опаснымъ симптомамъ среди укаинскаго общества (въ томъ числѣ и моей скромной особѣ), замѣчаетъ:

„Эта позиція и энтузіазмъ (украинскихъ органовъ) служатъ новымъ предостереженіемъ, что ферменты россійской революціи и безпорядки, которымъ подвергается Россія въ нынѣшній критическій моментъ, чрезъ посредство Русиновъ, вполнѣ поддающихся вліянію нынѣшняго кризиса Россіи, могутъ перейти на почву нашего

края и втянуть его въ водоворотъ той самой борьбы, ареною которой является Россія. Связь нашихъ „Украинцевъ" съ россійскими обнаружилась такъ ярко, что нужно быть приготовленными ко всякимъ послѣдствіямъ этой связи. Охранить отъ печальныхъ послѣдствій этой связи можетъ насъ только разумная и энергическая политика края, которая будетъ имѣть смѣлость стать опредѣленно на *польской* [1]) точкѣ зрѣнія и понять, что только элементъ *польскій* сумѣетъ въ этотъ моментъ сохранить единство и нераздѣльность края и уберечь его отъ опасности, грозящей со стороны Россіи, которая начинаетъ теперь влiять и все сильнѣе затрагиваетъ здѣшнія отношенія подъ лозунгомъ и знаменемъ реформы, какъ прежде подъ знаменемъ царя". [2])

Эта тирада объясняетъ метаморфозу, происшедшую въ послѣднее время. Вмѣсто роли стражей свободы и цивилизаціи отъ реакціоннаго панславизма Россіи, которую приписывали себѣ галицкіе Поляки, они принимаютъ на себя теперь роль добровольныхъ жандармовъ, охраняющихъ спокойствіе всѣхъ почивающихъ на достаткахъ и привиллегіяхъ отъ призрака общественно-экономическихъ реформъ, выдвигаемыхъ освобождающейся Россіей. Одновременно съ тѣмъ, какъ народовые демократы Польши россійской „во имя истины, добра и красоты" хотятъ отгородить западныя окраины Россіи отъ реформъ общеимперскаго парламента и желаютъ демократизацію ихъ проводить не иначе, какъ подъ собственною дирекціею, народовые демократы Галиціи и предлагаютъ свои услуги по части предупрежденія и пресѣченія этихъ реформъ въ земляхъ австрійскихъ. Говорится это по адресу „края", но имѣющіе уши слышать сидятъ немного дальше, въ столичномъ городѣ Вѣнѣ. Какъ разъ тамъ, уже скоро полгода, подъ пагубнымъ вліяніемъ все той же россійской „реформы", идетъ борьба за избирательную реформу въ духѣ равнаго и

---

[1]) Слова подчеркнуты въ оргиналѣ.
Słowo polskie, 8 н. с. іюня 1906.

прямого права, и ее все еще не удалось убить вполнѣ и безповоротно, несмотря на всѣ старанія польскихъ политиковъ, консерваторовъ, такъ точно какъ и демократовъ, твердо памятующихъ, что каждый изъ нихъ „прежде родился Полякомъ, чѣмъ сталъ демократомъ“ и поэтому безъ церемоній приносящихъ свой якобы демократизмъ въ жертву интересамъ польскаго господства. Напоминаніе о необходимости держать галицкихъ Украинцевъ въ рукахъ и не колебать обуздывающаго ихъ польскаго господства какими либо демократическими реформами съ этой точки зрѣнія можетъ быть особенно кстати. Аграрная реформа можетъ найти свой резонансъ въ Галиціи, а это въ высокой степени опасно не только для польскаго господства вь Галиціи, опирающагося все еще на крупнымъ землевладѣніи, но и для государственнаго режима, опиравшагося до сихъ поръ исключительно на аристократическихъ и владѣльческихъ классахъ. Эту обоюдность интересовъ нужно выяснить и затѣмъ пригласить австрійскую полицію и администрацію къ наблюденію и преслѣдованію, совмѣстно съ сыщиками добровольцами изъ народовыхъ демократовъ, всякихъ связей галицкихъ Украинцевъ съ Украиною россійскою, съ освободительнымъ движеніемъ Россіи, со всѣмъ, что грозитъ внести лучъ свѣта въ кромѣшную тьму Галиціи, такъ тщательно консервированную польскими рыцарями цивилизаціи. И „демократическіе“ органы галицкой Польши, наперерывъ съ консервативными, развиваютъ энергическую дѣятельность въ этомъ направленіи.

За украинскую кость.

(Вопросъ о Холмщинѣ).

Какъ только въ послѣдніе годы стали серьезно обсуждать вопросъ объ автономіи Польши, съ украинской стороны не переставали указывать и напоминать, что Польша этнографическая и такъ называемое Царство Польское двѣ вещи совершенно различныя, и что это нужно имѣть въ виду. Обыкновенно говорится объ автономіи Польши въ ея этнографическихъ границахъ, и законность такой автономіи въ этихъ этнографическихъ границахъ признаютъ всѣ. Но въ дѣйствительности Поляки домогаются автономіи Царства Польскаго, а это совсѣмъ измѣняетъ дѣло.

„Царство Польское" заключаетъ въ себѣ, въ восточной части, территоріи украинскія, бѣлорусскія и литовскія, совершенно случайно соединенныя съ чисто польскими землями, и при введеніи автономнаго устройства въ Польшѣ эти земли обязательно должны быть выдѣлены. Съ украинской стороны объ этомъ напоминали постоянно. Бѣлоруссы, а еще болѣе Литовцы тоже указывали на это. Но въ русскихъ либеральныхъ кругахъ, какъ и въ правительственныхъ сферахъ, къ этимъ голосамъ и напоминаніямъ прислушивались мало. Это давало Полякамъ возможность по большей части замалчивать подобные голоса, въ надеждѣ, что изъ нихъ ничего не выйдетъ. Только въ послѣднее время, послѣ образованія особой прави-

---

„Рада", 1907 г. №№ 2, 3 и 4.

тельственной коммисіи для пересмотра вопроса о Холмщинѣ—оставить ли ее въ составѣ Царства Польскаго, или выдѣлить,—въ польскихъ кругахъ поднялась большая тревога. Польскіе политики на разные лады стараются затушевать этотъ вопросъ и если не похоронить на вѣки, то по крайней мѣрѣ отсрочить. Среди ихъ усилій въ этомъ направленіи особеннаго вниманія заслуживаетъ статья лидера польскихъ національ-демократовъ гр. Тышкевича, появившаяся въ органѣ к.-д. „Рѣчь“ съ сочувственнымъ комментаріемъ редакціи. Статья эта не только хорошо характеризуетъ тактику польскихъ политиковъ въ этомъ вопросѣ, но и вообще бросаетъ свѣтъ на занимаемую ими позицію.

Высокородный авторъ—Украинецъ по происхожденію, но изъ разряда давно перешедшихъ „въ станъ торжествующихъ“—идетъ старыми протоpенными путями, которыми польскимъ политикамъ не разъ удавалось забѣжать дорогу вопросу объ отдѣленіи Холмщины.

Прежде всего онъ старается дискредитировать этотъ вопросъ въ глазахъ русскихъ либераловъ и съ этой цѣлью представляетъ отдѣленіе Холмщины дѣломъ „истинно-русскихъ людей“, русскихъ националистовъ, исходящимъ изъ „узко-классовыхъ и низменныхъ вожделѣній“. Оно, дескать, имѣетъ въ виду интересы православнаго духовенства въ Холмщинѣ, боящагося остаться безъ прихожанъ и безъ доходовъ, и соображенія нѣкоторыхъ холмскихъ обывателей на счетъ разныхъ выгодъ на случай преобразованіе Холма въ губернскій городъ.

Пѣсни не новыя. Польскіе мастера закулисной политики поютъ ихъ давно и успѣли убѣдить мѣстную администрацію въ ихъ справедливости. Интересныя поясненія на эту тему мы читали годъ тому назадъ въ львовскихъ національ-демократическихъ органахъ. И теперь, какъ и раньше, бюрократія съ своей стобоны противится выдѣленію Холмщины по особымъ бюрократическимъ мотивамъ. Слѣдовательно остается

лишь настроить соотвѣтствующимъ образомъ русское общество.

Графъ Тышкевичъ успокаиваетъ его, доказывая, что великорусскому народу совсѣмъ нечего безпокоиться о Холмской Руси, о томъ, что она будетъ окатоличена и ополячена Ея обитатели вовсе не Великороссы, а Русины; они отличаются отъ Великороссовъ и языкомъ, и бытомъ, будучи наиболѣе близкими «къ своимъ галицкимъ братьямъ». Ставши католиками и Поляками, они не перестанутъ быть Славянами, не сдѣлаются „измѣнниками общеславянской идеѣ", такъ что съ этой стороны все обстоитъ благополучно, и Великороссамъ нечего безпокоиться. Лидеръ польскихъ народовыхъ демократовъ очевидно представляетъ себѣ современныя отношенія въ Россіи въ видѣ размежеванія интересовъ двухъ государственныхъ націй—великорусской и польской. То, чего вы, господа Великороссы, не сможете проглотить, отдайте намъ, Полякамъ, а при этомъ помните, что и мы, и вы—Славяне! Толькобы „окаянному Нѣмчурѣ" не досталось, а съѣдимъ ли мы, или вы, это безразлично—все одно попадетъ въ славянское брюхо. „Славянскіе ручьи сольются ль въ русскомъ морѣ", или въ польскомъ,—это не велика бѣда. Нужно быть только добрыми Славянами и больше всего ненавидѣть Нѣмцевъ.

Польскіе политики успѣли подмѣтить, что на струнахъ германофобства, на расовой славянской психикѣ и славянофильскомъ противоставленіи міра германскаго и славянскаго можно съ успѣхомъ наигрывать не только „передъ истинно-русскими людьми", но и предъ руководителями русскаго либерализма. А къ этимъ струнамъ польскіе публицисты привыкли. Какъ извѣстно, „историческая миссія" Польши проявляется въ томъ, что она шагъ за шагомъ уступаетъ въ жертву Нѣмцамъ свои западныя области и ищетъ вознагражденія польскому элементу на востокѣ, въ „менѣе культурныхъ" областяхъ украинскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ. Въ этомъ Полякамъ не слѣдуетъ мѣшать.

Правда, россiйскiе славянофилы провозгласили когда-то самихъ Поляковъ „измѣнниками общеславянской идеѣ“. На этомъ основанiи они хотѣли „располячивать Польшу“, какъ выражается графъ. Хотѣли обратить Поляковъ въ Великороссовъ, чтобы усилить эту единственную вѣрную славянскимъ началамъ народность и противопоставить ее германизму. Но эти „истинно-русскiе люди“, по мнѣнiю графа, были „узкими доктринерами“. Истинно польскiе народовые демократы много терпимѣе; они говорятъ Великороссамъ искренно и открыто: „что твое—то твое, а что не твое—то мое“, и баста!

Что здѣсь можетъ быть иная точка зрѣнiя, съ которой можно и слѣдуетъ разсматривать настоящiй вопросъ, этого гр. Тышкевичъ не видитъ, а, можетъ быть, и не хочетъ видѣть, вмѣстѣ со своими товарищами по партiи. Онъ не допускаетъ, повидимому, что независимо отъ всякихъ эгоистическихъ нацiональныхъ разсчетовъ можно заботиться о судьбѣ народа, который въ теченiе пятисотъ лѣтъ оборонялъ себя собственными слабыми силами противъ денацiонализацiи, оставленный высшими классами, лишенный почти всякихъ культурныхъ средствъ, а въ послѣднiя десятилѣтiя безсмысленной политикой русской бюрократiи былъ выданъ головой своему болѣе сильному сопернику. Онъ не допускаетъ, чтобы можно было вполнѣ безкорыстно думать о необходимости дать этому народу возможность культурнаго и нацiональнаго развитiя и самоопредѣленiя Онъ умалчиваетъ о томъ, что голоса въ защиту этого народа, въ пользу возможнаго обособленiя его отъ польскихъ влiянiй исходили не отъ однихъ только „истинно-русскихъ людей“, а неустанно раздавались и изъ украинскихъ круговъ, совершенно чуждыхъ тѣмъ, „узко классовымъ и низменнымъ вожделѣнiямъ“, на которыя помаваетъ главою нашъ высокородный землякъ,—изъ круговъ, не заинтересованныхъ ни въ доходахъ отъ приходовъ, ни въ цѣнахъ на дома въ Холмѣ. И вообще о томъ, что

въ этомъ вопросѣ кромѣ Поляковъ и Великороссовъ можетъ быть еще третій заинтересованный—заинтересованный близко, и кровно—украинскій народъ, украинское общество,—объ этомъ лидеръ польскихъ народовыхъ демократовъ не проронилъ ни слова.

II.

Противъ стремленія отдѣлить Холмщину гр. Тышкевичъ апеллируетъ къ „русскому общественному мнѣнію“ и на судѣ его хочетъ противопоставить „оффиціальному толкованію“ холмскаго вопроса толкованіе иное, основанное, по его словамъ, на „неопровержимыхъ историческихъ и реальныхъ данныхъ“. Излагая свое толкованіе, гр. Тышкевичъ однако довольно скромно пользуется данными изъ богатаго арсенала народовыхъ демократовъ. Онъ разсказалъ лишь анекдотъ о разговорѣ сѣдлецкаго губернатора Громеки съ Украинцами-Подляшанами, но изъ этого анекдота трудно вывести какое-нибудь заключеніе для темы. Нѣсколькими словами лишь упомянулъ онъ о трудности этнографическаго разграниченія польской и украинской территорій, не углубляясь въ свой научный арсеналъ.

Такая скромность весьма похвальна, такъ какъ на доводахъ, почерпнутыхъ изъ народовыхъ польскихъ сокровищницъ, далеко не уѣдешь, какъ это показываетъ историческая справка графа, что Холмщину соединяютъ съ Польшей семь вѣковъ общей исторіи. Людямъ, даже не учившимся въ семинаріи, извѣстно, что 700 лѣтъ тому назадъ какъ разъ начиналъ свою дѣятельность Даніилъ Романовичъ, съ правленіемъ котораго совпадаетъ золотой вѣкъ Холма: Даніилъ хотѣлъ сдѣлать этотъ городъ своей столицей и резиденціей, и вообще посвящалъ особенное вниманіе украинскому Побужью. Не знаю, о чемъ повѣствуютъ вза-

мѣнъ этого тѣ руководства, изъ которыхъ черпаетъ свои „безспорныя историческія и реальныя данныя“ лидеръ польскихъ народовыхъ демократовъ; но для людей постороннихъ, эти народово-демократическія данныя могутъ быть и необязательны, если они противорѣчатъ фактамъ исторіи—обыкновенной, основанной на источникахъ, а не сочиненной ad usum Polonorum.

Въ сферѣ бытовой авторъ пугаетъ „русское общественное мнѣніе“ „искусственнымъ созданіемъ“ новаго административнаго центра въ Холмѣ; о томъ, что Холмъ былъ вѣковымъ историческимъ центромъ украинскаго Забужья, во времена польскаго господства и прежде того, при этомъ умалчивается. Онъ тревожитъ его тѣми невыгодами, какія потерпитъ населеніе при переходѣ отъ кодекса Наполеона къ общегосударственному гражданскому праву, отъ формъ ипотеки, принятой въ Царствѣ Польскомъ, къ новымъ формамъ земельнаго кредита, и т. д. Такая забота о неудобствахъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе перемѣнъ въ народной жизни, нѣсколько неожиданна въ польскихъ устахъ. Въ свое время польскіе политики, не считаясь съ выгодами или невыгодами мѣстнаго населенія, вводили въ Холмщинѣ польское и нѣмецкое право, замѣняя имъ мѣстное, украинское обычное и писанное право. Вѣроятно, не особенно считались съ удобствами этого населенія и позднѣйшіе польскіе администраторы, вводя кодексъ Наполеона. Не слишкомъ ли большой страхъ предъ жизнью и развитіемъ его обнаруживаютъ теперь, „заднимъ числомъ“, польскіе политики и подпѣвающіе ихъ голосамъ русскіе, когда они такъ пугаютъ русское общество невыгодами, могущими возникнуть для крестьянъ при перемѣнахъ въ системѣ ипотеки или отмѣнѣ наполеоновскаго кодекса? А между тѣмъ, еслибъ такъ ужъ опасны были эти измѣненія, то можно было бы и удержать въ Холмщинѣ кое-что изъ прежнихъ порядковъ временно—впредь до общей перестройки земельныхъ отношеній и пересмотра гражданскаго уложенія.

Но, вѣроятно, не въ этихъ соображеніяхъ объ интересахъ мѣстнаго населенія лежитъ центръ тяжести аргументовъ польскаго публициста. Главное—это нарушеніе польскаго „національнаго достоянія“. Онъ не допускаетъ даже мысли о какомъ-либо вознагражденіи Поляковъ за отдѣленіе Холмщины присоединеніемъ какой-нибудь другой территоріи.

Никакія прирѣзки, говоритъ гр. Т., не могутъ вознаградить за новый раздѣлъ Польши. За 7 вѣковъ общей исторіи она органически срослась съ Холмщиной и, какъ бы ни изящна была искусственная приставка, она не смогла бы замѣнить для Поляковъ отнятаго члена. Сто лѣтъ тому назадъ вѣнскимъ конгрессомъ точно обозначены границы Польши. Къ чему нуженъ четвертый раздѣлъ, задуманный теперь кабинетомъ П. А. Столыпина? Гдѣ гарантіи, что если удастся это покушеніе на историческія границы королевства, подобный же актъ не повторится на основѣ того же самаго 87 параграфа въ новый между-думскій антрактъ? Поляки не могутъ помириться съ мыслью, что они будутъ стерты съ карты Европы и въ культурно-бытовомъ отношеніи, что подъ покровомъ административныхъ опытовъ будутъ производиться покушенія на ихъ національное достояніе, исторически признаваемое и Россіею.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Поляки охраняютъ „историческія границы“, польскій stan posiadania. Ну, это пѣсня старая и хорошо извѣстная, и незачѣмъ затемнять ее припѣвами о трудности размежеванія территорій, ипотекѣ и наполеоновскомъ кодексѣ. Польскіе политики, не стѣсняющіеся посторонней публикой и поющіе, не выкидая изъ этой пѣсни словъ, говорятъ объ „исторической Польшѣ“, „Польшѣ отъ моря до моря“. Народово-демократическимъ политикамъ царства Польскаго въ настоящія трудныя времена приходится дѣлать въ этой пѣсни значительныя купюры и говорить о границахъ, установленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, умалчивая о настоящей исторической Польшѣ.

Фи, какой жалкій оппортунизмъ! Вѣнскій конгрессъ— это издѣліе европейскихъ политиковъ, не насчитывающее за собою и ста лѣтъ! Кто же не знаетъ, какъ произвольно слѣпили тогда царство Польское эти политики, порвавши со всѣми традиціями старой, исторической Польши. Прикрываться рѣшеніями конгресса, это значитъ молчаливо признать все, ему предшествовавшее, значитъ допускать историческую давность и правосильность трехъ раздѣловъ Польши! Правда, Польша вѣнскаго конгресса все таки даетъ польскому stanowi posiadania нѣсколько больше, чѣмъ Польша въ границахъ этнографическихъ. Все таки къ ней прилипла Холмская Русь, во времена исторической Польши бывшая одною изъ пяти земель, изъ которыхъ слагалось „Русское воеводство". Прилипла часть Подляшья, этой старой украинской области, затѣмъ провинціи в. кн. Литовскаго, колонизованной мазурской шляхтой, но въ народныхъ массахъ украинской, отчасти бѣлорусской. Прилипла часть литовской Жмуди, провинціи в. кн. Литовскаго. Польскимъ политикамъ приходится дорожить и этимъ и охранять эти случайныя прирѣзки, какъ не вѣсть какія исконныя, органическія части польскаго народнаго организма. Сегодня собираются отдѣлить Холмщину, а завтра поднимутъ разговоръ о Сувалкской губерніи, съ сосѣдними уѣздами, заселенными литовскими крестьянами. Польское „достояніе" въ самомъ дѣлѣ готово понести довольно чувствительныя потери.

А польскіе помѣщики за долгіе вѣка—хоть и не семь, какъ пишетъ почтенный авторъ—такъ привыкли къ ruskiej glebie, poczciwemu kmiotkowi—украинскому и литовскому. Они такъ обжились на этой землѣ, вложили въ нее столько своего шляхетскаго труда, изъ силъ выбиваясь съ „лѣнивымъ и непослушнымъ хлопомъ". Въ теченіе стольких поколѣній претворяли они плоды некультурнаго крестьянскаго хозяйства въ высокія произведенія нѣмецкой и французской цивилизаціи для своего барскаго обихода! Отнять все это отъ

нихъ—недопустимое дѣло. Этого Поляки не потерпятъ. Высокородный авторъ вполнѣ опредѣлено грозитъ русскимъ либераламъ въ заключеніе своей статьи, что „польская нація“ готова разсориться съ „русскимъ народомъ“ изъ за Холмщины. Польская нація готова „почувствовать охлажденіе“ къ русскому народу за такую „обиду, причиненную Польшѣ“, если онъ, или лучше сказать,—русскіе либералы не вмѣшаются въ это дѣло и не удержатъ русскую бюрократію въ ея планѣ выдѣленія украинскихъ земель изъ царства Польскаго.

III.

Всякій разъ, когда польскіе политики въ своихъ тактическихъ планахъ основывали свои разсчеты на незнаніи мѣстныхъ условій—у россійской ли бюрократіи, или у руководителей либеральной Россіи, ихъ расчеты не оправдывались только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Невѣдѣніе украинскихъ отношеній въ сферахъ, бравшихся рруководить судьбою Украины, разрѣшать различные вопросы украинской жизни, было и до сихъ поръ остается прямо-таки невѣроятное.

Разныя были фазы въ этихъ отношеніяхъ. Чаще всего россійская бюрократія „въ интересахъ порядка“ и „охраны основъ“ охраняла всю полноту власти польскаго помѣщика надъ украинскимъ „подданнымъ“. Но случалось и такъ, что она принималась бороться съ польскими вліяніями, противоставляя имъ оффиціальную „народность“ и такое же оффиціальное православіе. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ она только усиливала перевѣсъ польскаго элемента надъ украинскимъ, обезсиливая послѣдній, лишая его всякихъ средствъ къ развитію, культурному и національному самоопредѣленію.

Бюрократію уловлялъ польскій элементъ, въ качествѣ стража „основъ“ и „порядка“, какъ крайне кон-

серватитвный факторъ. Для либераловъ этотъ элементъ имѣлъ въ запасѣ красивыя фразы и эффектныя слова о стремленіхъ Поляковъ къ свободѣ, объ общей борьбѣ съ оффиціальнымъ гнетомъ, и т. д. Правда, по опыту недавняго прошлаго русскіе либералы могли хорошо убѣдиться, какъ неглубоки эти фразы. Они видѣли, какъ легко освобождается отъ этого эффектнаго одѣянія польскій помѣщикъ-аграрій, когда во имя свободолюбивныхъ идей затропутъ его помѣщичьи интересы, или вопросъ о польскомъ stanie posiadania. Они слышали, какъ въ такихъ случаяхъ во имя „нравственной красоты исповѣдуемыхъ принциповъ свободы“ эти польскіе помѣщики-свободолюбцы начинали защищать свое шляхетское господство и власть, свое помѣщичье status quo. Но эта наука съ трудомъ прививается въ русскихъ либеральныхъ кругахъ. Холмскій вопросъ показываетъ это очень хорошо, а комментаріи, которые присоединилъ органъ партіи „народной свободы“ къ выводамъ польскаго графа по данному вопросу, могутъ служить хорошимъ примѣромъ въ частности. Можетъ быть, эти комментаріи случайно написаны перомъ „нѣсколько беззаботнымъ по части политики“, подобно тому, какъ у Гоголя выступаетъ „господинъ нѣсколько беззаботный по части литературы“. Но комментаріи появились въ видѣ редакціонной статьи въ официальномъ органѣ партіи народной свободы и мы должны принимать ее за официальный голосъ партіи.

И вотъ мы видимъ, что не успѣлъ польскій политикъ кивнуть на „истинно-рускихъ людей“, какъ на единственныхъ авторовъ и инициаторовъ дѣла отдѣленія Холмщины,—ужъ органъ партіи народной свободы послушно повторяетъ его слова. Отдѣлить Холмщину—это значитъ, пишетъ ка-детскій органъ, „сдѣлать угодное кучкѣ мѣстныхъ дѣятелей, проводящихъ тенденціи истинно-русскихъ людей“. Трудно даже оцѣнить надлежащимъ образомъ такое заявленіе! Развѣ ка-детскимъ политикамъ неизвѣстно, что Украинцы все время и на каждомъ мѣстѣ не переставали доказывать особность

украинской Холмщины и Подляшья отъ этнографической Польши? Что они всегда выступали противъ включенія этихъ территорій въ границы автономной Польши не въ интересахъ какихъ-нибудь „истинно-русскихъ людей“, а имѣя въ виду безгласныя, забитыя украинскія массы, населяющія этотъ край? Что украинская пресса, а въ особенности „Громадська Думка“ и „Рада“ въ прошломъ году были наполнены статьями на эти темы? Что даже ка-детскіе руководители снисходили до успокоенія Украинцевъ въ этомъ отношеніи или выясненія своей точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ? Что же это—глубокое невѣдѣніе, или умышленное игнорированіе того, что не подходитъ подъ тактику партіи?

Угроза графа, что отдѣленіе Холмщины можетъ поссорить польское общество съ русскимъ, очевидно, она осталась безъ вліянія на автора комментарія. Онъ очень убѣдительно предостерегаетъ правительство, чтобы оно не спѣшило „вбить новый клинъ въ русско-польскія отношенія“. По его мнѣнію, дѣло нужно отдать на судъ „представителей русскаго народа“.

Если Поляки такъ враждебно относятся къ проекту, то, казалось бы, этого одного достаточно для того, чтобы отложить его разсмотрѣніе до созыва государственной думы. Пусть тогда представители русскаго народа рѣшатъ, насколько интересы русской національности требуютъ спеціальнаго огражденія путемъ созданія новой административной единицы, пусть тогда и Поляки будутъ выслушаны по вопросу, такъ близко ихъ затрагивающему,—пишетъ онъ.

Русскій конституціонный демократъ станетъ такимъ образомъ вполнѣ на точку зрѣнія польскаго народоваго демократа. Вопросъ сводится къ размежеванію сферы интересовъ двухъ государственныхъ народностей: русской и польской. Костромичи и Ярославцы выскажутся въ Думѣ о томъ, считаютъ ли они затронутыми, нарушенными свои національные интересы тѣмъ, что холм-

скіе „Русины“ отданы въ руки Поляковъ, или нѣтъ. Поляки пусть защищаютъ свои національные интересы предъ ними. О заинтересованныхъ ближайшимъ образомъ—о шкурѣ и костяхъ которыхъ будетъ итти процессъ, не упоминается тутъ ни однимъ словомъ. Нѣтъ рѣчи объ Украинцахъ, которымъ долженъ быть предоставленъ первый голосъ въ этомъ вопросѣ. Нѣтъ ни слова объ интересахъ мѣстнаго населенія Холмщины и Подляшья, о которомъ будетъ итти торгъ,—о его желаніяхъ, нуждахъ, о томъ, что необходимо выяснить и оцѣнить его положеніе, его потребности, прежде чѣмъ вопросъ будетъ отданъ на рѣшеніе представителей русскаго общества, которое гр. Тышкевичъ напередъ успокаиваетъ убѣжденіемъ, что украинскіе Холмщане ничего общаго съ Великоруссами не имѣютъ и Великоруссамъ нечего о нихъ заботиться.

Въ „историческіе и бытовые мотивы“ за и противъ отдѣленія авторъ комментарія не входитъ. Въ немъ не вызываютъ скептическихъ рефлексій увѣренія гр. Тышкевича, что переходъ украинскихъ уніатовъ въ католичество былъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ. Безъ замѣчанія пропускаетъ онъ тотъ интересный фактъ, что польскіе націоналисты, когда-то такъ горячо бравшіе въ оборону насильственно уничтоженную унію, теперь готовы считать ее чѣмъ-то совсѣмъ ненужнымъ и не заикаются о возобновленіи этой насильственно упраздненной предковской вѣры мѣстнаго населенія; „около 200 тыс. человѣкъ, ранѣе колебавшихся въ уніи между православіемъ и католичествомъ, стали окончательно исповѣдывать послѣднее, едва была уничтожена промежуточная форма между двумя обрядностями“—говоритъ гр. Тышкевичъ,—хотя переходъ изъ уніи въ католичество остается незаконнымъ даже съ точки зрѣнія католическаго каноническаго права. Молчаливо принимаетъ ка-детскій публицистъ увѣренія, что Поляки при всемъ этомъ не имѣютъ поползновеній „окатоличивать и ополячивать холмскую Русь“; что Поляки „независимо отъ тѣхъ или иныхъ политиче-

скихъ доктринъ, искренно проникнуты желаніемъ обезпечить права тѣхъ національныхъ меньшинствъ, представители которыхъ заселяютъ территорію Царства".

Что-же, изъ устъ ка-детскихъ политиковъ мы даже слыхали успокоенія по адресу Украинцевъ, чтобы они не боялись за судьбу своихъ одноплеменниковъ въ Холмщинѣ и на Подляшьѣ, такъ какъ Поляки, *какъ сами они говорятъ*, не имѣютъ намѣренія ихъ ополячивать и хотятъ обезпечить права національнаго меньшинства. Итакъ, нужно только и намъ научиться слѣпо вѣрить на слово польскимъ политикамъ, какъ умѣютъ вѣрить русскіе либералы—и всѣ наши страхи и сомнѣнія изчезнутъ безслѣдно. И безспорно, всему этому можно было бы повѣрить, закрывши глаза на все то, что творилось и творится въ той-же Холмщинѣ, а еще больше въ сосѣдней Галичинѣ. Тамъ польское общество уже дало наилучшія доказательства того, что, — какъ выражается гр. Тышкевичъ,—Поляки слишкомъ долго сами были оскорбляемы въ своихъ лучшихъ національныхъ чувствахъ, чтобы не умѣть уважать ихъ въ другихъ. Будемъ вѣрить, господа, и тогда, наконецъ, будетъ намъ тепло на свѣтѣ! Ка-детскій политикъ не желаетъ входить въ это все—онъ налегаетъ на формальную сторону, указывая, что вопросъ рѣшается помимо Думы, и доказываетъ, что дѣло, ожидавшее столько лѣтъ, можетъ обождать для своего рѣшенія „нѣсколько мѣсяцевъ".

Нечего и говорить, что и намъ нисколько не нравится не конституціонный путь, на который поставленъ этотъ вопросъ, передача его въ бюрократическія руки, уже столько разъ показавшія себя неспособными къ разрѣшенію національныхъ вопросовъ, а въ особенности украинско-польскаго. Но мы въ то же время не такъ наивны, чтобы думать, что это дѣло, дѣйствительно, можетъ быть покончено Думою „въ нѣсколько мѣсяцевъ". Мы уже видѣли одну Думу, и пусть бы кто-нибудь изъ Украинцевъ попробовалъ въ ней, среди вопросовъ, занимавшихъ эту Думу, поставить вопросъ

о Холмщинѣ! Развѣ такое предложеніе не было бы встрѣчено болѣе или менѣе такимъ же образомъ, какъ министерскій проектъ объ устройстввѣ новыхъ прачешныхъ при дерптскомъ университетѣ? Развѣ этотъ вопросъ не былъ бы сочтенъ м елочнымъ, несерьезнымъ въ сравненіи съ основными вопросами, занимавшими Думу? Развѣ не высмѣяли бы тѣхъ, кто рѣшился бы поднять этотъ вопросъ? А новая Дума? Можно ли думать, что она будетъ имѣть болѣе времени, охоты и пониманія для такого „мѣстнаго" дѣла, такого „мелкого" національнаго спора? Нѣтъ, Дума еще долго, долго не будетъ имѣть возможности заниматься такими вопросами.

А если Дума и займется этими вопросами, съ такой точки зрѣнія, на какой сталъ ка-детскій органъ, представитель хозяевъ этой Думы, въ этомъ вопросѣ о Холмщинѣ,—то это не много обѣщаетъ добра „труждающимся и обремененнымъ" въ ихъ мѣстныхъ бѣдахъ и національныхъ неправдахъ. Точка зрѣнія кадетскаго органа—это точка зрѣнія высокой политики, желающей оцѣнивать вопросы съ точки зрѣнія „интересовъ русской національности", „вбиванья или не вбиванья клина въ русско-польскія отношенія," а не съ точки зрѣнія тѣхъ, чьи кости и шкура выставлены на торгъ въ этой высокой политикѣ. Стоя на такой точкѣ зрѣнія „парламентарной политики", новые парламентаріи будутъ также неспособны къ разрѣшенію „проклятыхъ вопросовъ" русской жизни, какъ и старые бюрократы съ ихъ теоріями „государственныхъ интересовъ". И надъ этимъ должны заблаговременно призадуматься основательно всѣ искренніе друзья конституціонализма и парламентаризма.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
7	10 сн.	предать	передать
32	19 „	находя	не находя
37	11 „	разысми	разными
56	4 св.	отдѣлоности	отдѣльности
65	18 „	мѣтса	мѣста
74	3 „	милитаристическимъ	милитаристическомъ
78	4 „	diride	divide
86	15 сн.	Россія	Россіи
87	16 св.	обществеп-	общественнаго
128	15 сн.	которая	которому

Оглавленіе.

		Стр.
	Предисловіе	III—VII
I.	Противъ теченія	1— 5
II.	„На другой день“	6— 11
III.	Украинскій вопросъ	12— 41
IV.	Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX столѣтіи	42— 54
V.	Единство или распаденіе Россіи?	55— 67
VI.	Національный вопросъ и автономія	68— 80
VII.	О зрѣлости и незрѣлости	81— 85
VIII.	Наши требованія	86— 92
IX.	Фразы и факты	93—100
X.	Равною мѣрою	101—103
XI.	Къ злобѣ дня	104—106
XII.	Невѣроятно	107—111
XIII.	Позорной памяти	112—114
XIV.	Украинскій Пьемонтъ	115—120
XV.	На конституціонныя темы	121—131
XVI.	Вопросъ дня (аграрныя перспективы)	132—140
XVII.	Національные моменты въ аграрномъ вопросѣ	141—145
XVIII.	Конецъ гетто!	146—148

Стр.

XIX. Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и нужды украинской науки . . . . 149—194

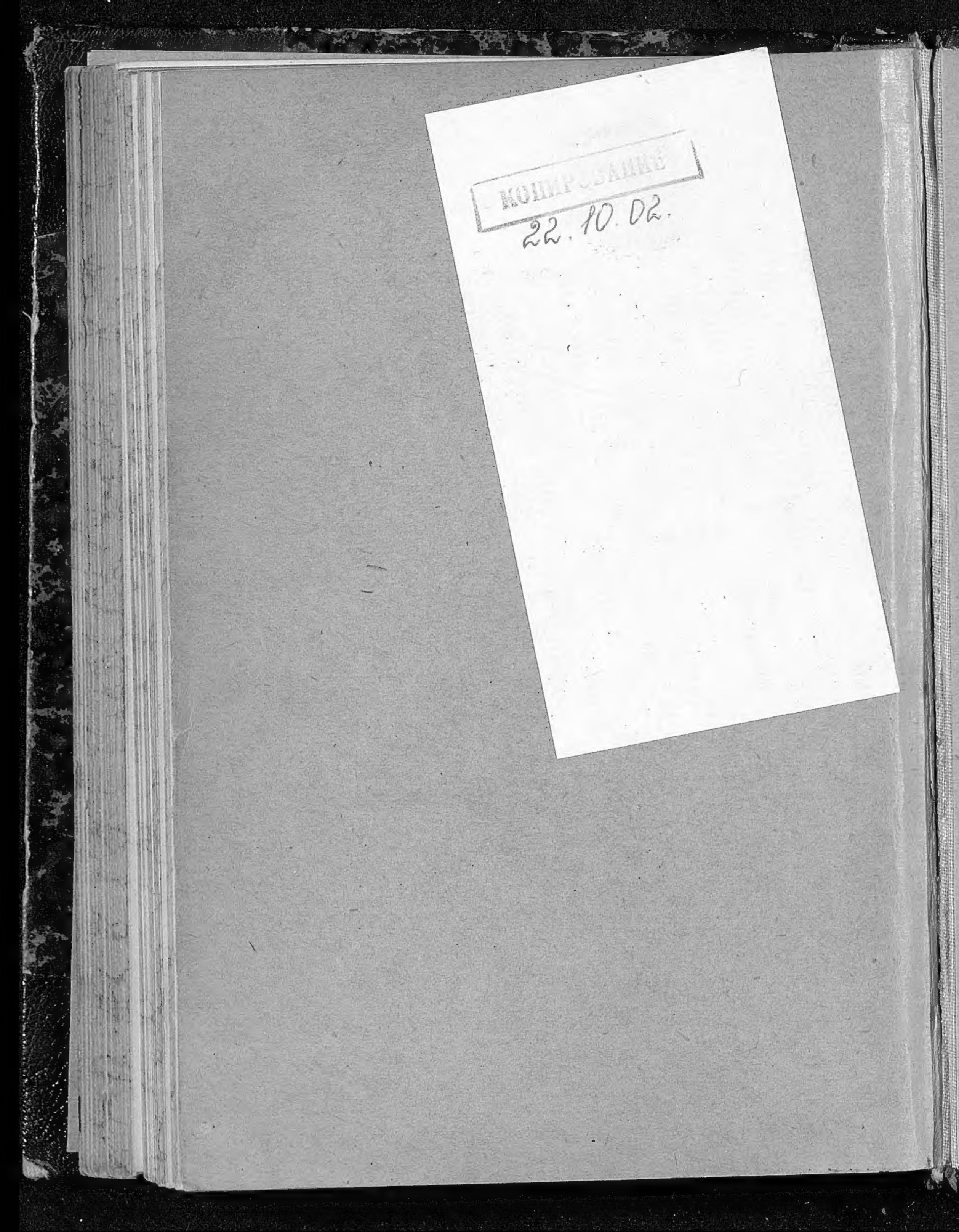
XX. Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Нѣсколько иллюстрацій къ вопросу: автономія областная или національно-территоріальная . . . . 195—264

XXI. Встревоженный муравейникъ . . . . 265—277

XXII. За украинскую кость (вопросъ о Холмщинѣ) . . . . 278—291

Замѣченныя опечатки 292

Оглавленіе 293

КОПИРОВАНИЕ
22.10.02.

